

СТРАЖНИЦА СЛАТУШЭНІ

ИРМА
ХАН

Он с первого взгляда понял, что перед ним та единственная женщина, которую он ждал всю жизнь. Она же стремилась побороть свои чувства к нему, ведь он был женат. Обстоятельства, при которых они встретились, были более, чем прозаичны — путешествие на "Джипах" по Карелии.

Если бы подполковнику Алексею Барсову кто-то сказал, что его возлюбленная Тата шаманка — он бы только усмехнулся.

Но судьба преподнесёт им сюрприз и они вдвоём окажутся в Славтушэни — мире магии и шаманов. В мире, который поразит их не только волшебством, но и коварством. В мире, который спасёт их любовь.

«... И преклонили тогда шаманы и старейшины колени, и вознесли руки к небу, и взмолились Духам Земли и Неба: «Не дайте нам, Духи природы, предать веру предков наших! Не дайте принять иную веру! Не дайте душе и телу погибнуть от руки тех, кто хочет силой заставить нас изменить всему тому, во что мы веруем и что так любим и ценим! Дайте нам прибежище, и мы сохраним в сердцах своих любовь к вам, и будем вам преданы от века до века, и детей своих к вере предков наших приобщим!» И услышали Духи мольбы их. И поспешили на помощь к ним. И посыпал дождь радужный с небес, и взяли мужья жён своих за руки, а те детей своих. И пошли сквозь стену дождя все те, кто не хотели предать веру предков своих за шаманами и старейшинами, и исчезли они из мира этого, и оказались на той стороне...»

Из книги «Летопись предков Славтушэни и Фэштупали»

Глава 1 часть 1

Алексей смотрел на жену, которая упаковывала чемодан.

— Ну, зая, ну, кусичка! — приговаривала Юля. — Ну, не ругайся! Ничего же страшного не произошло.

— Ну как не произошло, Юля! Я за последние полгода уже третий раз вытаскиваю тебя из ментовки! А тут еще нападение на полицейского...

— Да не нападала я на него! Он меня лапал.

— Он тебя в козелок упаковывал.

— Ага, и за задницу прихватил между делом, — с сарказмом сказала Юлька.

— Да он помогал тебе в машину сесть, ты же на ногах не стояла!

— Тебе на жену наговаривают, а ты и рад про меня гадости слушать, — возмущалась Юля.

— Послушай, — устало произнёс Алексей, — я человек в определённых кругах известный и мне не надо, что бы трепали имя моей жены и моё! Неужели ты это до сих пор не поняла! Я офицер...

— Вот и хорошо, что ты офицер, — перебила его Юля, — и что известный, а то бы меня в этой каталажке могли на 48 часов задержать, так сказать, до выяснения. А лейтенант один там, кстати, ко мне клинья подбивал. А я ему говорю: «У меня муж подполковник», так знаешь, что он мне ответил? Знаешь? Небось, говорит, твой подполковник и не может уже ничего. Представляешь? — Юля хохотнула и подошла к Алексею.

Познакомились они с Юлей очень прозаично. Алексея, который не особо жаловал всякие увеселительные заведения, пригласил в ночной клуб отпраздновать очередное звание коллега по работе, который, наоборот, такой отдых очень любил. Алексей в женском внимании никогда не имел недостатка, но на тот момент был свободен. Поэтому, когда Балун — Медведев Игорь — подвёл к их столику двух симпатичных девушек, оказал одной из них — Юличке, внимание и симпатию. И как-то так получилось, что они вчетвером оказались у Алексея дома. Квартира у него была большая, трехкомнатная сталинка, места хватило всем. Следующий день был выходным, и они провели его все вместе: поехали за город на пашлык. Время они провели весело, девушки были с чувством юмора, беззлобные хохотушки. Ближе к вечеру Алексей отвёз Балуну с Оксаной — так звали подругу Юли по домам, а сам предложил Юле поехать к нему. Девушка не отказалась и они стали встречаться. Юля работала администратором в салоне красоты. Алексей забирал её после работы, они отправлялись куда-нибудь поужинать, а потом ехали к нему, но свои выходные Юля обычно проводила с подругами. Через пару месяцев Алексей предложил ей жить вместе. Она согласилась.

Родители Юли отнеслись к Алексею с симпатией. Особенно была рада её мама, Ольга Павловна. Наконец — то в жизни дочери появился настоящий мужчина с серьёзными намерениями, а не какой-то юнец, которому только по клубам шастать. На самом деле Ольга Павловна очень надеялась, что рядом с таким мужчиной Юля остепенится. Юлин отец, Константин Юрьевич, был мелким чиновником и служил в Смольном. Он-то первый и заговорил с Алексеем о свадьбе. Дескать, не дело это жить не расписанными. Неприлично это. Не по-людски. Алексей был в Юлю влюблён и против свадьбы ничего не имел. Да и

пора ему было жениться, не мальчик уже, 33 года. Свадьбу сыграли пышную и весёлую, и первое время они жили с Юлей хорошо. Правда, интересы у них оказались очень разные. В основном Алексея, человека мало употребляющего алкоголь, смущала её любовь к спиртным напиткам и ночным клубам. Из-за этого у них и начался разлад в семье. Да ещё Юля, несмотря на молодость, ей было всего 25 лет, увлеклась, как она выражалась приведением себя в порядок. Когда она увеличила губы, Алексей только пожал плечами, но когда она захотела увеличить грудь, он возразил. «Зачем, Юлька, у тебя прекрасная грудь!», но она расплакалась, сказала, что он её не понимает и не желает, что бы она выглядела сексуально из-за ревности и из-за обывательских предрассудков. Когда же Алексей спросил, можно ли будет кормить ребёнка с инплантатами, Юлька огорошила его. Она сказала, что ребёнок ей не нужен, не собирается она портить фигуру и трать свою молодость на пелёнки-распашенки, горшки и сопливые носы, и что походы с подругами в бар доставляют ей большее удовольствие, чем сама мысль о детях. Примерно через год бесполезных увещиваний и призывов отказаться от ночных гуляний Алексей предложил Юле пожить отдельно, подумать, нужна ли ей семья и сделать выбор, либо в пользу свободной жизни, либо семьи, Юлька устроила ему истерику. Сказала, что он не любит и не понимает её, а у неё нервы, тяжёлая работа, взбалмошные клиенты и деспотичный директор и ей надо расслабляться. Но Алексей, после того, как в очередной раз забрал Юлю пьяной из бара, был непреклонен. Да, он понимал, что Юля молода и ей хочется погулять, но всему есть предел. И если ей замужество мешает жить, как она хочет, то лучше развестись. Они бы и развелись, но случилась беда: Константин Юрьевич погиб в аварии. Ольга Павловна на этой почве слегла, у неё случился инфаркт. Алексей забрал её и Юлю к себе, проявляя заботу о теще. Мама у него умерла, а Ольга Павловна относилась к нему, как к сыну и он не считал возможным бросить её в таком состоянии. Юля была подавлена гибелью отца и напугана болезнью матери. Эти два обстоятельства сделали её серьёзней, и она словно повзрослела. В их семье наступил лад, Юля не стремилась в клубы, а заботилась о матери. Алексей решил, что не было бы счастья, да несчастье помогло, но ошибся. Стоило Ольге Павловне поправиться и вернуться домой, все ночные походы возобновились, только намного чаще. Словно Юлька пыталась наверстать упущенные полгода, которые болела её мама. И самое неприятное заключалось в том, что она становилась агрессивной в подпитии. Устраивала скандалы в клубах и дошло до того, что попадала в полицию. Вот и сейчас буквально за пару дней до их отъезда Алексей забрал её из участка. «Что же с ней случилось?» — думал Алексей. Раньше она такой не была... А, может, была, просто он не хотел этого замечать? Прятался за работой, исчезал в командировках, только бы не слышать, как они оторвались в клубе, как к Оксане пристал какой-то козел, как была одета или раздета? стриптизерша. Он смотрел на неё и удивлялся, как мог влюбиться в такую далёкую от него по жизненным позициям женщину.

Но Юля по- своему истолковала его взгляд.

— А на самом деле мой подполковник ещё ого — го, да? — И она стала расстёгивать ремень на его брюках.

И тут Алексей с удивлением понял, что он не реагирует на прелести своей жены. Не только в душе у него ничего не шевельнулось, но и тело его никак не отреагировало на её прикосновения. Юля решила, что все неприятности можно сгладить при помощи секса. Может, раньше такое и было возможно, но не сейчас. Он просто её не хотел.

— Юля, — Алексей остановил её руку, — самолёт ждать не будет.

— А мы быстренько, — с придыханием сказала Юля и облизнула губы.

Алексея чуть не стошнило от такой пошлости. Он отстранился от Юли.

— У меня такое чувство, что мы давно говорим с тобой на разных языках. И живём в разных мирах.

— Конечно, в разных мирах, — Юля надула губки и подошла к чемодану. — Ты в мой мир вписываться не хочешь. То командировки, то ночной выезд, то кого-то надо спасать, то кого-то обезвредить... Зачем ты на мне женился, если мы почти не бываем вместе?

— Здравствуй! — развёл руками Алексей. — А наши поездки на озёра, а на залив, а выходные на турбазе?!

— Да к черту твои озёра, заливы и турбазы! У меня такое чувство, что ты хочешь сделать из меня какую-то домашнюю насадку — пироги, борщи, котлеты...

— Да что в этом плохого-то!?

— Кроме того, что я перестану быть женщиной и превращусь в домработницу?

— Нет, ну конечно по ночным клубам шастают только настоящие женщины! А потом их настоящие мужья вытаскивают из ментовки!

Юлька застегнула чемодан и повернулась к нему.

— Лёша! Ты постоянно ко мне придираешься! — она прижала руки к груди и захлопала глазами, в которых появились слёзы.

— Значит так. Последнее предупреждение. Если ты ещё раз выкинешь подобный номер, то...

— То — что? Отшлёпаешь меня? — и Юля кокетливо повела плечиком.

— Нет. Уйду от тебя. Точнее, ты переедешь к своей матери из моей квартиры. Всё. Давай одевайся и поехали. Нам ещё нужно твою маму забрать по дороге в аэропорт.

— Ты это серьёзно? Ты серьёзно готов отказаться от всего этого? — и Юля провела руками по своему телу.

«О, Боже! — мысленно вздохнул Алексей, глядя на силиконовый бюст, накаченные губы, нарощенные волосы и ногти. — А ведь она искренне считает, что она красавица».

— Юля, одевайся!

— А знаешь, — сказала Юля, растягивая слова, — ты стал скучным, неинтересным брюзгой! И если ты от меня уйдёшь, я очень быстро себе найду того, кто будет ценить и любить меня такой, какая я есть. И ещё будет при этом благодарить судьбу за такой подарок, как я! А ты... — сказала Юля зло, рывком снимая красное платье из тонкого трикотажа с вешалки, — ты... ты всю оставшуюся жизнь проведёшь один, потому что ни одна нормальная женщина не будет терпеть к себе такого отношения, какое терплю я.

Алексей молчал. Он прекрасно знал, что любая его фраза может привести к скандалу, а самолёт, как он уже заметил, ждать не будет.

— Молчишь, да, нечего сказать?

— Да, ты права. Я проведу остаток жизни один, потому что такой святой женщины, как ты, на свете больше нет. Ты готова, святая женщина?

Юлька хмыкнула и прошла мимо него с гордо поднятой головой. Она подкрасила губы, обула белые изящные туфли на шпильке, заглянула в белую сумочку — проверила билеты, паспорт, деньги и повернулась к Алексею:

— Ну и долго я буду тебя ждать?

Когда они подъехали к дому Ольги Павловны она уже ждала их у парадной.

— Ну, Ольга Павловна, ну зачем Вы тяжести таскаете! Вам же нельзя с Вашей спиной и Вашим сердцем, — покачал Алексей головой, поднимая чемодан на колёсиках и укладывая его в багажник.

Ольга Павловна в свои пятьдесят восемь лет выглядела очень хорошо, вот только инфаркт, который она перенесла после смерти мужа, давал о себе знать.

— Ах, Алёшенька, спасибо, ты такой заботливый, как мой Костенька был.

Ольга Павловна была благодарна ему за то, что после смерти мужа он вернулся к Юле и её саму поддерживал. Раз в неделю Алексей привозил ей продукты или они вместе отправлялись по магазинам. Юля с ними никогда не ходила, отговаривалась то косметологом, то массажистом, то усталостью. За этот год Алексей дважды отправлял Ольгу Павловну за границу на отдых. В этот раз они летели вместе с Юлей в Израиль, на Мёртвое море.

Ольга Павловна заметила, что Юля чем-то недовольна, но спрашивать ни о чём не стала. Решила, что Юля, если захочет, расскажет ей обо всём в самолёте.

Зять выглядел задумчивым, и она решила, что Юля опять выкинула какой-нибудь номер. Она знала о любви дочери к ночным клубам и не одобряла этого увлечения. Знала она и том, что Алексей дважды вытаскивал её из полиции. Она пыталась образумить Юльку, но та говорила, что сама разберётся в своей жизни.

Как только Юля и Ольга Павловна исчезли в зале аэропорта, Алексей позвонил Николаю — другу и коллеге.

— Кэп, привет. Скажи, место штурмана ещё свободно?

И услышав радостное «Да», спросил:

— Тогда говори, что надо для того, что бы завтра поехать с тобой в Карелию.

— Барс, как я рад, что поедешь со мной, как хорошо, что ты надумал! — Николай был искренне рад тому, что проведёт пусть короткий, но отпуск, с другом. — Возьми сменное бельё, ну, там носки, футболки. Пару толстовок, куртку непромокаемую, обувь сменную, там в конце августа частенько дожди льют... так... мыльно-рыльные принадлежности... предметы личной гигиены... что ещё... а, плавки можешь взять, если холодной воды не боишься, — хохотнул он.

— А из продуктов что?

— Продукты не нужны. Юрий — организатор поездки, обещает централизованное питание. Он всё закупает, его дама будет готовить, а мы только за продукты скидываемся. Ну, если ты что-то особенное любишь, можешь купить. А вообще, там по дороге магазины будут, если что-то нужно — докупим. Да, «Сайгу» не забудь. Мы в этот раз, как кот и дрозд, далеко пойдём, без оружия никак. Юра говорит, там даже медведи могут быть. Удочки возьми, если хочешь. На озере с утречка порыбалить можно. Барс, как здорово, что ты едешь! Подожди... а как же Израиль?

— Тёща вместо меня поелетела.

— А как ты от Юльки отмазался?

— Сказал, что после её последнего выкидона меня из отпуска отозвали, вроде, как в

наказание.

— Опять? Да что ж она не угомониться никак!?

— Да не об этом сейчас. Скажи, а спиртное тоже централизованное?

— Нет, тут каждый за себя. Я вот джинчику взял, а ты давай на своё усмотрение.

Кстати, фляжечку свою обязательно возьми. Она нас, помнишь, сколько раз выручала.

— Хорошо. Как мы поступим?

— Ты ко мне завтра где-то к половине девятого подъезжай, мы твою машину на моё место на стоянке поставим, вещи ко мне перекинем и в путь. На заправке встречаемся к десяти.

— Добро. Отбой.

Николай два года назад купил себе «Джип» для путешествий по интересным местам. В интернете он нашел таких же любителей путешествий на сайте «драйв.2» и вот уже несколько раз ездил в экспедиции, которые организовывал Юрий. Он увлечённо рассказывал о тех красотах, которые видел, показывал фотографии и предлагал Алексею съездить с ним хоть один раз. Алексею очень хотелось отдохнуть на природе, вдали от суеты, в тишине, с хорошей компанией. Только Юля такой отдых не признавала. Она тащила его на курорты, где были шумные пьяные компании, духота, жара. Впрочем, всё то, что Алексей терпеть не мог. О том, что бы он поехал с Николаем без неё, не могло быть и речи. Поэтому мысль о том, что это всё придётся терпеть на Мёртвом море приводила его в бешенство. Алексей не знал, что бы такое придумать, чтоб не лететь в Израиль, и вдруг, как подарок судьбы, звонок из полицейского участка. Юля с подругой явились участницами скандала в ночном клубе и их забрали в отделение. Мысль поехать вместе с Николаем в экспедицию зародилась у него в тот момент, когда он вёз пьяную, исходящую злобой на весь мир Юлю из отделения. И именно тогда он принял решение развестись с ней после поездки. И именно тогда он придумал первую в своей семейной жизни ложь. Сказал, что скандал с Юлей в полиции дошёл до его начальства и в отпуске ему отказали. Алексей позвонил Ольге Павловне и, не рассказывая ситуацию с приводом Юли в полицию, чтобы не расстраивать тещу, сказал, что его отзывают из отпуска и предложил поехать вместо него. Тёща поохала по поводу того, какая у зятя противная работа и тут же с радостью согласилась, тем более что все расходы по поездке Алексей взял на себя.

Конечно, Алексей жалел Юлю. Не то, что бы он пытался её изменить, нет. Просто он хотел достигнуть хоть какого — то взаимопонимания, но любые попытки договориться с ней приводили к скандалу. Юля обвиняла Алексея в постоянном отсутствии дома и уверяла, что именно это и толкает её на походы по ночным клубам. На его вопрос «Почему не по театрам?» она начинала плакать и упрекать его в непонимании. Алексей осознал, что это стиль её жизни и менять его она не собирается. Несколько раз он пытался с ней расстаться, но то жалость брала верх, то гибель тестя.

Но в этот раз его терпению настал предел. Назвать полицейских коллегами было бы не совсем правильно, но система-то одна и стыдно ему было от сочувствующего взгляда капитана, симпатичного блондина в веснушках с серьёзным взглядом серых глаз, который прикрывая царапину на скуле, сказал:

— Ты меня извини, подполковник, не моё это дело... Жаль тебя. Я таких, как твоя жена, повидал. Ничего их не меняет, ни семья, ни дети. Только жизнь свою загубишь...

Договорить ему Алексей не дал.

— Ты прав, моя жена — это не твоё дело, — осадил он капитана.

Не считал нужным Алексей с посторонним человеком обсуждать свою жену, какая бы она не была.

— Ты извини, нервы, — сказал он уже мягче и подал руку для пожатия. — Спасибо тебе, что не дал делу ход.

— Да, ладно, чего там, — отмахнулся капитан, — сам с такой пять лет промаялся.

Разговаривать с пьяной Юлей было бесполезно. Она ругала на чём свет стоит и капитана, и лейтенанта, и всю полицию вместе взятую. Вот тогда Алексей окончательно

рассвирепел. Надо же, она расцарапала лицо представителю закона и ещё возмущается! Хорошо, что капитан оказался не злобливый и замял эту нелицеприятную сцену. Да и он, подполковник Барсов действительно был, как говорят, широко известен в узких кругах.

Ему было так противно после этой сцены, что ехать куда-либо с Юлей он не хотел. Вся жалость к ней испарилась, даже злости не было. Осталось одно безразличие. Ну и какой смысл жить с женщиной, к которой не испытываешь никаких чувств. Мысленно рассуждая на эту тему, Алексей сел в машину и поехал в магазин. Он хотел купить коньяк, свой любимый заварной кофе и свой любимый шоколад. У подполковника Барсова, грозы преступного мира, была маленькая слабость — солёный шоколад и шоколад с перцем.

Когда Алексей приехал домой, то сварил себе кофе и, расхаживая по квартире с чашкой, стал собирать вещи в большую спортивную сумку. К собранным вещам он положил оружие, наполнил чистым спиртом маленькую походную флягу и положил её рядом с брюками, которые собирался одеть завтра. Достал нож в ножнах и положил на брюки. Приготовил свитер и безрукавку, нижнее бельё, что бы всё было под рукой, когда утром будет одеваться. Принял душ и, поставив будильник на семь часов, лёг спать. Он думал, что после всех перепетий не сможет долго заснуть, но заснул, едва коснулся головой подушки.

Утром он проснулся за пять минут до того, как должен был зазвонить будильник. Непонятное ощущение какого-то обновления, какой-то лёгкости удивило его. Пока варился кофе, Алексей прислушивался к себе, пытаясь понять, что же с ним происходит. Неужели это чувство возникло из-за того, что он принял решение развестись с Юлей или это предчувствие отдыха, которого он так ждал. Но он даже приблизительно себе представить не мог, что с ним произойдет в таком долгожданном отпуске.

Алексей ещё раз проверил все вещи, надел на ремень с одной стороны фляжку, с другой нож рукоядкой вниз, одел сверху футболки свободный свитер и безрукавку, и, перекинув сумку через плечо, вышел из дома. Он сел в машину и чертыхнулся: вчера он забыл заправить машину, а к Кэпу ехать почти через весь город. Заехав на ближайшую заправку, он вышел из машины и, взяв пистолет, поднес его к баку. Пистолет оказался почему-то в бензине, и Алексей непроизвольно тряхнул рукой. Раздался звук упавшей монеты, но он не обратил на это внимание. Зайдя на заправке в туалет, что бы отмыть от бензина руку, он понял, что звякнула не монета. На руке не было обручального кольца. Алексей хмыкнул и подумал: «Как сказала бы моя тёща, хм... бывшая тёща — это знак!» Он не стал искать кольцо, а сел в машину и, позвонив Кэпу, что будет у него минут через сорок, выехал с заправки.

Глава 1 часть 4

Татьяна нарезала на крупные куски куриную грудку и укладывала её в большое пластиковое ведро. Когда с курой было покончено, она взяла несколько больших шампиньонов и, разрезав их на две части, добавила к нарезанному мясу и стала крупно нарезать разноцветные болгарские перцы. Юра, укладывающий продукты в пластиковые подписанные ящики, остановился около неё.

— Это что-то новенькое. Я такого никогда не видел.

— Мой фирменный куриный шашлык. Потом добавлю туда кабачок и баклажаны, потом мой специальный соус с горчицей и пальчики оближешь...

— О, я не сомневаюсь, что это будет вкусно. Я ещё от вчерашнего рулета не отошёл, — Юра обнял сзади Татьяну и проворковал на ухо, — ну и повезло же мне с женщиной! Мало того, что красотка, так ещё и кулинар отменный. Давай после экспедиции ты переедешь ко мне, — не то спросил, не то утвердил он. Таня посмотрела на него через плечо — была у неё такая привычка:

— То есть, таким образом, ты решил съэкономить на ресторанах? — игриво спросила она.

— Конечно, — поддержал игру Юра, — глупо тратиться на рестораны, если женщина восхитительно готовит!

Таня улыбнулась.

Юрий развернул её к себе:

— Ну, правда, Танюша, давай вместе жить, взрослые ведь люди. Чего из дома в дом кочевать.

— Я подумаю.

— То есть ты ещё можешь не согласиться? — удивился он. Все его предыдущие дамы чуть ли не с первой встречи пытались перебраться к нему домой. Таня была первая женщина за последние пять лет, которой он предложил это сам.

— Юр, так, сколько человек всё-таки будет? — перевела она разговор с нежелательной темы. Сказать ему перед дальней поездкой, что жить она с ним не собирается, Таня не хотела. Надо будет объяснять, почему она не хочет. К тому же Юра может обидеться, и поездка будет испорчена.

— Точно не знаю, человек пятнадцать или четырнадцать. Макс, вроде, кого-то взять собирался.

— Как думаешь, продуктов точно хватит? Всё-таки на десять дней едем.

— Хватит. Ты посмотри, сколько мы всего накупили.

— А лес там действительно совсем глухой? И даже сотовый не берёт? — Татьяна дорезала овощи и принялась за соус.

— Ну, есть, где не берёт, есть, где берёт. Ты от темы-то не уходи.

— Юр, ну я же сказала, что подумаю. Мы ещё мало знакомы, совсем не знаем друг друга...

— Вот и узнаем получше.

— Когда приедем, тогда и поговорим, — она чмокнула его в нос.

— Юра, а как твои друзья ко мне отнесутся? — с беспокойством спросила Таня, — ведь у вас давно сплочённая компания, а тут я, посторонний человек.

— Ну, во-первых, ты не посторонний, — он снова обнял её сзади, так как Татьяна ещё делала соус и стояла лицом к кухонному столу. Поцеловал её в шею и добавил:

— Во-вторых, частенько кто-то из наших берёт своих друзей, которых мы не знаем. А самое главное, ты так вкусно готовишь, что все будут благодарить меня за то, что я взял тебя в эту поездку, а ты взяла на себя такой труд, как организованное питание. До этого у нас получалось, что каждый готовил себе, и это было очень неудобно.

Татьяна отправила в ведро готовый соус и стала перемешивать с ним мясо с овощами.

— Тань, ты запасное бельё не забыла? — спросил из комнаты Юра.

— Не забыла. Там моя сумка, в ней всё необходимое.

Юра вышел из комнаты с большой спортивной сумкой синего цвета.

— Я её в машину отнесу, — сказал он и, взяв ещё пару пакетов, пошёл на улицу.

Татьяна подошла к ящикам с продуктами.

— Так... чай... кофе... тушёнка двадцать пять банок...Хм... хватит ли на пятнадцать человек? Хотя тут ещё рыбные консервы, овощи свежие и консервированные... макароны... рис, греча... отлично.

— Юр, — обратилась она к вошедшему с улицы Юрию, — как здорово придумал всё в ящики сложить и подписать. Сразу ясно, где что лежит. Вот только я всё равно волнуюсь, точно хватит продуктов?

— Не волнуйся, у нас по дорге будут попадаться магазины и, если что-то будет нужно — мы докупим. А это что за рюкзачок? — Юра поднял за лямку голубой не большой рюкзак из водонепроницаемой ткани. — Его тоже в машину?

— Нет, я его сама возьму. Там предметы первой необходимости — платок носовой, зеркальце, фонарик, зажигалка, нож, то, что должно быть в походе под рукой.

— А ты, оказывается, заправский походник, — удивился Юра.

— Да. Я же с детства с отцом то на рыбалку, то по грибы, то на пару дней побродить по бушу.

— Где? — не понял Юра.

— Ну, это из фильма «Крокодил Данди», помнишь, он своей девушке говорил: «Пойду, поброжу по бушу»?

— Ты мне никогда не рассказывала, что вы с отцом путешественники.

— Ну вот, я же говорю, что мы друг друга мало знаем. Кстати, ты тоже мне только совсем недавно рассказал, что организовываешь экспедиции по интересным местам, да ещё на «Джипе», да ещё и группы собираешь.

С Юрой Таня познакомилась в спортзале всего пару месяцев назад. Встречались они не часто: два, а то и раз в неделю. Юре с Татьяной было легко. Она никогда не настаивала на встрече, не донимала его звонками, не обижалась, если у него был дела и встреча переносилась или отменялась. Юра был уверен, что всё дело в покладистом, не конфликтном характере Татьяны. Ему и в голову не приходило, что такое поведение имеет простое объяснение: Таня его не любила. Он нравился ей, но не больше того. Юра же был уверен, что она в него влюблена. Он и в поездку её позвал потому, что очень удобно, когда рядом заботливая, покладистая женщина, которая к тому же ещё взяла на себя обязанности повора. Татьяна же, когда узнала, что поездка намечается в Карелию, согласилась с радостью. Дело в том, что она провела в Карелии всё своё детство, а когда пошла в школу, то проводила там все каникулы: и летние, и зимние.

Тогда была жива её прабабка. В деревне бабу Весту называли кто шаманкой, кто колдовкой. И это в те — то времена! Когда Таня была маленькой, она особо не задумывалась ни об этом, ни о том, чему её учила прабабка, которую она тоже называла, как все в деревне баба Веста. А учила она её какому-то дивному, певучему языку, то сказкам-присказкам, то словам, то заговорам. У детей память цепкая и Таня быстро освоила этот странный, певучий, никому не знакомый язык. Танина мама ругала за это прабабку.

— Ну что ты ребёнку голову забиваешь ерундой всякой!? Место для учёбы не останется.

— Молчи, никчёмшь! — отвечала прабабка беззлобно. И указывая на Таню трубкой, говорила:

— Вот моя приемница, умница — разумница, силы немереной, знаний неохваченных. Она уже сейчас может то, что и я не могу, а ведь сила-то ещё в ней до конца не проснулась. Ничего... придёт её время, она не одну жизнь спасёт, а, если потребуется, то и целый мир. Я её всему научу. Пока Таня была маленькая она не очень-то интересовалась, что за сила в ней спит. Когда стала постарше, тогда и задумалась. А в двенадцать лет прабабка отвела её в очень странную деревню. Сначала они ехали на автобусе, потом долго шли лесной тропинкой, потом, как в сказке, сели на пенёк и стали пить чай с пирожками. А потом, сидя на этом самом пенёчке, напевали заговор о хорошей погоде, который Таня только что выучила. Баба Веста всегда учила напевать заговоры. Уверяла, что их так легче запомнить.

— Смотри, что это? — удивилась Таня, показывая на голубой туман, который появился ниоткуда.

— Это означает то, что нам пора, — сказала баба Веста и, взяв Таню за руку, повела её по тропинке.

И вдруг пошёл дождь. Капельки были странные, они переливались всеми цветами радуги и при более близком рассмотрении оказались маленькими мыльными пузырьками, которые лопались, едва касались одежды или травы. Пройдя через стену этого странного дождя, они оказались в более редком лесу, с более низкой травой, но с очень высокими кустами черники и голубики. Тропинка привела их в деревню. Деревня была очень странной: дома начинались прямо в лесу и только потом появлялись улицы и проулки. Около каждого дома были цветники и огороды, но между домами не было заборов. Деревня была очень большая. Встречные люди приветствовали бабу Весту и Таню на том самом певучем языке, который она знала с детства. Встречные люди были светловолосые и светлоглазые и даже мужчины были с длинными волосами. Они долго шли по широкой улице, потом свернули в проулок, который вывел их к начинающемуся лесу. Между редкими деревьями Таня увидела добротный бревенчатый дом, на пороге которого лежал большой зверь.

— Ой, баба Веста, смотри, какая славная собачка! — воскликнула Таня и, подбежав к зверю, присела на корточки рядом с ним и обняла его за шею. На порог вышел статный мужчина с татуировкой в виде глаза на левой щеке.

— Здравствуй, моя хорошая, — улыбаясь, он раскинул руки и обнял бабу Весту.

Затем повернулся к Тане:

— Здравствуй, моя маленькая Фатуэла. Хотя ты уже и не такая маленькая! — Он погладил Таню по голове и обратился к Весте:

— А Уэт сразу принял её за свою. Только, деточка это не собака, это — волк.

— Воооолк? — удивлённо протянула Таня. — А почему он живет в деревне?

— Это волшебный волк, он добрый.

И с этими словами мужчина пригласил их в дом. Там он дал Тане выпить очень вкусный чай.

— Это Лекбуш, твой родственник, внака.

Баба Веста всегда называла её внакой. По какой-то непонятной причине слово «внучка» оне не признавала.

— Сейчас он нарисует тебе на спине твоего защитник, тотемного зверя. Этот тотем будет тебя всю жизнь от бед защищать, в радости помогать, в горе утешать и не даст язык да заговоры мои забыть. А уж силу — то твою как укрепит! В печке потрескивали дрова, певучий голос бабы Весты навевал покой, Таня кивала, слушая её, и не заметила, как заснула. Проснулась она от того, что её прабабка гладила по щеке и приговаривала:

— Татка, девочка моя, просыпайся, вставай. Пора нам домой, а то загостились уже.

Таткой её только Веста называла, родители и сестра звали обычно Танюшкой или Татьянкой. Таня встала, потянулась и ойкнула. Плечи и левая лопатка болели.

— Что там, ба? — Таня выворачивала шею, что бы увидеть причину боли.

— Я же тебе говорила, что Лекбуш там тебе защиту поставит. Сейчас ты ещё маленькая, всё понять не сможешь, а вот восемнадцать исполниться и я тебе всё расскажу и про деревню, и про наш род, и про мир этот. А защиту тебе иглой он набил, поболит чуть, несколько дней купаться не будешь, всё и успокоится.

— Это татушка, да? — Таня всё пыталась разглядеть, что там у неё на спине.

— Угу, — кивнула прабабка, укладывая в сумку какие-то травы и жидкости в бутылках.

— Мама ругаться будет...

— Ничего, я её успокою.

Ой, как мама потом кричала! И ребёнка-то изуродовали! И жизнь-то ей поломали! Да как же она теперь в бассейн на тренировки ходить будет! Да как же на море разденется! Это же позор — девочка с татуировкой! Да какой! Морда волка в оскале, знаки какие-то непонятные, буквы на буквы не похожие!

— Ты, внака, её не слушай! Пустая она, бессильная. Ты меня слушай: там, на спине спасение твоё. Время придёт — он тебя из беды вызвалит, жизнь твою на волоске весящую спасёт, от гибели и напасти убержёт. Ты, главное, помни, как звать его надо. А заговоры мои повторяй и в добрые дни и в злые.

Таня хоть и была подростком своенравным, но от бабкиных слов не отмахивалась. И пироги с её заговорами пекла, и полы с её напевами мыла. Нравился ей этот необычный язык. Прабабка ей много про Духов природы рассказывала, как кого называют, как правильно к ним обращаться, да в какие моменты кого из них звать надо. А когда Таня про Иисуса спрашивала, прабабка всегда отвечала, что он высоко на небе, пока он зов услышит, пока на помощь придёт, так и опоздать может. А вот Духи природы всегда рядом. Руку в озеро опустил — с Духом воды поздоровался. В лес пошёл — лесовику поклонился, вот и с грибами-ягодами вышел. Они-то, Духи, тут, на земле, поэтому и слышат сразу, и на помощь придут быстро, и помогут с радостью. Только звать их нужно правильно и по пустякам беспокоить не следует, про деревню рассказывала, про род, да про мир, в котором деревня находится. Виденье Татьяна имела и силу свою чувствовала, но не пользовалась до поры, до

времени, как бабка и говорила. А когда приехала летом перед институтом, вдруг поняла, что бабу Весту видит в последний раз. Это чувство холодом поднялось от копчика по позвоночнику и, дойдя до сердца, исчезло.

— Видишь, да? — усмехнулась прабабка, посасывая свою неизменную трубку. — Ты не расстраивайся, внака, все там будем. Да и срок-то у меня уже не малый — к ста годочкам подхожу. Ты вот что, слушай. Сила в тебе спать будет какое-то время, а всё, чему я тебя учила, ты помнить будешь, но как сказку. А время придёт, заговоры мои сами в твоей голове всплывут, пользу людям приносить будешь, язык той стороны вспомнишь. Ну и я тебя забывать не буду.

Прабабку похоронили в конце августа и с того времени она в Карелии не была. Дом мама продала, а родственников там у них больше не было. И когда Юрий, который ей был симпатичен, предложил поехать в Карелию с ним и его друзьями на «Джипах», она с радостью согласилась. Восприняла это, как знак. Ведь поездка была в конце августа, как раз в годовщину смерти прабабушки. «Неспроста это... точно, мне прабабка сюрприз подготовила...» — мысленно усмехнулась Таня. Если бы она только знала, что это был за сюрприз... Если б только знала...

Поехать Таня могла в любое время и на любой срок. К работе она не была привязана. Давно создала свой бизнес, который приносил ей стабильный доход. Да и уроки пробабки-шаманки не прошли даром. Кое-что, действительно, вспомнилось, и Татьяна иногда практиковала магию. Себя нигде не рекламировала, работала, как говорят, по «сарафанному радио». А так как её магия приносила людям и успех, и деньги, и любовь, то благодарные и счастливые клиенты передавали её телефон своим знакомым, а те своим знакомым и так далее. Когда она сказала родителям, что отправляется с компанией джиперов со своим новым знакомым в путешествие по Карелии, мама начала охать: «Да кто этот Юра? Да куда ты поедешь с малознакомым человеком?». Таня с отцом переглянулись и заговорчески подмигнули друг другу.

— Мамуля, не волнуйся. Я оставлю вам его телефон и даже адрес, а если захотите — место работы.

— Люся, угомонись! Она уже взрослая женщина, ей же сорок пять лет. Ну, что ты как квочка!

Таня упаковывала в сумку сменное бельё, носки, шлёпки на высокой подошве, кроссовки, что бы была на смену обуви, ведь в конце августа там обычно дождливо, собрала косметичку, уложив туда всё, что может пригодиться для личной гигиены, а так же лекарства и шприцы. Потом она взяла голубой рюкзачок из водонепроницаемой ткани и положила туда упакованную в пластиковый контейнер зажигалку, фонарик, нож, фотоаппарат. Отец, внимательно наблюдавший за её сборами — хотя, вроде бы и газету читает, сидит — сказал:

— Доча, подарок мой, смотри, не забудь!

— Ну, что ты, папа, как же я в лес без него!

С отцом у них всегда было полное взаимопонимание. Так получилось, что отец хотел мальчиков, а родились девочки. Старшая, Наташа, была, что говорится, мамина дочка. Зато Татьяна — папина. С детства была сорванцом, вечный предводитель у мальчишек во дворе. Поэтому отец ей и прививал навыки, больше подходившие для мальчика. Она с удовольствием боксировала, отлично плавала, ныряла, метала ножи и очень хорошо стреляла. Отец был военный и постоянно брал её в тир. До двадцати лет Таня ходила с косой и создавала впечатление этакой девочки-ромашки. Благодаря этому обманчивому впечатлению она зарабатывала деньги не хитрым способом: приходила в тир, покупала пульки и, если были посетители, робко просила зарядить пневмашку. Мужчины начинали подтрунивать над ней, и тогда она предлагала пари: если из десяти выстрелов она три раза попадёт в десятку, то выигрывает червонец, если нет, то, соответственно, червонец отдаёт она. Мужчины обычно предлагали ей фору, мол, хоть один раз попадёшь — уже хорошо. Она обычно меньше восьми раз не попадала, а на червонец в те времена можно было хорошо посидеть в баре. Коктель «Фрукты в шампанском» стоил один рубль двадцать копеек, а пирожное всего двадцать две. Правда, тир приходилось менять частенько. И вот если прибавить всё это к практикам бабы Весты, то получалось, что личностью Татьяна была самодостаточной и уверенной в себе.

Таня все собранные вещи упаковала в свой «Ниссан», потом оделась сразу для похода. Она надела плотные спортивные брюки, оранжевую олимпийку и фиолетовую безрукавку.

Таня любила сочные яркие цвета. Куртку она забросила в машину на переднее сидение.

— А почему без куртки? И шапка где? — вышла проводить её Людмила Петровна.

— Мам, на улице же тепло и потом, я же в машине. А тёплая одежда у меня с собой. И шапка мне не нужна, у меня бандана есть. — И она показала матери то ли шарфик, то ли тряпочку.

— Ну что это за головной убор! — мать закатила глаза.

— Всё, мусик, я поехала, — Таня чмокнула по очереди родителей и со словами:

— Юрины координаты на кухонном столе, — поехала к нему.

Так как она взяла всю готовку в экспедиции на себя, то они решили с Юрой, что днём Таня приедет к нему, они вместе пройдутся по магазинам и закупают всё, что надо. Вечером они всё разложили по пластмассовым ящикам, и пока Юра подписывал на ящиках, где что лежит, что б удобней и быстрее всё находить во время стоянки, Таня приготовила на ужин рулет из фарша и куринного мяса с сыром и шампиньонами. Утром они выпили кофе, позавтракали остатками рулета и, пока Юра всё загружал в машину, Таня делала куринный шашлык. Ей очень хотелось в первый день знакомства побаловать Юриных друзей чем-то более оригинальным, чем макароны с тушёнкой.

— Ну, что, у тебя всё готово? — спросил Юрий, входя в квартиру. — Я уже всё отнёс.

— Да, всё готово. Крышка у ведра плотная, можно смело ставить в машину и ехать.

Юра осмотрел прихожую — как бы чего не забыть, но кроме ведра с мясом и Таниным рюкзаком ничего не было. Они спустились во двор, сели в «Джип» чёрного цвета и отправились к заправочной станции на Мурманском шоссе. Юра сказал, что там встречаются Питерские экипажи — ещё две машины из Москвы и одна из Твери подъедут на точку, которую Юра забил для них на карте.

ЗНАКОМСТВО

Когда они подъехали, то две машины уже стояли на заправке.

— Пойдём вовнутрь, ребята там кофе пьют. Мы так всегда делаем, пока все экипажи не подъедут.

Они зашли в кафе на заправке, и Татьяна сразу поняла, кто из присутствующих походники.

— О, Юрий, приветствую! — высокий худощавый блондин в олимпийке оливкового цвета встал из-за стола и помахал Юре рукой.

— Доброе утро, Стас, — Юра подвёл Татьяну к столику, за которым сидели Стас и молодая симпатичная женщина.

— Леночка, здравствуй, — обратился к ней Юра, и, обняв Таню, сказал:

— Вот, ребята, знакомьтесь, это мой штурман — Таня. Кстати, это она взяла на себя всю походную кухню.

— Здравствуйте, — Таня улыбнулась, пожимая руки Лене и Стасу.

— Так вот кто будет нас кормить в этой экспедиции, — раздался сзади низкий мужской голос.

Татьяна обернулась, и встретила глазами с весёлым взглядом карих глаз коротко стриженного мужчины.

— Здравствуйте, — мужчина подал руку Татьяне. — Я — Андрей, а это моя сестра Ирина.

Ирина — стройная сероглазая брюнетка с эффектной короткой стрижкой — бросила на Татьяну равнодушный взгляд, небрежно кивнула и повернулась к Юрию.

— Юрочка, здравствуй, дорогой, — фамильярно сказала она и, обняв, поцеловала. — Как хорошо, что ты нашёл человека, который будет нас кормить.

Она вела себя так, как будто Тани здесь не было.

— А то я так устала в прошлых поездках от этой кухни... — и она, театрально вздохнув, закатила глаза.

Леночка хмыкнула и дотронулась до руки Татьяны:

— Не обращай на неё внимания. Она всегда так себя ведёт. Вообще, она к готовке имеет такое же отношение, как стрекоза к космосу. Ну и опять же характер... — тихим голосом, что б их не услышали, сказала Лена.

— На самом деле, она очень несчастная. У неё такая рана на сердце...

— С чего ты взяла? — удивлённо взглянула на неё Лена.

— Просто знаю, — пожала плечами Таня и посмотрела на разговаривающих около прилавка кафе Юру, Андрея и Иру.

— А ты первый раз в экспедицию? — спросила Леночка.

— Да, — Татьяна хотела ещё что-то добавить, но не успела.

— Ребята! Всем здрасте! — раздался на всё кафе зычный голос.

Татьяна повернула голову и увидела плотного, лысыватого мужчину в коричневой толстовке, который радостно помахал кепкой с вышивкой «Джип».

— Колюня, привет!

— Здравствуй! — от кафе ему помахали Андрей с Юрием, а Ирина направилась в его

сторону.

Рядом с весельчаком Колюней стоял высокий молодой темноволосый мужчина и смущённо улыбался. Даже мешковатый свитер крупной вязки и широкая безрукавка не могли скрыть его великолепной фигуры. Татьяну же поразили его яркие синие глаза. «Надо же, какая редкость — чёрные волосы и светлые глаза» — мелькнуло у неё в голове.

— А это мой друг — Алексей. Прошу любить и жаловать.

— Будем, будем и любить и жаловать — Ирина подошла к ним с грацией пантеры и протянула Алексею руку для поцелуя. — Особенно любить. Я — Ирина.

Алексей руку целовать ей не стал. Слегка пожал пальчики и, прищёлкнув каблуками, склонил голову в лёгком поклоне. Татьяна подошла к ним, подала руку Колюне — он чмокнул её в ладошку и шутливо сказал:

— Какая приятная дама появилась в нашем обществе! И так она звалась?..

— Татьяна, — приняла подачу Таня и присела в лёгком реверансе.

— Ой, ну прямо по Пушкину, — хохотнул Колюня.

Таня улыбнулась и, подавая руку Алексею, спросила:

— Вы военный?

— Почти.

Алексей склонился к её руке, и Тане показалось, что её током прошибло, когда он коснулся её губами.

— Очень рад знакомству, — не отпуская Танину руку, сказал Алексей и посмотрел ей в глаза. — А можно я буду называть Вас Татой?

Татьяна удивлённо вскинула брови. Так её звала только баба Веста.

Заметив удивление Татьяны, мужчина смущённо сказал:

— Ну, это... в знак того, что более никто, кроме него... — и тут окончательно смутился.

— Так не называл её по имени? — закончила Татьяна фразу из знаменитой песни, не отводя взгляда от нового знакомого.

Казалось, что в шумном кафе наступила звенящая тишина. Она действительно наступила для двоих абсолютно незнакомых людей. И это утро неожиданно для Татьяны и Алексея стало общим.

— Барс, Барс, — сквозь стиснутые зубы, глупо улыбаясь, шипел Колюня и толкал незаметно друга локтем в бок. — Ты привлекаешь внимание.

— Я...я тоже рада знакомству, — Таня осторожно высвободила свою руку и отошла к столику, за которым только что сидела.

Алексей не сводил с неё глаз.

— Хватит пялиться, — снова прошипел Колюня. — Это, наверно, и есть Юрина дама. И, потянув Алексея за рукав, направился с ним к прилавку кафе.

Несмотря на то, что Юра разгваривал в это время с Андреем от его глаз не укрылось, как восторженно смотрел Колин знакомый на его Таню. И, когда Коля представил им Алексея, пожимая ему руку, сказал:

— Будем знакомы — Юрий. И уже более тихо, не для посторонних ушей добавил:

— И что бы избежать возможных конфликтов хочу предупредить: Таня — моя жена.

При этих словах он чуть сильнее сжал Алексею руку. Тот посмотрел ему в глаза и покачал головой:

— Поверь, Юрий, конфликтов не будет. Извини, если я вёл себя некорректно по

отношению к твоей супруге, но, во-первых, я не знал, что она замужем и здесь с мужем, а, во-вторых, она... притягивает к себе взгляд.

— Да, знаю. Очень притягивает.

Юрий отпустил руку Алексея, оглянулся и увидел, что Татьяна смотрит на них.

«Принесли же черти на мою голову этого Алексея! Такой красавчик, пожалуй, сможет внести смуту в любое женское сердце.» Юра с удивлением осознал, что в его душе зарождается ревность. Он подошёл к столику, за которым вместе с Таней сидели Леночка, Стас и Ира.

— Ну, что, сейчас ребята кофе попьют, — он кивнул в сторону Колюни и Алексея, — и трогаемся. Юра приобнял Татьяну за плечи и с вызовом посмотрел на Алексея, который вместе с Колей подходил к их столику.

Глава 2 часть 2

В машине Коля набросился на Алексея:

— Слушай, ты чего в эту Татьяну вцепился, а? Вот мне тут ещё разборок не хватало!

— Не будет никаких разборок, Кэп, успокойся. Понравилась она мне, понимаешь? Вот так раз — и на сердце легла.

— Ты сначала с Юлей своей разберись, а потом уже чужих тёток на сердце себе ложи, — пробурчал Коля. — Ты же видишь, она с мужем.

— Тебе, кстати, тоже не мешало бы со своими чувствами разобраться. Ты с ней говорил?

— С к-кем? — Заикаясь, спросил Коля.

— Да с Ириной этой, с кем же ещё!? Я думал, ты мне в кадык вцепишься, когда она мне руку для поцелуя подала.

— Поэтому и не поцеловал? — Осевшим вдруг голосом спросил он.

— Начнём с того, что она мне не понравилась. Конечно, я заметил, как ты на неё смотришь, но дело даже не в этом... Я Татку увидел и всё...

— Что — всё?

— Других женщин для меня теперь просто нет.

— Ты только Юле не забудь об этом сказать, когда она из Израиля вернётся. — Усмехнулся Коля.

— Обязательно скажу.

— Да что скажешь-то?

— Так и скажу, что у меня есть Татка.

— Барс, не дури. Нет у тебя никакой Татки. Она у Юры есть, понимаешь, у Юры. А вот гарантии, что она от него к тебе уйдёт, как раз и нет. Да и с чего бы это ей к тебе уходить?

— Ты пойми, дело даже не в том уйдёт она ко мне или нет. С Юлей- то я не из-за неё расхожусь. Пока Юля молодая, найдёт себе того, кто сделает её счастливой и кого она любить будет.

— А тебя не любит?

— Может, раньше любила, только я не оправдал её надежд. Не такой она жизни хотела, понимаешь? Ей нравится жизнь праздная, лёгкая, что б никакой ответственности и никаких обязанностей. А я то в командировке, то в бою, — хохотнул Алексей. — Разве это жизнь для молодой женщины?

— А ты спрашиваешь, почему я Иришке до сих пор ничего не сказал. Вот поэтому и не говорю... Она ведь тоже молодая. Ей, небось, погулять-попрыгать хочется... Да и Татке твоей романтика такая тоже вряд ли подойдёт...

— Знаешь, я когда руки её губами коснулся — меня прямо в жар бросило... Как ты думаешь, бывает так, что б только одна женщина подходила только одному мужчине и наоборот? Вот, как в Библии «и станут два одним целым».

— Неужели так всё серьёзно?

— Серьёзней не бывает. Кажется, Кэп, я залип по полной и надолго...

Друзья замолчали. Каждый думал о своём.

— Нет, ну это же надо, кого себе Юра выбрал! Мышь какая-то серая! — Возмущалась

Ирина в машине.

— Нууу...не согласен, — возразил ей брат, — мне эта Татьяна очень даже понравилась.

К тому же она не серая, а рыжая.

— У тебя всегда был дурной вкус! — отрезала Ира.

— Опять позволъ с тобой не согласиться. Марина моя тебе нравится.

— Вот, вот. Жена у тебя чудо, а ты на чужих баб заглядываешься.

— Во- первых, не баб, а женщин, во-вторых, не заглядываюсь, а в- третьих, у тебя дурной характер, вот Юра на тебя и не клюнул.

Ира покосилась на брата.

— С чего ты решил, что он не клюнул? Может, это я на него?

— Ирищ, ну хватит уже злобой исходить. Сколько времени уже с того случая прошло!..

— Тебе легко говорить! — в голосе Иры послышались слёзы. — Не ты же одновременно и мать, и отца, и мужа потерял...

Она закусила губу, чтобы не заплакать и стала смотреть в окно.

Вообще-то там, в кафе на заправке Татьяна оказалась права: на сердце у Ирины действительно была рана. Очень глубокая, незаживающая, сочившаяся уже полтора года. Она действительно потеряла и отца, и мать, и мужа, но если отец действительно умер, то мать и муж были потеряны совсем по — другому. Как только мать овдовела Ирин муж, который был старше её на тридцать лет, ушёл к её же матери. Мало того, что Ира осталась без отца, так ещё и два близких человека предали её. Особенно её поразили слова матери, которая сказала: «Дочь, ты просто обязана меня понять! Ты молода, красива, и у тебя гораздо больше шансов встретить достойного мужчину, чем у меня! Поэтому ты просто обязана уступить мне своего мужа и не делать из этого трагедии, тем более, что он сам предпочёл меня тебе!». Эти слова настолько выбили Иру из колеи, настолько поразили её своей жестокостью, что она попала в больницу с нервным срывом. В больнице её навещали только брат, его жена Марина и племянники. Подруг у неё не было, их всех разогнали её отец и бывший муж, который без зазрения совести укатил с её матерью в свадебное путешествие. Почти месяц Ира провела в больнице, потом в санатории и потом на море с Мариной и племянниками. Андрей был сводным братом по матери и старше Ирины на 9 лет, но это не мешало ему с нежностью относиться к сестре. Когда-то мать предала и его, отправив в школу-интернат, чтобы он не раздражал нового мужа. Отчима Андрей терпеть не мог, мать презирал, а вот Иринку любил и жалел, и она отвечала ему любовью. Он видел, что Ира несчастна в семье. Мать любила только себя, и всё всегда сводилось к одному: дочь и сын не должны ей мешать наслаждаться жизнью, муж должен любить только её и заботиться только о ней. Поэтому Андрей не только занял сторону сестры, но и взял на себя все заботы о ней. Они с Мариной, как могли, окружали Иру той самой любовью, которой она была лишена с детства. Она нашла в себе силы окончить курсы парикмахеров и оказалась очень талантливым мастером. Устроилась работать в салон красоты и быстро обросла клиентурой. Андрей имел свой бизнес и старался отправлять сестру с семьёй на море как можно чаще. Однажды, когда он собирался в одну из джиперских экспедиций, которые Марина не жаловала, Ира попросилась с ним. Андрей переживал, что походные условия будут раздражать сестру, но, к его удивлению, она очень полюбила эти путешествия, никогда не ворчала на трудности походной жизни и всегда помогала ему настолько, насколько это было в её силах. Более того, в благодарность за доброе к ней отношение, она иногда брала племянников, и на

несколько дней уезжала с ними в какой-нибудь дом отдыха, давая брату с невесткой насладиться друг другом. Вот только в себе она никак не могла разобраться: с одной стороны, она хотела встретить в своей жизни мужчину, с которым создала бы такую замечательную семью, как у брата, родить своим племянникам братика и сестрёнку; с другой стороны в сердце её жил страх предательства, разочарования и боли не только душевной. Именно поэтому Ира вела себя с мужчинами высокомерно. И если женщин, которым за... раздражали молодые длинноногие девушки в коротких юбках, то Ирину, которой было всего двадцать два года, раздражали зрелые женщины. Именно такой и была Татьяна — зрелой, ухоженной, уверенной в себе и знающей себе цену. И — чёрт возьми, она действительно была хороша собой, тут Андрей был прав. И этот факт выводил Иру из себя. Её задевало то, что Таня нравилась мужчинам. Вон, красавчик, друг Колюни, глаз с неё не сводил, Юра ходил кругами и даже брату она понравилась. И самое противное заключалось в том, что Ира не могла не признаться сама себе, что в Татьяне была та самая изюминка, которая делала её привлекательной.

— Ириша, — примирительно сказал Андрей, — ну хватит дуться. Я знаю, почему она тебя раздражает.

— Да? И почему же? — Язвительно спросила она.

— Потому, что она привлекает к себе внимание мужчин. Иринка, ну смирись с тем, что другие женщины имеют право на существование. Ты могла бы с ней подружиться. Она выглядит вполне доброжелательной. Вон, Лена быстро нашла с ней общий язык.

— Так они почти ровесницы, ничего удивительного.

— А ты будь проще и люди к тебе потянутся. Ну, правда, сеструлик, хватит быть букой, — и Андрей, отпустив одной рукой руль, сделал Иринке «козу» из пальцев, как в детстве, когда играл с ней. Ирина рассмеялась.

— Люблю, когда ты весёлая, — сказал брат и погладил её по плечу.

— Что ты хочешь послушать? — спросил Юрий, как только они отъехали от заправки.

— У тебя есть «Пикник»?

— Посмотри в бордачке. Там где-то... А ты не похожа на женщину, которая любит «Пикник»

— Да? А что, женщины, которые любят «Пикник» выглядят как — то поособенному?

— А ты его раньше встречала?

— Кого? Солиста «Пикника»?

— Нет. Ну... этого... Алексея. Он очень пристально на тебя смотрел...

— Вроде нет...

— Что значит «вроде»? Ты что, не помнишь, знаешь человека или нет?

— Видишь ли, мой отец бывший военный и Алексей военный... Вполне возможно, что он когда-то меня видел, вот и пытался припомнить — когда...

— Он тебе понравился?

— Юра, я не совсем поняла твой вопрос...

И тут Таня заметила, что у Юры ходят желваки на скулах. «Интересно девки пляшут по четыре босиком!»- подумала она с удивлением. Ей и в голову не приходило, что в душе у Юры могут кипеть такие страсти.

— Раньше я не замечала, что бы ты был ревнив.

— Раньше ты не давала повода.

— Юра, не очумел ли ты в атаке? — Таня даже в его сторону подалась. — То, что я смотрела на мужчину при знакомстве это что, повод для ревности!?

— То, что смотрела — нет, а вот как смотрела..., - и Юра многозначительно замолчал.

— Не вижу смысла продолжать этот бессмысленный разговор, прости за каламбур. Начнём с того, что я поехала в это путешествие со своим мужчиной. Обрати внимание, ключевое слово здесь «со своим», а что ты сам себе напридумываешь это твои проблемы.

Юра посмотрел на Таню. По её лицу невозможно было понять сердиться она или обижается. Самообладание у неё было на высоком уровне. Он ещё в Питере замечал, что она прекрасно умеет скрывать свои чувства. В это время она нашла диск с записью «Пикника» и, как будто и не было этого неприятного разговора, обратилась к Юре:

— Я поставлю?

— Я сам. — Юра взял из её рук диск.

«У шамана три руки, о-о-о

И крыло из-за плеча...»

— Надо же, моя любимая песня, — улыбнулась Таня, не глядя на Юру.

— Тань, прости. Я не знаю, что на меня нашло. Просто он так на тебя смотрел...

— Угу, — кивнула она, — главное, что б больше на тебя ничего подобного не находило.

Зашипела рация, и раздался голос Андрея:

— Ребята, такой вид шикарный, давайте тормознём, пофоткаемся.

Колонна из четырёх «Джипов» остановилась. Таня достала свой «Кенон» из рюкзака и вышла из машины. Вид действительно был прекрасен. Она почувствовала, как в горле встал комок. Как же давно она тут не была! И хоть они ехали только по трассе, а до стоянки была ещё пара сотен километров, воспоминания детства нахлынули на неё. Татьяна отшла подальше от колонны и стала фотографировать не только вид, но и выстроившееся в ряд машины. Они смотрелись очень красиво: два чёрных «Джипа» в середине и два рижих по краям. Она выбирала более удачный ракурс для съёмки, когда в кадр попал Алексей. Он стоял чуть левее Татьяны и фотографировал горы. Татьяна переместила объектив в другую сторону и увидела, как к ней подходит Юра.

— Ну, что, пофотографировала?

Он взял из её рук фотоаппарат и пролистал фотографии. Таня мысленно обрадовалась, что не сделала кадр с Алексеем, а то опять пришлось бы выслушивать от Юры всякую ерунду.

— А ты хороший фотограф! — удивился Юра, — я не знал.

— Ну, скажу без ложной скромности, талантливый человек талантлив во всём.

Юра обнял её и заглянул в глаза:

— Танюш, ты, правда, больше не сердись?

— Нет, — покачала она головой.

Юра поцеловал её сначала в щёку, а потом легко, как бы вскользь, коснулся её губ. Он прекрасно видел, что Алексей смотрит на них и не смог удержаться, чтобы не продемонстрировать ему, как всё у них с Таней хорошо.

— Вон, смотри какая идиллия, — кивнул в их сторону Коля, — а ты «Татка. Татка»...

— Показуха одна. Словно он даёт мне понять, что это его женщина...

— Да зачем ему тебе что-то давать понять, если она его жена. Барс, ты корону — то поправь!

— А что он тогда так задёргался? Не доверяет ей, что ли? Или у них не так всё и хорошо?

— Ну, ты бы не задёргался, если б на Юлю твою кто-то вот так же пялился?

— Да, ты прав, — нехотя согласился Алексей, — идиотская ситуация какая-то.

— Да не идиотская. Это ты делаешь её идиотской. Всё, успокойся.

— Кэп, эта женщина создана для меня, — по слогам, с полной уверенностью произнёс Алексей.

— Хорошо. Давай так: если она даст тебе свой номер телефона, то по приезду в Питер встречайтесь, разводите, любите, делайте, что хотите, но не тут. Ты пойми, Барс, здесь сплочённый коллектив, здесь люди по пять — шесть поездок вместе...

— Да понял я уже, — перебил его Алексей, — не надо мне одно и то же повторять.

— Повторенье — мать ученья, — назидательно сказал Коля, — сколько мы с тобой знакомы? Двадцать лет, кажется? Не помню я тебя таким, Барс.

— А знаешь — почему? Потому что я таким никогда не был. Получается, что до встречи с ней я никого и не любил... Вот такая петрушка, — вздохнул Алексей.

— А ты вот прямо уверен, что любишь её!? Вот прямо с первого взгляда!

— Да, Кэп. С первого взгляда...

По дороге к Поор-порогу колонна машин останавливалась ещё несколько раз: то перекусить, то пофотографироваться, то на технический перерыв, как говорят джиперы.

ПООР-ПОРОГ.

Юрий взял рацию и сказал:

— Ребята, сейчас через пару километров делаем поворот налево, углубляемся в лес, проезжаем вперёд ещё пару километров и налево будет поляна, на которой мы разбиваем лагерь и ждём оставшиеся три экипажа.

Через несколько километров они съехали с накатанной дороги и углубились в лес.

— Вот это красота! — Восхитилась Таня, глядя, как справа от лесной дороги по крупным плитам и валунам несёт свои воды быстрая река.

— Юра, как называется эта река?

— Суна.

— Это просто восхитительно! Это и есть Поор — порог?

Юра кивнул.

— А у нас будет время полюбоваться и пофотографироваться?

— Конечно. Сейчас ещё светло. Можно разбить лагерь и прогуляться, а потом приступить к готовке. А можно и после завтрака утром, как хочешь.

— Хочу и сегодня и завтра, кажется, такой красотой не хватит и дня налюбоваться.

Юра повернул налево, и почти сразу перед ними открылась большая поляна. Он поставил машину подальше от центра поляны, под деревья, на ровный участок.

— Так, — сказал он подошедшим ребятам, — давайте ставьте машины таким образом, что б поместились ещё три экипажа, а вот тут мы поставим столы и шатёр. Здесь место ровное и широкое, согласны?

Мужчины стали решать, кто — где поставит машину и разобьёт полатку, при этом не забывая о том, что скоро подъедут ещё машины. Юра достал стол и принёс его на середину поляны, которую окружали несколько берёз.

— Смотри, вот тут будут столы, тут мангал, а вот тут, — и он показал на берёзы, — между деревьев поставим шатёр, — сказал он Тане и обратился к ребятам:

— У кого ещё стол есть?

— У нас. Сейчас поставлю палатку и принесу, — откликнулся Стас.

— Давай я отнесу, — предложила Леночка.

Стас извлёк из недр багажника упакованный стол и передал его Леночке. Она подошла к Юре, который заканчивал собирать свой стол.

— Давай я помогу, — сказала Таня и, повернувшись к Леночке, спросила:

— Мы же с тобой со столом управимся?

— Конечно, — кивнула та.

— Юр, ты тогда шатром занимайся, а мы с Леночкой всё сделаем.

Юрий согласно кивнул и пошёл к машине. По дороге он окликнул Андрея:

— Андрюш, ты с палаткой уже справился? Поможешь мне с шатром?

Лена с Таней поставили собранные столы так, что бы они соприкасались краями.

— Я пойду, стулья принесу, — сказала Лена.

— А я всё, что надо для готовки, — и с этими словами Татьяна направилась к машине.

Юра с Андреем собирали опоры для шатра, к ним присоединился Стас, который уже устанивил свою палатку и был готов заняться, как он сам пошутил, общественно-полезным

делом.

Татьяна вытащила из багажника плиту, большой газовый балон и уже собиралась достать ящик с продуктами, когда сзади раздался низкий бархатистый голос:

— Давай я помогу, Тата.

Она обернулась и увидела Алексея.

— Хорошо, спасибо. Достань, пожалуйста, вот этот ящик... вот этот... потом вон там, подальше, мангал...

Алексей достал из багажника всё, что она просила.

— А... вот ещё ведро с мясом...

— Ведро? — удивился Алексей.

— А чему ты удивляешься. Ты посмотри, сколько нас народу! И ещё пять человек должны подъехать. Мы этот шашлык съедим и не заметим.

— Это ты готовила?

— Да.

— Не лень было?

— Да тут работы от силы на полчаса, — пожала плечами Таня, давая понять, что большого труда ей это не составило.

— Куда нести?

— Туда, где ребята шатёр устанавливают. Там уже и столы стоят.

— Шатер зачем? Вроде, небо ясное.

— Он от ветра закрывает, да и уютней с ним.

— Ты часто в походы ходишь? — спросил Алексей, беря под мышку плиту и газовый балон в свободную руку.

— С «Джиперами» в первый раз, а так, по-молодости, часто ходила, — Таня не стала уточнять, что в походы они начала ходить с отцом со школы. Он любил путешествовать и эту любовь передал ей. Таня взяла мангал и холщёвую сумку с посудой, и они направились к столам. Сложив всё около столов, они пошли за оставшимися продуктами. Юрий подозрительно посмотрел им в след и Коля, собиравший ветки для костра, этот взгляд перехватил. Он подошёл к Тане и Алексею как раз в тот момент, когда они спорили.

— Татка, женщина не должна носить такие тяжести, — возмутился Алексей, — самое лёгкое ты уже отнесла, всё остальное отнесу я.

— За один раз ты всё не унесёшь, — возражала Таня.

— Ну, за два раза отнесу, мы ведь никуда не торопимся, — Алексей поднял ведро с мясом, — да тут килограмм пятнадцать будет!

— Двенадцать.

— Ну вот, видишь, тяжесть какая!

— Танечка, руководи: что, куда нести и что делать, когда принесу, — вклинился в их спор Коля.

— Ой, Николай, — обрадовалась Таня, но он протестующе поднял руку.

— Только не Николай. Когда меня так называют, мне кажется, что я провинился. Зови меня Колюней, как все, так привычной.

Таня засмеялась.

— Колюня так Колюня. Хорошо, что ты подошёл. Мы сейчас всё сразу и унесём.

Алексей взял ведро с мясом, угли, Колюня два ящика с продуктами, Таня набор для шашлыка и решётку для мяса и они все вместе отправились к столам. Пока Алексей

распаковывал и устанавливал плиту, Таня кивнула Колюне в сторону мангала:

— Я думаю, тебе не составит труда установить мангал и разжечь угли?

— Ни малейшего. А розжиг есть?

— Сейчас принесу, он в машине.

И Татьяна пошла за розжигом.

— Барс, осади! — полушёпотом рявкнул Коля на друга.

— Да что я сделал-то? Мне теперь вообще с ней не разговаривать и не подходить, что ли? Так это сразу привлечёт внимание. Кстати, что это за ерунда с «Колюней»? Что за имидж ты себе дурацкий выдумал?

— Ну, вот так получилось! Стушевался перед Иринкой, стал за дурашливостью себя прятать. Да и потом, никто же не знает, кто я на самом деле. А так могу дурака повалить... Расслабиться чуть-чуть...

Вернулась Таня с розжигом.

— Всё готово. Плиту подключил. Принимай работу, хозяйка, — и Алексей сделал рукой приглашающий жест к столу.

— Ой... Надо же чайник и канистру с водой принести... Алёша, ты pomoжешь? Ну, раз мне нельзя тяжести носить...

— Конечно, Тата, помогу, — и Алексей выразительно посмотрел на Колю, мол, что я должен сделать — отказать? Коля только рукой махнул — делай, что хочешь.

— Тата, чайник зачем?

— Вдруг кто кофе или чая захочет, пока мясо готовится.

— Я думаю, захотят не горячего, а горячительного, — улыбнулся Алексей. У него была очень красивая улыбка, добрая и располагающая.

Таня открыла багажник и достала чайник.

— Алёша, там канистра красная, достань, пожалуйста. Да, да, эту... и ещё ящик, на котором написано «чай, кофе, вкусняшки». Да, спасибо.

Таня сняла крышку с ящика и окинула взглядом богатый ассортимент печений, конфет, шоколада.

— Может ещё печенья прихватить, как думаешь?

— Даже не знаю, — протянул Алексей, — печенья... к мясу... не уверен, — и он с хитрицей посмотрел на Татьяну.

— Ну, тебя, — махнула она рукой и тоже улыбнулась. — Я шоколад возьму. Он и к кофе подойдёт, и к чаю...

— И к коньяку, — добавил Алексей. — Хотя к коньяку лучше лимон.

— Лимон уже там, — кивнула Таня в сторону столов и наткнулась на пронзительный взгляд Юрия. Он стоял рядом с Колей и пристально смотрел на них.

Таня стала перебирать шоколад.

— А какой там у тебя? — заглянул через плечо Алексей. Ей показалось или он действительно коснулся губами её волос? Терпкий запах его одеколona щекотал ноздри. Запах был очень приятный, как раз такой, который нравился Тане: тяжёлый, чуть сладковатый, с нотками сандала.

— Ты восхитительно пахнешь... — прошептал ей на ухо мужчина и, отодвинувшись от неё, уже громче повторил вопрос:

— Так какой у тебя шоколад?

— Есть с начинками, есть с орехами и изюмом, а это мой любимый, — и с этими

словами она подала Алексею две плитки.

— Солёный и с перцем чили? — Алексей недоверчиво смотрел на неё. — Ты шутишь? Это, действительно, твой любимый шоколад!?

— А что тебя удивляет? Или ты о таком не слышал?

— Дело в том, что это тоже мой любимый шоколад, Тата!

— Знаешь, я бы тоже спросила, не шутишь ли ты, но боюсь показаться не оригинальной. Они стояли и смотрели друг другу в глаза, как тогда на заправке.

— Алёша, — первая стряхнула с себя оцепенение Татьяна, — бери канистру и пошли к столу.

Она взяла чайник, пакет с чаем, кофе и шоколадом и направилась к столу. Коля уже поставил два мангала и разжёл угли. Юрий сидел рядом на раскладном кресле.

— Таня, а зачем два мангала? — спросил Коля.

— На одном будут шампура с более крупными кусками, а на другом решётка с маленькими кусочками мяса, грибами, перцем и овощами.

Юра обернулся к ним, и взгляд его задержался на Алексее. И если бы по каким-то неведомым нам законам природы такое было возможно, то на Алексее загорелась бы одежда.

— Давайте я сейчас мясо на шампура буду нанизывать и вот сюда, — Таня достала большое плоское блюдо из ранее принесённой сумки, — буду складывать, а потом все остатки уложу на решётку. А пока вы всё это жарить будете, я на стол накрою.

С этими словами она очень ловко стала управляться с мясом и шампурами.

— Всё, угли готовы, можно готовить, — бодро отрапортовал Коля и хохотнул, — вот такой вот каламбурчик. Юра, я помогу, да? Он взял несколько шампуров с мясом и положил их на мангал.

Татьяна поставила на край стола ещё одно красивое блюдо с большой выпуклой крышкой и миску тоже с крышкой.

— Колюня, это для шашлыков, — она указала на блюдо, — а сюда мясо и овощи с решётки, и она подвинула к блюду миску.

— Ну, раз вы тут с мясом управляетесь, я пойду, полено для шведской свечи подберу. — Сказал Юрий, вставая с кресла и подходя к Тане.

— Шведская свеча? Что это? — удивилась она.

— А вот сделаю — увидишь, — и Юрий демонстративно приобнял Таню за плечи, поцеловал в щёку и исподлобья посмотрел на Алексея. Весь его вид словно говорил: «Моя! Не трогать!».

К столам подошли Лена и Ирина.

— Тань, что-нибудь помочь?

— Да, очень хорошо, что вы подошли. Мне так нужны надёжные женские руки! — Таня бросила через плечо мимолётный взгляд на Колюню; при приближении Ирины он покраснел, и спина его заметно напряглась.

— Девочки, смотрите. Вот тут маслины, соусы. Вот свежие овощи, зелень — это всё мытое. Давайте разложим по тарелкам и креманкам, — с этими словами Таня доставала из сумки очень симпатичную пластиковую посуду.

— А вот сюда, — она поставила на стол красивую плетёную корзиночку, — мы положим хлеб.

— Ну, ты даёшь! — не то с восхищением, не то с завистью произнесла Ира, — прямо,

как в ресторане: мисочки, креманки, салфеточки.

— Привычка, — улыбнулась Таня.

— Официантка, что ли? — пренебрежительно фыркнула Ирина.

На самом деле против официанток Ира ничего не имела. Просто она никак не могла простить Тане, что Алексей поцеловал руку именно ей, а на неё даже не смотрел. После заправки Ирина стала пристально наблюдать за Алексеем на каждой остановке и заметила, что он фотографирует не столько красоты вокруг, сколько Татьяну. И смотрел он на неё, то восхищённо, то мечтательно, а то и откровенно влюблённо, когда думал, что этого никто не видит. Ирину это задевало. И не потому, что Алексей ей понравился. Нет. Просто на неё никто никогда не смотрел с таким обожанием. А эта, мало того, что со своим мужем приехала (Ира слышала, как Юра на заправке назвал Таню женой), так ещё и внимание такого красавца, как Алексей, захватила полностью.

— Ну, можно сказать, что и официантка, — Таня равнодушно пожала плечами.

— Не поздновато ли для официантки? — не удержалась и съязвила Ирина.

Таня пропустила её замечание мимо ушей. Никак не отреагировала на такой очевидный выпад. Только сказала:

— Я вообще люблю, что б всё красиво было независимо от того, где я нахожусь.

— Это факт! Подтверждаю, — раздался голос Юры, который подошёл к столу, держа в руках небольшое полено, и слышал последнюю Танину фразу.

— Она, даже, если в пещеру попадёт, то через полчаса превратит её если не во дворец, то в очень уютное гнёздышко.

«Да, — подумал Алексей, — хотел бы я попасть с ней хоть в пещеру, хоть на необитаемый остров.» Он ничего не мог поделать. Тянуло его к Тане, как магнитом. И был он уверен, что Тата — его женщина, просто ей надо время осознать это и, как говорят, привыкнуть к этой мысли. А Юра... Не хорошо, конечно, всё это, неудобно перед ним... Но для себя Алексей решил твёрдо: как только они вернутся в Питер, он найдёт Татку, поговорит с ней, а там уж будь что будет.

Вскипел чайник, и Таня предложила желающим попить чай или кофе. Женщины с удовольствием приняли её предложение, а вот мужчины отказались, потому что Стас и Андрей принесли коньяк и водку, как и говорил Алексей. К тому моменту, как шашлыки были готовы, к лагерю подъехали ещё два экипажа — Саша и Галя из Москвы, и Павел с Олей из Твери. Не было только Максима, но он позвонил Юре и предупредил, что задерживается. У него появились посторонние звуки в машине, и он решил заехать в мастерскую, что бы устранить неполадки. Шашлык привёл всех в восторг. Павел сказал, что никак не ожидал такого королевского, совсем непоходного ужина на природе. А Саша, не стесняясь, облизал пальцы и добавил:

— Присоединяюсь к предыдущему оратору. И если бы мой желудок перемальвал железо, то я бы и шампура съел!

— Танечка, ты волшебница! — поддержал Андрей. — Тебе надо открыть свой ресторан! Первый раз встречаю женщину, которая так изумительно готовит мясо. А ещё говорят — мужчины лучшие повора.

— Да, — опять съязвила Ира, — то-то у нас, что не шеф-повар, то мужчина.

— Как раз это и просто объяснить, — опять без обиды приняла подачу Таня, — женщина больше отдаёт себя семье, а мужчина работе.

— Ну, что, самое время для костра и шведской свечи, — сказал Юра и взял принесённую ранее бензопилу. — Андрей, ты с костром поможешь?

— Не вопрос! Тем более что Колюня уже о дровах позаботился, — и, Андрей, с сожалением отставив тарелку с мясом, стал разводить костёр.

Юра в это время завёл бензопилу и сделал несколько глубоких надрезов крест — накрест на полене, потом налил туда розжиг и поджёг. Полено начало гореть как бы изнутри.

— Ну, вот, простенько и со вкусом. Ты спрашивала, что такое шведская свеча? Вот она, любуйся, — и Юра привлёк к себе Татьяну.

— Действительно, это очень красиво.

Андрей, как только запыхал костёр, взял складное кресло, тарелку с мясом и коньяк и подсел к костру со словами:

— Ребята, это просто сказка, присоединяйтесь!

Стас с Павлом пододвинули свои кресла к костру. Колюня с Алёшей пошли к машине за своими креслами. Когда они вернулись, то Ира заметила в руках у Алексея гитару.

— Вот здорово, обожаю песни у костра! — и с этими словами она под села к нему поближе.

Галюня — так называла Таня новую знакомую, собирала грязную одноразовую посуду в мусорный пакет. Татьяна складывала пластиковую посуду, которую надо мыть, в небольшой пластмассовый тазик. Остатки шашлыка она убрала в контейнер с плотной крышкой, а шампура положила так же в тазик с грязной посудой. Аккуратно собрала хлеб и нетронутые овощи с зеленью в пакеты и всё это вместе с контейнерами убрала в ящик и задвинула его под стол.

— Кто-нибудь чай хочет?

— Я буду, — откликнулась Оля.

— И я, — сказала Леночка.

— А я кофейку попью, — сказала Галюня.

Таня поставила чайник, а Галя, сказав, что пьёт только заварной кофе, пошла за ним к машине. В это время раздались гитарные аккорды и низкий голос запел:

«В тот вечер я не пил, не ел,

Я на неё всю смотрел,

Как смотрят дети, как смотрят дети...»

Татьяна вздрогнула. Она сразу узнала голос Алексея. И уж три человека точно поняли, для кого поётся эта песня Высоцкого. Вернулась Галя с кофе и кружкой.

— Как хорошо, что есть гитара! — воскликнула она.

— Галюня, можно я кофе у тебя возьму?

— Конечно, конечно, — Галя протянула ей жестяную круглую баночку с кофе.

Таня залила кофе кипятком, накрыла чашку блюдцем. Потом налила чаю Оле и Леночке и отнесла им к костру. Подошла сзади к Юре и дотронулась до его плеча. Он резко обернулся.

— Юр, кофе хочешь?

— Нет, — довольно грубо сказал он, скидывая её руку.

«Когда ж я уходить решил,

Она сказала — не спеши...»

Алексей поднял глаза и встретился с Таниным взглядом. Она смотрела на него с

укором. Алексей прижал струны к гитаре.

— Что-то я неподходящую песню для похода пою, — извиняющимся голосом сказал он.

— Да, да. Очень неподходящую и совсем не походную, — сказал Колюня, забирая гитару у друга.

— А я вам сейчас спою песню, которую, я думаю, знают все. Подпевайте.

— «Мы в такие шагали дали...»

Несколько человек подхватили.

— Ну, вот вечер и удался, — улыбнулась Галюня. — У нас первый раз в походе гитара.

И негромко, чтоб не мешать песне, обратилась к мужу:

— Саш, а мы-то, что свою гитару ни разу не брали?

Таня отошла от костра за кофе, вернулась и встала рядом с Галюней. Когда песня закончилась, Ира спросила:

— Колюня, а что ты раньше гитару не брал? Ты так хорошо поёшь, да и веселей с гитарой вечера коротать.

— Это не моя гитара, это Лёшина. Ну, что, будем ещё петь?

— Конечно, — бодро подхватила Ирина, — «Альтаир» знаешь?

— «С неба лиловые падают звёзды?»

— Да. Она такая хорошая. Это Андрюшкина любимая, — и Ирина с нежностью посмотрела на брата.

Коля запел, а Татьяна подошла к столу, потрогала чайник — горячий. Залила грязную посуду кипятком, добавила из канистры холодной воду и стала намыливать губку.

— Тань, не выдумывай, оставь на завтра, — подошла к столу Леночка.

— Терпеть не могу грязную посуду на столе.

— Поставь под стол. Ну, её. Пошли к костру, — потянула её за руку Лена.

— Ну, Ленусь, она же засохнет до утра.

— Не засохнет. Сейчас побольше кипятку налью, — с этими словами Лена полностью залила посуду.

— Вот так, — сказала она, убирая тазик под стол. — Что ты тут в темноте одна возиться будешь. Завтра утром сходим к реке, там спуск удобный есть и помоем. Пошли, пошли...

Потом гитару взял Саша. А где-то к полуночи приехал Масим. Татьяна положила ему на тарелку шашлык, сокрушаясь, что мясо остыло, но Макс оказался не привередливым, и говорил, что ничего вкуснее не ел. Мужчины подошли к столу и стали расспрашивать Макса о поломке — что было с машиной и удалось ли поломку устранить.

Татьяна под шумок мужской беседы ретировалась к машине. Не то, что бы она очень устала. Просто впечатлений было много и ей хотелось побыть одной. Она устроилась в машине — у Юры там была оборудована кровать — быстро разделась и легла в спальник. Татьяна была неприятно удивлена тем, что Юра много пьёт. Конечно, за два месяца знакомства человека хорошо узнать невозможно, но в Питере у неё сложилось впечатление, что Юра равнодушен к спиртному. Ей казалось, что он вёл здоровый образ жизни. Во-первых, спортзал, во-вторых, когда они встречались в ресторанах или кафе Таня себе позволяла бокал вина или какой-нибудь ликёр, он не пил, а, в-третьих, постоянно говорил о каком-то пищевом режиме, которого придерживается вот уже несколько лет. Хотя, с другой стороны, может же человек расслабиться на отдыхе. Не только мужчины, но и женщины от коньяка не отказывались. Таня припомнила, что когда Макс достал «Текилу» не пили только... Алексей и Колюня. Да и вообще от её внимания не ускользнуло, что они ни разу не опустошили свои стаканы полностью. Фактически, они оставались трезвыми. Это странно смотрелось на фоне выпивающей компании. Таня закрыла глаза. Перед глазами стоял Алексей. Если бы только она встретила с ним в Питере раньше, то ни о каком Юре и речи не могло быть. Она словно снова оказалась у костра и смотрела на Алексея, слушая его пение. Пел он, надо отдать должное, хорошо. Неужели этой песней он хотел ей открыто сказать о своих чувствах. И, действительно, когда Таня встречалась с ним взглядом, он не отводил глаза и смотрел на неё с восхищением. Татьяна не могла себе не признаться, что Алексей ей нравится. Глупо обманывать себя. «Ну, баба Веста, вот спасибо тебе! Подсиропила!» Баба Веста и при жизни была шутница, но что б такое после смерти выкинуть! Прабабка иногда снилась Татьяне. Как и обещала, не забывала её. Снилась она обычно перед судьбоносными событиями. Приснилась она и в ночь перед поездкой. Баба Веста качала головой и приговаривала: «Ну, есть же справедливость на свете: никчёмшь тебя в надёжные руки везёт. А ты, внака, не брыкайся, от судьбы своей не отварачивайся». Тогда Таня не могла понять этот сон. Теперь задумалась — уж не Алексея, случаем, прабабка имела в виду, когда про надёжные руки говорила? На заправке она, конечно, этот сон и не вспомнил, но вот когда Алексей запел — баба Веста перед глазами встала «Не брыкайся, говорю!» и исчезла.

И ведь ничего Таня про Юру плохого сказать не могла. Ухаживал он красиво. Очень приятно удивил, когда на месяц их знакомства подарил ей изящную золотую подвеску с буквой «Т». Приглашал не только в рестораны, но они и в театре побывали и в кино, и даже ночью на речном трамвайчике покатались. В общем, мужчина он был, как говорится, со всех сторон положительный. Только... для любви — то этого мало. Вон их, сколько вокруг, положительных! Взять, к примеру, хотя бы Андрея и Колюню. Очень даже положительные: культурные, весёлые, воспитанные... Но как только Алексей взял на заправке её за руку, она сразу поняла — всё, пропала! Она старалась общаться с Алексеем так же ровно, как и с другими мужчинами в экспедиции. И у неё это получалось. А вот у Алексея не получалось смотреть на неё равнодушно. Не мог он скрыть свою заинтересованность в ней. Юрий это видел и его это злило. Дверь в машину открылась, и она услышала Юрин голос:

— Таня. Ты спишь?

Татьяна ровно дышала, изображая спящую. Она примерно представляла, что может

выслушать от Юры. Ну, что она может сделать? Сказать Алексею, чтобы он не разговаривал с ней и не смотрел на неё? Это глупо. А выслушивать сейчас Юрины претензии ей не хотелось. Юра поворочался в спальнике, устраиваясь поудобней, обнял Таню и коснулся губами её щеки: «Спокойной ночи, Танюшка», пробормотал он, засыпая. Татьяна долго пролежала без сна. Ей не нравилась сложившаяся ситуация, но как её изменить — она не знала.

Татьяна проснулась, как от толчка. Посмотрела на часы — было уже девять утра.

«Вот незадача. Скоро же лагерь проснётся, а у меня ещё завтрак не готов!»

Она расстегнула спальник и стала быстро одеваться. Зашевелился Юра.

— О, ты уже проснулась? А сколько время?

— Девять.

— Так рано ещё! Давай поваляемся чуть-чуть, — и он, обхватив Таню, привлёк её к себе. — Ты вчера так незаметно и так рано ушла...

— Я немного устала, Юра. И потом, столько впечатлений... Столько событий...

— Ага, столько новых знакомых...

— Ты о чём?

— Вот только не надо притворства. Ты считаешь, что это нормально?

— Да о чём ты говоришь?

— Не понимаешь, да? Да про Алексея этого!

— Юра, не начинай, а то мы поссоримся. Если у тебя претензии к Алексею, выскажи ему, что ты мне-то выговариваешь!

— Потому что ты тоже... — Юрий отстранился от Тани и смотрел на неё с подозрением.

— Что я — тоже?

— Смотришь на него так, словно он тебе нравится.

— Юра, давай расставим все точки над «и». Я приехала сюда с тобой и глупо меня в чём — то подозревать и упрекать. И, кстати, у меня больше повода предъявить тебе претензии.

— Это какой ещё повод? Я ни на кого не пялюсь, и другим дамам внимания не уделяю.

— А хотя бы тот, что ты демонстративно сбросил мою руку со своего плеча и Алексей это видел. Для чего ты это сделал? Хотел унижить меня? Или таким образом продемонстрировать своё пренебрежительное отношение ко мне? Такими поступками ты как раз и показываешь другому мужчине, что у нас не так всё хорошо, как кажется, и развязываешь ему руки!

Юра подскочил так резко, что ударился головой о крышу машины.

— Ну, ты и подвела базу! — воскликнул он. — Это, что же получается, что я сам даю понять Алексею, что он может за тобой ухаживать? Это ты хочешь сказать?

— Это не я, это ты сказал. Ладно, пока мы окончательно не поругались, я пойду завтрак готовить, а то ребята скоро проснуться, а у меня даже чайник холодный. И умыться бы надо, — с этими словами Таня выскользнула из машины, оставив Юру в полной растерянности.

Юра действительно растерялся. Любая другая женщина начала бы оправдываться или извиняться, но Таня каким-то образом без всяких обидных слов дала ему понять, что он в этой ситуации, мягко говоря, не на высоте. И если разобраться, то она права: он сердит на Алексея, а высказывает всё ей. И ещё Юра понял как минимум две важные вещи из этого разговора: если он будет продолжать себя вести в том же духе, то они могут, действительно, серьёзно поругаться с Таней, и он даже может её потерять, а вот этого Юра и не хотел. Юра быстро оделся и, прихватив умывальные принадлежности, выскочил из машины и

направился к реке. Он увидел Таню на небольшом камне и поспешил к ней.

— Тань, ты пасту и щётку забыла, — протянул он ей прозрачную косметичку.

— Спасибо, — Таня взяла косметичку, достала всё, что было надо для умывания, и повернулась к Юре: — Подержи, пожалуйста.

Когда она привела себя в порядок, то, отдав Юре пасту и щётку, сказала:

— Отнесёшь всё в машину, ладно? Я пойду готовить. Надеюсь, ещё никто не проснулся.

Надеялась она зря. Когда Татьяна вышла на поляну, то увидела Алексея, который поставил чайник и делал себе бутерброд.

— Господь с Вами, граф! Вы меня, как хозяйку, позорите, — вместо «доброе утра» произнесла Таня фразу из фильма «Формула любви». — Алёша, подожди немного, я сейчас завтрак сделаю, — сказала она и стала доставать на стол посуду и продукты.

— Я только кофейку, — сказал он, отодвигая бутерброд, — а тебе кофе сделать?

— Ну, если не трудно...

— Мне для тебя ничего не трудно.

— Ага, знаю, знаю, первая заповедь солдата — подальше от начальства, поближе к кухне, — усмехнулась Таня.

— И откуда же такие познания?

— У меня папа военный в отставке, — говоря это, она опустила пакетики с рисом в кастрюлю с водой и стала нарезать лук и морковь на маленькой походной досочке.

— В каком звании?

— Прапорщик, а что?

— Нет, ничего, просто спросил... Попей кофе сначала, Тата, — и Алексей подал ей чашку с ароматным напитком, — я, правда, сахар не положил. Правильно?

— Правильно, — она улыбнулась и взяла чашку из его рук. — Спасибо.

В это время к столу подошёл Юра.

— Доброе утро, — нарочито бодрым голосом сказал он. — Не помешаю?

— Чему? — удивлённо вскинул брови Алексей.

— Дружеской обстановке. А ты кофе всем наливаешь? — Юра сверлил Алексея глазами.

— Конечно. Могу тебе налить, хочешь?

— Сделай одолжение.

В то время как мужчины вели этот, казалось, ничего не значащий диалог, Таня на сковороду высыпала нарезанные овощи и стала резать охотничьи колбаски. Алексей положил две ложки растворимого кофе в большую чашку, сахар, залил кипятком и подал Юре.

В это время появился Коля.

— Ооо, время пить кофе! Всем доброго утрачка! — Как всегда весело произнёс он.

— Кофе? — спросил Алексей.

— Да! И вот колбаску охотничью можно?

— Бери, если хочешь, только завтрак будет скоро готов, — сказала Таня.

— А что у нас на завтрак? Спасибо, — это он сказал Алексею, который подал ему кружку с кофе.

— Вот смотри, колбаски с овощами уже жарятся, сейчас туда шампиньоны, — с этими словами Таня высыпала на сковороду порезанные грибы, — а потом рис.

Она аккуратно ложкой достала из кастрюли пакетики с рисом, вскрыла его и высыпала

рис на сковороду, в которой жарилась ароматная смесь, затем следующий пакетик и так до тех пор, пока сковорода не стало полной.

— Сейчас рис буквально пять минут потомиться, пропитается ароматом и всё, можно завтракать.

— Это почти, как плов, только вместо мяса колбаски, да? — спросил Коля и шумно вдохнул в себя воздух. — Ооо! — Шутя, простонал он, и закатил глаза. — Это божественный запах! Слушай, Таня, ты так готовишь классно, тебе точно надо свой ресторан открыть.

— Уже.

— Что — уже?

— Уже открыла. Только у меня не совсем ресторан, а так... ресторанчик.

— Да? И где он находится? — оживился Алексей.

— На Правды, недалеко от Пяти Углов.

— А, что, в гости хочешь зайти? — Окрысился сразу Юра. Он был у Тани в ресторане. Ему очень понравились и обстановка, и кухня, и обслуживание.

— Очень хочу. Пригласишь, Тата?

— Да, да, обязательно зайдёт. И с женой, и с тещей, — быстро сказал Коля, который почувствовал электричество в воздухе.

— Ты женат? — спросил Юра.

— Ну, конечно, он женат, — встрял Николай и, что бы уйти от скользкой темы, обратился к Тане:

— Хозяюшка, когда ж к трапезе приступим?

— Да вот прямо сейчас и приступим, — улыбнулась она, и положила в тарелку вкусно пахнущую смесь.

Юра смотрел на Татьяну — казалось, она совершенно не отреагировала на то известие, что Алексей женат. С другой стороны, почему она должна на это реагировать? Ведь она чётко дала понять Юрию, что именно он, Юрий, её мужчина. Юре было немного неловко за неприятный утренний разговор, он корил себя за нездержанность. Таня достала из ящика банку с консервированными помидорами.

— Юр, открой, пожалуйста.

Коля, пока Юра смотрел на Таню, получил испепеляющий взгляд от Алексея. Коля сделал вид, что почёсывает лоб, но на самом деле, постучал себе пальцем по лбу, всем своим видом давая понять, что Алексей должен думать, прежде чем что-то говорить...

К тому времени, как лагерь проснулся, завтрак был уже готов. Таня достала овощи, которые остались после ужина, разложила их на тарелку, отдельно на тарелочку положила сыр и колбасу в нарезке, поставила на стол корзинку с хлебом и в большой контейнер положила всё, что может быть востребовано к чаю или кофе.

— Как же у тебя всё красиво получается, за стол приятно сесть, — сказала Оля, делая бутерброд.

— И вкусно! Бог с ним, что красиво, главное — вкусно! — по слогам проговорил Макс, отправляя в рот ложку с рисом.

— Ребята, вы меня захвалите, — смутилась Таня.

— А мы больше не будем, — сказал Павел и, подмигнув Тане, добавил с улыбкой, — а то сглазим ещё.

После завтрака Таня занялась уборкой со стола. Она достала из-под стола миску с посудой, которую вчера убрала туда Леночка, поставила ещё несколько тарелок, положила сверху губку и средство для мытья посуды, накинула полотенце на плечо, взяла холщевую сумку и обратилась к Ирине:

— Ириш, будь другом, помоги мне с посудой.

Ира очень удивилась, что Татьяна обратилась именно к ней, но отказать было неудобно.

— Леночка, а ты в мусорный пакет сложишь всё со стола, хорошо?

— Да, я тут приберусь, — кивнула Лена.

В то время, как они пошли на Суну мыть посуду, мужчины стали потихоньку разбирать лагерь. Решили перед тем, как ехать дальше, остановиться у Поор-порога, ещё раз прогуляться там и пофотографироваться.

— Юр, давай я помогу тебе шатёр убрать, — довольно миролюбиво предложил Алексей.

— Давай, — согласился Юра.

Они, молча, складывали стойки из-под шатра и, когда осталось сложить полотно и упаковать его в мешок, Юра не выдержал и спросил:

— Ты правда женат?

— Да, — нехотя ответил Алексей.

— Приключений ищешь, — зло прошипел Юра, стараясь, чтоб их никто не услышал. — Держись от моей женщины подальше!

— Я тебе обещал, что в поездке конфликтов не будет. Так вот, я слово своё сдержу.

— Что значит, в поездке? — взвился Юра. — То есть, в городе ты будешь искать с ней встречи?

— Буду, — честно сказал Алексей, глядя ему в глаза.

Со стороны казалось, что они мирно беседуют и упаковывают сложенный шатер. На самом деле Юра готов был броситься на Алексея.

— Ты, что — очумел?! Это моя жена. Слово «моя» понимаешь!?

— Может, она сама решит, чья она... — с этими словами Алексей подал Юре полотно, и пошёл помогать Коле собирать палатку.

— Зачем ты про жену ляпнул, Кэп? — угрюмо спросил он у Коли. — Я же сказал, что буду разводиться с Юлей.

— Ещё не развёлся, — жёстко сказал Николай. — Ты, что не видишь, что он нервы ей

из-за тебя треплет? Ты ж для него, как красная тряпка для быка. Может сейчас поуспокоится чуть-чуть.

Алексей удивлённо посмотрел на друга:

— С чего ты взял, что он ей нервы треплет?

— А с того! Это ты с неё глаз не сводишь, поэтому ничего вокруг и не замечаешь. А я-то вижу, что ей достаётся, хоть она и держится молодцом и вида не показывает, но такой напряг между ними — мама не горюй. Скоро весь лагерь заметит.

— Да что ты на меня накинулся, Кэп! Я даже наедине с ней не остаюсь. К тому же у них с Юрой не так всё и хорошо.

— Ты пялешься на неё постоянно, вот и не всё хорошо у них. Ты девочку-то пожалей.

— Ну, ты останавливай меня, если я слишком пялеться буду, — слова Коли расстроили Алексея. Он уж точно не хотел, чтоб у Тани были из-за него неприятности.

— Тебя остановишь, — пробурчал Коля, — прёшь, как танк, дороги не видишь...

Таня и Ира спустились к реке в удобном месте, которое Таня ещё с вечера присмотрела. Таня поставила тазик на камень, взяла одну губку себе, другую подала Ире.

— Давай ты будешь намывать, а я ополаскивать, вытирать и складывать в сумку.

— А ты, правда, официантка? — спросила Ира, беря чашку.

— Это плохо?

— Нет, просто Юрий, вроде, мужчина состоятельный, а выбрал... — она встретила с сочувствующим взглядом Татьяны и запнулась. Она-то думала, что Таня возмутится или начнёт говорить, что-то типа того, что любовь не выбирает, на какую травинку упасть, а она жалела её. Так откровенно жалела, что Ира даже растерялась.

— Ир, тебя никто никогда не любил, кроме Андрея? Поэтому ты обижена на весь мир? Да?

Ирина смотрела на неё, широко раскрыв глаза от удивления.

— Откуда ты...

— Тебя даже мама не любила?

Ира вздрогнула и уронила пластиковую чашку в реку.

— Это Андрей тебе рассказал!? Да как он мог!? — Ира выпрямилась, голос её дрожал на глазах навернулись слёзы. — Предатель!

— Что рассказал? Ты о чём?

— Он не говорил тебе ничего?

Таня покачала головой.

— Тогда откуда ты знаешь?..

— Просто вижу. Иди ко мне, — Ира не тронулась с места. Тогда Таня сама шагнула к ней.

От Татьяны исходило какое-то необычное обволакивающее тепло и Ира, которая только что готова была потребовать от малознакомой женщины, что бы та не лезла в её жизнь, вдруг тоже шагнула к ней на встречу. Таня обняла её, прижала к своей груди и стала гладить по голове.

— Маленькая ты моя девочка, как же тебе тяжело...

Ирину вдруг затрясло. За всю жизнь родная мать не обняла её ни разу, никогда не прижимала к себе, не выказывала ей своей заботы и сочувствия. И права была эта Татьяна — не любила её мать. Иру начали душить слёзы. Так горько ей стало, как тогда, когда её предали и муж и мама.

— Ничего, ничего, моя хорошая, — Таня отстранила её от себя и заглянула в глаза. Потом приложила свои ладони к вискам девушки. — Поверь, на свете найдётся ни один человек, который будет тебя любить. Запомни: человек всегда получает то, во что он верит. Вот и верь, что ты самая замечательная, самая любимая. Мир такой, каким ты его представляешь. Ты нарисовала мир, в котором тебя не любят, сотри его и нарисуй тот, в котором любят.

— Ничего я не рисовала, — всхлипнула Ира, — трудно верить, что тебя любят, если твой муж уходит от тебя к твоей матери.

— Чтооо? — Татьяна даже покачнулась

— А ты разве не знала?

— Нет, откуда?

— А почему решила, что мать не любила меня?

— Ну, понимаешь, я вижу ауру у людей. Только ты не говори никому, ладно? Так вот, у детей, которых не любили родители, копчик или позвоночник обычно грязно-синего цвета. Да ты не расстраивайся. Всё что ни делается — всё к лучшему.

— Да куда уж лучше, — махнула рукой Ира.

— Ты сама подумай, зачем тебе расстраиваться из-за мужчины-предателя? Он бы никогда не сделал тебя счастливой, а твою жизнь лучше. Тебе нужен такой мужчина, который будет заботиться о тебе, оберегать тебя. Когда уходят полубоги, то приходит бог, запомни!

— Ну и где же я возьму этого бога? — Ира улыбнулась и поняла, что слёз-то нет и нет боли на душе при воспоминании о матери и бывшем муже. Ей вдруг стало так тепло, так уютно рядом с Таней, что захотелось шутить и улыбаться.

— Я тебе не советчик, конечно, но поверь мне, такой бог, то есть человек, есть среди присутствующих.

— Алексей, что ли? Так он с тебя глаз не сводит. Юра аж зелёный весь...

— Нет, Николай.

— Колюня? — Ира от удивления даже рот приоткрыла. — Так он же балагур! К нему невозможно серьёзно относиться.

— Не спеши с выводами. Ты сейчас всё по-другому будешь воспринимать.

— Почему?

— Потому, что в твоём сердце нет боли, а в душе нет обиды. Вот прислушайся к себе...

Ира неожиданно для себя, преодалев смущение, прижалась к Татьяне.

— Так с тобой хорошо. Так тепло. Ты всё понимаешь... Прости, что я язвила тебе, — Ира посмотрела Тане в глаза. — Не сердись?

— Нет, ты же не со зла, — Таня улыбнулась и взъерошила ей волосы, — но ты должна кое-что мне пообещать.

— Обещаю, что никогда не буду так себя вести... Ни с тобой, ни с кем другим.

— Нет, я не об этом. Пообещай, что пригласишь меня на свадьбу с Николаем.

— Почему ты так уверена... Может, я и не нравлюсь ему вовсе.

— А ты присмотришься... — Таня не успела договорить, как раздался голос Коли:

— Девчонки, вы что тут застряли? Мы вас потеряли уже...

Он посмотрел на Иру, и на лице вместо улыбки появилась тревога.

— Ира, ты плакала? Что случилось? — он повернулся к Тане.

— Я упала и ударилась ногой. Очень больно было, — и Ира показала на лодыжку.

— Не вывихнула? Дай посмотрю. — И Коля, присев на корточки, стал ощупывать Ире ногу.

— Здесь больно?

Ира покачала головой.

— А здесь?

— Нет, Колюня, я ушиблась, а не подвернула ногу. Да и боль уже прошла.

— Давайте я помогу вам посуду отнести.

— Колюня, ты не поверишь, но мы её ещё не домыли... — Таня, словно извиняясь, развела руками.

— Ну да, я упала, а Таня меня утешала.

— Так больно было? — Коля не скрывал тревоги. — Ты не обманываешь? Точно прошло?

— Точно, — сказала Ирина.

— Как приятно, когда о тебе заботятся, да, Иришка? — Полушёпотом, так, что бы её слышала только девушка, сказала Таня и посмотрела на неё с улыбкой.

А Коля заметил, что у Ирины почему-то покраснели щёки. И ещё ему показалось, что в ней что-то изменилось, но вот что...

— Колюня, ты сможешь нам с посудой? Правда? — Смущённо проговорила Ира.

Ну, да, конечно, как он сразу не понял — куда-то делась та холодность и надменность, с которой девушка раньше общалась.

— Ты, Ириш, присядь, а мы с Таней управимся сами.

Они быстро управились потому, что Ира, не смотря на протесты Коли, помогала им — вытирала посуду и укладывала в сумку. Николай взял посуду, и они отправились в лагерь. В лагере были только Андрей и Юрий. Все остальные пошли любоваться порогом.

— Ириш, почему глаза красные? — Спросил Андрей и покосился на Татьяну.

— Я ударилась ногой и всплакнула немного, — беззаботно сказала Ира, — а сейчас всё прошло.

Таня с Юрой убрали посуду в машину, и они все вместе отправились на Суну — пофотографироваться. Таня улучила момент, когда Андрей был один и спросила:

— Мама ваша, действительно, кроме себя никого не любила?

Андрей дёрнулся, как от удара.

— Тебе-то что за дело? — Андрей недобро посмотрел на неё.

— Да Ира мне тут кое-что рассказала... Ты поверь, я не из любопытства, Иринку жалко.

— Она поэтому плакала?

— А ты думал, я её обидела?

Андрей отвёл глаза под пристальным взглядом Татьяны.

— Колюня тоже так подумал, когда к нам подошёл. — Усмехнулась. — Я что, похожа на злодейку?

— Нет, просто Ира язвила тебе постоянно...

— И что? Андрюша, я не ем маленьких девочек. Ты не удивляйся, но после нашего с ней разговора она станет немного другой.

— Что значит — другой?

— Такой, какой должна быть молодая, симпатичная девушка — доброй, весёлой, милой.

К ним подошёл Юра.

— О чём беседуете?

— О красоте здешних мест, — сказала Таня.

— Пойдём, — Юра взял её за руку, — пофотографирую тебя.

— Погода чудесная, правда? — Она приостановилась — Я безрукавку сниму.

— В одной толстовке не замёрзнешь? — Юра прижал её к себе. — Веду себя, как дурак. Что ты со мной делаешь? — шептал он ей на ухо. — Я никого в жизни не ревновал так, как тебя. Сам себя не узнаю. Танюша, не сердись, пожалуйста.

Он поцеловал её в висок, потом прижался к щеке.

— Не знаю, что со мной происходит, — он посмотрел ей в глаза. — Хотя, нет, знаю: я очень боюсь тебя потерять.

— Юрка, не говори глупости, — Таня тоже поцеловала его в щёку. Давай договоримся:

никакой ревности, ведь я с тобой.

— Договорились, — и он поцеловал её в губы.

Они целовались, когда Алексей и Колюня прошли мимо.

— Ну, вот видишь, он перестал её дёргать и у них всё наладилось.

— Я всё равно должен ей сказать про развод, — упрямо сказал Алексей.

— Думаешь, это что-то изменит?

— Здесь, может, и не изменит...

— Ну, вот ты, Барс, упёртый!

Через час все машины отправились к следующей точке экспедиции. Дорога лежала в очень живописное место — в Гимолы.

ГИМОЛЫ

По дороге в Гимолы путешественники решили заехать на заброшенный аэродром. Они свернули в лес и остановились, что бы стравить колёса.

— А зачем это надо? — поинтересовалась Таня.

— Ну, смотри, когда колёса накачены они же упругие очень. И будем мы, как мячики, по кочкам и ямам скакать. Трясти будет сильно, а так довольно мягко проедем, — объяснил Юра.

Таня осматривалась по сторонам и вдруг увидела оранжевую шляпку между деревьев.

— Юр, надо же, подосиновики. Давай я пособираю схожу и вечером такое грибное рагу сделаю — пальчики оближешь.

Юра спорить не стал. Достал из багажника пустое ведро из-под шашлыков, протянул Тане и шутливо сказал:

— Иди и без подснежников не возвращайся. Только знаешь, что. Давай мы сначала с колёсами разберёмся, до аэродрома доедем и потом уже грибы, а то нам тебя ждать придётся, тут до аэродрома дорога неблизкая, ты сама не найдёшь.

— Хорошо, — согласилась Татьяна, поставила ведро в салон машины и повернулась к Юре, — а вот за тем грибом я схожу прямо сейчас, его же с тропинки видно.

Она отошла буквально на несколько метров и наткнулась сразу на три гриба. Таня вернулась к машине:

— Смотрите, ребята, какие красавчики!

— Я тоже хочу пособирать, — воскликнула Ирина, беря в руки один гриб. — Крепенький такой. И ножка плотная. Ты ещё будешь собирать?

— Сначала до аэродрома доедем, а потом, пока все будут фоткаться, мы с тобой ходим. У меня ведро есть. Это, конечно, не корзина, но лучше, чем пакет.

Когда все экипажи подготовили машины, колонна тронулась через лес по лесным тропкам и вскоре выехала на асфальтовую взлётную полосу, которая неплохо сохранилась. Решили поставить машины в ширенгу и сфотографировать. Павел вынул из машины треногу — он серьёзно увлекался фотографией — и стал выбирать удобные ракурсы для съёмки.

Таня и Ира предложили желающим отправиться с ними за грибами. Сначала никто не отреагировал. Алексей сказал Коле негромко:

— Надо с девчёнками пойти. Вдруг что — лес ведь кругом.

— Да что в этом лесу может случиться? Он весь просвечивается.

— Они же не рядом будут. Они вглубь пойдут.

— Иринка, Таня, мы с вами пойдём, а то заблудитесь ещё, — окликнул их Коля. И, они вместе с Алексеем, направились в их сторону.

— Юр, мы пошли, — Таня махнула ему рукой.

Конечно, Юре не понравилось, что с ними пошёл Алексей, но виду он не подал. Он ведь обещал Татьяне больше никакой ревности. Таня шла с Ирой рядом, а мужчины чуть поодаль. Они вошли в лесок и, так как по близости грибов не оказалось, решили пройти подалее. Через какое-то время получилось так, что Коля шёл рядом с Ириной, а Алексей с Таней.

— Ребята, — оликнула их Таня, — давайте пойдём таким образом, что бы видеть друг друга. Ну, чтоб не потеряться.

Они так и шли на небольшом расстоянии, когда Татьяна воскликнула:

— Алёша, ты посмотри, какое чудо!

Под деревом стояла целая семейка подосиновиков. Она присела и раздвинула руками траву:

— Раз, два, три... да их здесь шесть штук! Алёша, давай сфоткай на телефон, красиво ведь!

Алексей достал мобильный, навёл на кочку и сделал несколько снимков.

— Теперь с тобой, — он отошёл на пару шагов, что бы Таня тоже попала в кадр, и несколько раз нажал на экран.

Не понятно, почему, Татьяна вдруг ощутила опасность, да так явно, что ладони зажгло. Она заметила, что Алексей весь подобрался, словно готовился к прыжку.

— Татка, — чуть слышно, одним губами сказал он, — не двигайся и не делай резких движений...

В это время на поляну вышли Коля с Ирой.

— Что у вас..., - слова застряли у Николая в горле.

В нескольких шагах от Тани, за её спиной стоял огромный чёрный волк. Ира испуганно закричала. Волк медленно повернул голову в их сторону и Алексей, воспользовавшись тем, что зверь отвлёкся, быстро шагнул к Тане, рывком поднял её и загородил собой. Его рука метнулась к поясу, и уже через мгновение он держал нож. Николай тоже закрыл собой Ирину и тоже потянулся к поясу. Волк переводил взгляд с одного мужчины на другого, словно прикидывал, сможет ли справиться с обоими. Таня из-за спины Алексея видела горящие красным цветом глаза зверя. Мужчины стояли в напряжённых позах, в любой момент готовые к атаке. Волк повернулся в сторону Алексея и Тани и сделал к ним шаг.

— Кэп, я влево, Татку на тебя, принимай.

— Есть.

В это время откуда-то сбоку послышались мужские голоса. Волк попятился. Резко прыгнул в сторону и исчез. Не за деревьями, не за кустарником, а просто исчез, словно его и не было.

— Провалился он, что ли? — негромко сказал Николай. Он повернулся к Ире и посмотрел ей в глаза:

— Испугалась, девочка?

Ирина кивнула в ответ, в её широко раскрытых глазах стояли слёзы. Коля обнял её за плечи, крепко прижав к себе и, целуя в висок, стал покачивать из стороны в сторону, приговаривая:

— Ну, всё, успокойся, маленькая. Успокойся. Всё. Нет зверя.

— Он убежал? — Дрожащим голосом спросила Ира. Она смотрела на Колюню и страх в её глазах постепенно исчезал. Ей было спокойно в его крепких руках, а ещё ей очень понравилось то, как он нежно касался губами её виска. Алексей тоже приобнял Таню:

— Ты как? — Заглянул ей в глаза.

— Да я от страха онемела просто. Это же фильм ужасов какой-то! Ты видел когда —нибудь волков такого размера? А эти глаза...

— Так, значит, мы грибы собираем, да? — С сарказмом сказал Юрий. Они с Андреем вышли на поляну, но все были так встревожены, что даже не заметили их появления. — Руки от Тани убрал!

— Тихо, тихо, Юра, — Алексей развёл руки в стороны.

— Юра, ты всё не так понял... — Татьяна шагнула к нему.

— Конечно! Тебя тут мужик в лесу обнимает, а я не так понял! — и уже Алексею: —

Так-то ты слово держишь.

— Здесь был волк, — раздался дрожащий голос Ирины. Она так и стояла, прижавшись к Николаю, несмотря на появление брата. — Буквально в нескольких шагах от Тани... А ребята нас собой прикрыли... Таня, только представь, что с нами было бы, если б мы пошли одни! — Ира даже вздрогнула при этой мысли. — Я только сейчас об этом подумала...

И тут Юра заметил, что мужчины держат в руках ножи.

— Ого! Что, правда, волк?

— Ну не заяц же. Вон как Ирина испугалась, закричала даже, — сказал Николай, отпуская Иру и убирая нож в ножны. Алексей, который опустил руки, как только Таня подошла к Юрию, тоже убрал нож. Юра с удивлением заметил, как странно у них расположены ножи — рукоядкой вниз.

— Ребята, давайте скорее уйдём отсюда. Не по себе как-то, — повела плечами Татьяна. Она подхватила ведро, на дне которого лежало несколько грибов, и направилась к аэродрому.

— Ничего не понимаю. Откуда здесь волки!? — Растеряно говорил по дороге Юра.

— Сам не понимаю, — поддержал его Алексей, — дорога рядом, пару километров от силы, тут грибники, рыбаки — до озера не больше трёх километров. И появился он неожиданно, словно из-под земли выскочил...

— Кстати, исчез точно так же — словно испарился, — сказал Коля.

— Так, может, и не было волка-то? — Усмехнулся Юра.

— Ага, это только гриппом все вместе болеют, а с ума сходят по — одиночке, — процетировала Таня фразу из мультика. — Не могли мы, четыре взрослых и трезвых человека один глюк поймать, понимаешь?

Лес стал совсем редким, и они вышли к остальным путешественникам.

— Алёша! Ты же фотографировал меня! Мы со всеми этими волнениями об этом забыли...

— Какие у вас там волнения были? — Поинтересовалась Галюня.

— Мы волка видели! — Воскликнула Ира.

— Точно! — Алексей вынул телефон из заднего кармана брюк. К нему подошли несколько человек. На первых кадрах были только грибы, потом кадр, где сидит Таня и смотрит в объектив и всё. Кадров больше не было.

— Так, стоп. Что-то я не понял. Я же раз пять тебя сфотографировал, а тут только один кадр.

— Я и говорю, чертовщина какая-то с этим зверем, — развёл руками Коля.

— Ребят, может, вам показалось? — подала голос Леночка.

— Ну да, коллективное помешательство... Ленчик, ну не могли мы вчетвером видеть одно и то же, согласись. Ты вон на Иринку посмотри! На ней до сих пор лица нет, — сказал Коля.

Вид Иры, действительно, оставлял желать лучшего. На бледном лице выделялись заплаканные красные глаза.

— Знаете, что, ребята, давайте уже поедem отсюда. А то, как-то, действительно, неуютно стало, да и с погодой непонятно что происходит. Минут пять назад ещё солнце было, а сейчас тучи откуда-то появились и ветер поднялся. — Предложил Юрий и все с ним

согласились. По дороге к следующей стоянке машины несколько раз останавливались, но далеко в лес никто не уходил.

В машине Юра спросил:

— Правда, зверь был крупный?

Таня понимала, что он задаёт этот вопрос больше для успокоения, что бы хоть как-то оправдать то, что застал её в объятиях другого мужчины.

— Юр, ты не представляешь, как я испугалась. Раньше я не понимала, как можно онеметь от страха. Думала, от страха кричат. А тут... Мне показалось, у меня язык к нёбу прирос. Это такой огромный зверь... Алексей ведь очень высокий, под два метра, наверное. Так этот волк ему чуть не по пояс был. И, главное, чёрный, как смоль.

— Ты прямо собаку Баскервилей описываешь.

— Собака Баскервилей бежала бы, поджав хвост, я тебя уверяю. Одно только непонятным остаётся — откуда эта тварь взялась, и куда потом делась. Надеюсь, в Гимолах нам такая зверюга не попадётся.

— Я вообще не понимаю, откуда здесь волки. Тут трасса рядом. Народ постоянно ходит.

— Заметь, не волки, а один волк, что, кстати, тоже странно. Волки же в стае живут. Или я ошибаюсь, и попадаются одиночки? И, потом, эти горящие глаза... И странно, почему фотки не получились... Юр, — Таня дотронулась до его руки, — он просто загородил меня от волка, а потом, когда волк исчез, он просто поддержал меня. У меня ноги подкасились, правда. Ведь волк был всего в паре шагов от меня... Я думаю, ты поступил бы точно так же, окажись на его месте. И не важно, кого бы защищал — меня или, к примеру, Леночку.

Ирина дрожащим голосом рассказала Андрею обо всём, что приключилось с ними на поляне.

— Я не думала, что Колюня такой смелый. Он, вроде, весельчак такой, балагур, а меня сразу собой загородил и не растерялся. Андрюшка, я теперь в туалет буду бояться ходить в лесу, — проговорила она расстроено.

— Не переживай, я тебя буду сопровождать, — потрепал её по руке брат, — а вот от Колюни я тоже такой прыти не ожидал. И нож у него странно так на поясе висел — рукояткой вниз. Никогда такого не видел. Да и Алексей этот тоже ловко с ножом управился. Похоже, мы про Колюню чего-то не знаем.

— Слушай, а я даже рад, что эта зверюга ниоткуда появилась. Иринка так доверчиво ко мне прижалась... И даже не возражала, когда я её целовал.

— Хочешь сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло?

— Ну, на счёт счастья пока не уверен, зато она теперь знает, что на меня в опасности положиться можно.

— Меня другое беспокоит, Кэп. Откуда этот зверь взялся, как и куда исчез и почему фотки не получились? И уж больно он для волка крупный. А эти глаза его красные...

— Вот я и говорю — чертовщина.

— Кэп, а ведь у нас Балу из этих мест. И он, хоть любитель всё приукрасить, ни разу не рассказывал о таких волках. О медведях, помню, врал чего-то, но что б про волка... не припомню.

— Ну, что могу сказать, Барс, мы теперь байками про этого волка Балу переплюнем.

Ближе к вечеру машины въехали на очень живописный полуостров. В августе темнеет рано и, несмотря на то, что было ещё не поздно, пока разбивали лагерь и обустроивались, уже стемнело. Мужчины быстро организовали костёр и полюбившуюся Тане шведскую свечку. Она же, при помощи Галюни и Ирочки, с которой неприятное происшествие в лесу сдружило, быстро сделала ужин. Хоть грибов было и немного, Таня умудрилась приготовить их так, что всем хватило попробовать. У костра снова пели песни, выпивали и говорили о разных пустяках. Таня же никак не могла отойти от происшествия в лесу. Её поразил не столько зверь, сколько её реакция на него. Она вспомнила, как у неё возникло чувство опасности, как появился жар в ладонях. Ладони — это её индикатор. Раз они загорелись, значит, магия. Это она ещё с детства усвоила. Вот только откуда здесь такая мощная магия? Она отошла от костра, встала у стола и поставила чайник. Ребята рассказывали какие-то смешные истории и это её отвлекало. Она хотела прислушаться к себе, попробовать вернуться мысленно на поляну, пережить всё заново, что бы понять, что значило появление волка. Не по её ли душу он приходил? Мысленно вернуться на поляну ей удалось. Вот только думала она не о волке. Перед глазами стояло напряжённое лицо Алексея. Когда он сказал ей не делать резких движений, Татьяна медленно повернула голову и посмотрела назад через плечо. Ладони у неё горели и, сказать, что она испугалась зверя, было бы не правильно. Вот если бы ладони не горели, вот это был бы страх, а магией напугать такую сильную шаманку было трудно. Она знала, что пара движений руками и несколько заговорных фраз откинут зверя на огромное расстояние, но не хотела демонстрировать свои способности при ребятах. Может, ей бы и удалось при помощи мысли заставить волка уйти, но Ирин крик всё изменил. Татьяну поразило, как рьяно бросился Алексей её защищать, не струсил, не растерялся. И потом, когда зверь исчез, и он обнимал её, столько любви было в его взгляде, что у Тани сердце защемило. Ну не может мужчина, который любит свою жену, так смотреть на другую женщину. Татьяна оглянулась. Никто, вроде, не смотрел в её сторону. Она пошла по тропинке к озеру. Остановилась около воды. По озеру бежала широкая яркая лунная дорожка. Она посмотрела на небо. В августе небо тёмное, низкое. «Твою ж дивизию!» — тихонько сказала Таня. Ну, конечно, полнолуние! В голове всплыли слова из полузабытой песни «Полной, полной луны сила...» Вот вам и зверь, и магия. Таня почувствовала на себе взгляд и обернулась. Недалеко от неё стоял Алексей.

— Вот бы поплыть по лунной дорожке, да?

— Было бы неплохо, только неизвестно, какое тут дно.

— Некоторые люди боятся купаться ночью, даже, если знают, что дно хорошее.

— Это почему же?

— Ну, мало ли кто там, в воде может быть, в темноте-то не видно, — Алексей подошёл к ней поближе.

— Например?

— Например, водяной. Ты не боишься водяных? — Заговорческим шёпотом произнёс он.

— А что их бояться? — Приняла игру Таня. — Водяной — не человек, с ним договориться всегда можно.

— А ты умеешь договариваться с водяными?

— Конечно, — Таня небрежно пожала плечиком, — это, как говорит мой папа, прощепареной репы.

— А меня научишь?

— Ой, не знаю, получится ли у тебя..., - Таня хитро посмотрела на Алексея. — Тут ведь знаешь, в чём трудность состоит? В него верить надо.

— После сегодняшнего волка я не только в водяных готов поверить.

— А чем он тебя поразил? Тем, что появился ниоткуда и исчез вникуда?

— Если честно, меня больше смутили его глаза. Ты права: так обычно изображают нечесть в фильмах ужасов. Я никогда не видел, что б у живого существа так горели глаза.

— Однако надо отдать тебе должное — ты не испугался.

— Просто не успел.

— Опять вместе! Вы, прям, попугайчики-неразлучники, — раздался нетрезвый голос Юры.

Таня и Алексей оглянулись. Юра стоял в нескольких шагах от них, прислонившись к дереву. В руках у него была банка пива.

— Ребята, у меня складывается впечатление, что я вам мешаю. Вот, прямо, третим лишним себя чувствую.

— Юра, не говори ерунду, — Таня шагнула к нему.

— Вот, вот. Самый весомый аргумент против правды — не говори ерунду.

— Юр, послушай, — миролюбиво сказал Алексей, — мы с Татой просто хотели ещё раз обсудить сегодняшнее происшествие. Он не хотел скандала в лагере и неприятностей для Тани. Тем более что разговор их, действительно, свёлся к воспоминанию о дневных событиях.

— Да, безусловно. — Юра отхлебнул пиво. — И для этого вы уединились. Нет, я понимаю, если верить вашим рассказам, то сегодня вы вместе пережили несколько неприятных моментов, а общее волнение, как известно, сближает. Вот только мне хотелось бы понять, до какой степени вы сблизились, а? — Он снова отхлебнул из банки и направил в сторону Тани указательный палец:

— Всё зло от вас, от женщин.

— Да. Только за нами разговор — за вами дело! Злословием вы женщин окружили, а про дела мужчин — ни-ни, ни слова! — Таня попыталась перевести всё в шутку, воспользовавшись известной фразой из произведения Гальдони «Слуга двух господ». Иногда это срабатывало. Недаром говорят, что стало смешным, уже не станет страшным. С этими словами она подошла к Юре:

— Пойдём к машине.

— Ага, ты меня сейча спать положишь, а сама с этим... — он кивнул в сторону Алексея, — уединишься. Здорово придумано.

— Нет, Юра, я никуда не пойду, а лягу с тобой. — Она знала, что спорить с пьяным бесполезно, только злить его. Скандал устроит, а на утро ничего не вспомнит. Таня взяла его под руку и попыталась повести к машине. Юра повернулся к Алексею:

— А ведь мы с тобой договаривались кое о чём. Забыл, да? Забыл. — Пьяненько константировал он.

— О чём это вы договаривались? — Таня смотрела то на Юру, то на Алексея.

— А ты у него спроси. Он тебе всё расскажет, да, Алёша? — по слогам произнёс его имя Юра, копируя Татьяну. — Хотя, нет, не расскажет...

— Это он о чём? — требовательно посмотрела она на Алексея.

Алексей замешкался, думая, как правильной преподнести их с Юрием разговор на Поор-пороге, ведь в их договоре не было ничего предосудительного. Он просто обещал Юре не ухаживать за Татой здесь, в поездке, а в городе собирался искать с ней встречи. И ещё он хотел, что б Тата сама сделала выбор между ними, но Юра опередил его:

— Ни о чём, а о ком. Мы договаривались о тебе, милая, — с этими словами он сложил губы трубочкой и потянулся к Таниной щеке.

— Сдурели оба, да?

Таня отпустила Юрину руку и быстро пошла в сторону лагеря. Алексей поспешил за ней.

— Ой-ё-ёй! Какой Версаль! — Покачал головой Юра, допил пиво, бросил банку в кусты и, шатаясь, пошёл к лагерю.

Коля видел, как по тропинке от озера подошла к столу Татьяна, потрогала чайник. Он был горячий, ведь Леночка только что пила с Олей чай. Когда она наливала себе кофе, к ней подошёл Алексей. Николай очень хорошо знал своего друга, поэтому понял сразу, что произошло нечто такое, что взволновало Барса не на шутку. Алексей что-то начал говорить Тане, но она остановила его жестом, покачала головой и отошла к костру. Николай отдал гитару Саше со словами:

— Спой теперь ты, а я себе кофейку налью.

— Смена караула, — улыбнулся Саша и взял гитару.

Коля подошёл к столу, около которого стоял расстроенный Алексей.

— Что на этот раз?

— Да всё нормально, — поморщился друг.

— Мне — то не ври.

Алексей в двух словах передал разговор на озере.

— Понимаешь, он так преподнёс всё, словно мы договорились о чём-то неприличном, что ли. Не знаю теперь, как Татке в глаза смотреть. Чувствую себя мерзавцем, хоть ровным счётом ничего дурного не сделал.

— Ты её сейчас лучше не трогай. Ей и Юры хватило.

— Она мне примерно тоже самое сказала. «Ладно, — говорит, — Юра пьяный, что с него взять. А ты-то трезвый». И попросила, чтоб я избавил её от пустых объяснений. Вот так как-то, — И Алексей развёл руками.

Юра вернулся с озера, посмотрел на Таню, которая стояла у костра рядом с Ирой, шагнул в её сторону, потом махнул рукой и направился к машине. Таня допила кофе и тоже пошла к машине. Ребята у костра ещё продолжали разговаривать, Саша трогал гитарные струны. Обстановка была очень располагающая и поэтому никто не спешил расходиться. Таня осторожно легла на кровать. Решила в спальник не укладываться, а просто, сняв обувь и куртку, легла поверх него.

Татьяна проснулась от щебета птиц. Лучи солнца пробивались сквозь пушистые макушки сосен. В машине было тепло. Она решила прогуляться по берегу озера. Очень осторожно, чтобы не разбудить Юру, открыла дверь машины и, поставив на землю тапочки на высокой подошве, выскользнула из неё. Так же осторожно взяла полотенце, косметичку с зубной пастой и щёткой, и тихонько прикрыла дверь. Она посмотрела на часы — было только полвосьмого. Лагерь спал. Вчера осмотреть полуостров не было возможности, и Таня решила восполнить этот пробел. В первых лучах солнца она смогла оценить всю красоту окружающей природы. Она пошла вглубь полуострова, что бы отойти подальше от лагеря и привести себя в порядок. Несмотря на вчерашнюю неприятную сцену, которую ей устроил Юрий, она выспалась и чувствовала себя прекрасно. Таня шла по тропинке в надежде, что она приведёт её к удобному спуску к берегу озера. Вспоминая вчерашнюю ссору с Юрием, Таня поморщилась. Впрочем-то, Юра был прав — Алексей, действительно, ей очень нравился, но она прекрасно понимала, что между ними ничего не может быть. Она никогда не связывалась с женатыми мужчинами. Нет, Таня не была ханжой. Ей бы и в голову не пришло осуждать кого-то за марьяжные интересы. Просто для неё это было недопустимо. Сама мысль о том, что мужчина, который только что целовал её, придёт домой и будет так же целовать свою жену, была для неё неприемлема. Она никогда не стала бы делить своего любимого с другой женщиной. Именно поэтому она собиралась развестись когда-то со своим мужем. Когда у неё появились неопровержимые доказательства того, что у Игоря есть другая женщина, она приняла решение с ним расстаться, хотя это и было тяжело. Она готовилась к разговору, но ему не суждено было состояться. Игорь был убит при задержании вооружённого преступника (он был милиционером). Таким образом, Татьяна осталась молодой вдовой с сыном-подростком на руках, госпенсией по утрате кормильца, и не большой зарплатой учительницы. Её старшая сестра вышла замуж за преуспевающего бизнесмена и уехала к нему в Москву. С её мужем, Андреем, у Тани сложились дружеские отношения, и однажды он предложил ей возглавить дочернюю фирму в Санкт-Петербурге. Татьяна, закончившая ФинЭк, с радостью засучила рукава. За пять лет титанического труда она раскрутила бизнес своего зятя так, что он открыл ещё несколько фирм в других городах. Видя её трудоспособность, хватку и умение, Андрей не жалел денег ей на зарплату. Говорят, незаменимых работников нет, но Таня была именно незаменимой, потому что Андрей мог доверять ей, как себе, а ничего не ценится так, как доверие. И вот три года назад она почувствовала огромную, просто вселенскую усталость. Никакие деньги не могли заставить её и дальше пропадать на работе с утра до ночи. На заработанные деньги она купила квартиру, машину себе и сыну, из летнего дачного домика сделала отличный зимний дом со всеми коммуникациями, выкупила помещение в центре города, в котором открыла ресторанчик. Рестораном управлял её сын Глеб, который, благодаря образованию и многолетнему опыту работы в сфере питания и обслуживания, сделал его очень популярным местом в Питере. Глеб получал хорошую зарплату, а она не малые дивиденды. Сама она уехала в загородный дом. Тут-то и пригодились уроки прабабки — шаманки. Память услужливо подсказывала нужные заговоры при решении тех или иных вопросов. Она всегда, благодаря жару в ладонях, узнавала, есть ли на человеке порча. Её талисманы делали людей успешными. Она проводила обряды на обретение любви, гармонизировала отношения, но

вот привороты не делала, считая их насилием над волей человека. Силу свою она ощущала, как ей казалось, в полной мере. Могла много, но пользовалась малым. Можно было сказать, что Таня вела светский образ жизни. Она ходила в спортзал, посещала массажиста и косметолога, ходила в театры и на выставки, вобщем, как она шутила сама, была на заслуженном отдыхе, а о том, что она занималась благотворительностью, не знали даже её родные... Когда она предложила родителям переехать и жить с ней в загородном доме, они очень обрадовались. Оба были на пенсии, а коротать вечера у камина в просторном зале всегда приятнее, чем на пятиметровой кухне в хрущёвке.

С Юрой они часто виделись в спортзале. Так получалось, что приходили примерно в одно и то же время. И, как это часто бывает, сначала улыбались друг другу при встрече, кивали приветственно, потом стали здороваться. Однажды, когда Татьяна вышла с тренировки, её окликнул Юрий:

— Простите...

— Да, — Таня повернулась на голос.

— Простите, — ещё раз сказал он, — я бы хотел пригласить Вас на кофе... Ну, если, Вы, конечно, не возражаете. Меня зовут Юрий.

— Не возражаю. Меня — Татьяна.

Невысокого роста, широкоплечий, светловолосый, с обаятельной улыбкой Юрий вызывал у неё симпатию, и ей было очень приятно его приглашение. Юра владел автомастерской и несколькими магазинами запчастей. Бизнес у него был налажен давно и поэтому стабилен. С женой он развёлся около пяти лет назад. Связывать себя узами брака больше не собирался, выбрав свободу и независимость. Об этом он сказал в кафе при первой же встрече. Татьяне стало немного неприятно от этих слов, они звучали, как предупреждение. «Можно подумать, я его в Загс тащу», — мысленно хмыкнула Татьяна, вспоминая любимую поговорку отца: «Обидеть — не обиделся, но галочку поставил».

— Какое совпадение, — улыбнулась Таня, — я не в разводе, я вдова, но замужество меня тоже не привлекает. За десять лет я привыкла жить одна и рассчитывать только на себя. Я женщина незаисимая и самодостаточная.

За те два месяца, что они встречались, Юрий вдруг понял, что Таня ему очень дорога. И ещё он понял, что это была единственная женщина за последние пять лет, с которой он хотел не только спать, но и просыпаться. Именно поэтому он и позвал её с собой в поездку. Татьяна же не испытывала к нему глубоких чувств и согласилась поехать в экспедицию только ради того, что бы снова побывать в Карелии. Он ей нравился, но не более. Именно поэтому она и не хотела жить с ним, как он предложил ей перед поездкой. Никогда её сердце не замирало в ожидании звонка и не стучало громче, когда он к ней прикасался, в то время как от одного взгляда Алексея её бросало в жар и сердце колотилось так, словно она пробежала марафон. Одно только оставалось для неё непонятным: о чём договорились Юра и Алексей. Вчера эта Юрина фраза сильно задела и рассердила её, поэтому она и не стала слушать Алексея. Сейчас, успокоившись и приведя кое-как мысли в порядок, она пожалела, что не выслушала его. Размышляя на эту тему, Таня подошла к озеру и обнаружила не просто удобный спуск к воде, а маленький песчаный пляжик. Она подошла к озеру так близко, что чуть не намочила тапки. Вода была прозрачная, и дно в этом месте тоже было песчаным. Август был тёплым на удивление. Она опустила руку в воду. Задумалась. Потом положила на траву около корней сосны, которая росла в двух шагах от песка, полотенце и косметичку. Нельзя сказать, что она занималась моржеванием, однако окунуться в холодной воде могла с удовольствием. Оглянувшись по сторонам, быстро скинула с себя всю одежду и медленно вошла в воду.

Алексей плохо спал ночью, рано проснулся и лежал с открытыми глазами. Вчерашний неприятный разговор не давал ему покоя. Чутким ухом он уловил, как хлопнула дверца машины, быстро выглянул из палатки и увидел, как Таня пошла по тропинке вглубь полуострова. Он стал одеваться, стараясь не разбудить Колю и, вот когда он аккуратно расстёгивал молнию на входе, услышал ледяной голос Кэпа:

— Не дури, Барс!

Он оглянулся. Николай смотрел на него с осуждением.

— Понимаешь, Кэп, я должен ей всё объяснить. Сейчас нам вряд ли кто помешает, — с этими словами он выскользнул из палатки.

Он издали видел, как Таня посмотрела по сторонам, как разделась и как зашла в воду. «Ничего себе!» — мысленно восхитился он и направился к сосне, под которой лежала её одежда.

Но не только Алексей и Татьяна были у озера в это утро. Когда Юра открыл глаза и не обнаружил рядом Тани, его сердце оборвалось. Он приподнялся на локте, выглянул из окна машины и увидел, как Алексей быстрым шагом направился в сторону озера. Вчерашний хмель ещё не до конца выветрился у него из головы. Он подумал, что у Тани с Алексеем где-то назначено свидание и был полон решимости застать их «на месте преступления». Юра стал быстро одеваться, промахиваясь то мимо рукавов, то мимо штанин, при этом чертыхаясь. Он выскочил из машины и, стараясь не шуметь, устремился вслед за Алексеем. Услышав, как хлопнула дверь «Джипа», Коля вздохнул и стал натягивать на себя одежду, чертыхаясь не меньше Юрия. Так что у озера их было не двое, а четверо. Пока Юрий шёл по тропинке пыл его утих. Ну, застанет он их вместе и что? Ну, набьёт морду Алексею или, наоборот, тот ему? А дальше-то что? Поездка будет испорчена, перед другими экипажами неудобно... Но возвращаться он не захотел. Решил понаблюдать издали и, лучше уж высказать потом всё Татьяне, чем устраивать разборки вдали от цивилизации.

Алексей подошёл к сосне, поднял полотенце и стал смотреть, как Татьяна выходит из воды. Она шла, полностью обнажённая и на долю секунды замешкалась, увидев на берегу Алексея с полотенцем в руках. «Он — то здесь откуда?» Она точно помнила, что никого не видела, когда оглядывалась по сторонам прежде, чем раздеться. Назвать её худышкой было нельзя. Обычно про таких говорят «женщина в теле». Талия, правда, у неё была тонкая, но бёдра были покатые, широкие, а гладкий лобок и не большой животик делали её похожей на античную статую. Алексей любовался ею. Ему всегда нравились фигуристые женщины. Не понимал он современную моду на девушек с плоскими ягодицами и отсутствующей грудью, которые больше походили на мальчиков-подростков. Таня подходила к берегу и Алексей, сняв с себя безрукавку, кинул её ей под ноги. Она молча вышла из воды, встала на импровизированный коврик, взяла из его рук полотенце и стала быстро вытираться, не задавая ему никаких вопросов. У него запершило в горле от близости такой желанной и такой недоступной женщины. В брюках стало тесно, и в паху появилась тяжесть. Она обмоталась полотенцем, одела сначала кружевные трусики и бюстгальтер, потом протянула Алексею полотенце, быстро облачилась в футболку и толстовку. Он так же молча присел перед ней на корточки и, обтерев ей ступни, стал надевать носки. Она придерживалась за его плечо, что б не потерять равновесие.

— Брюки подай, пожалуйста.

Он послушно подал ей брюки и придерживал за локоть, пока она их одевала. Таня обула тапки, забрала из рук Алексея полотенце и собиралась наклониться за косметичкой, когда он взял её за плечи и повернул к себе. Какое-то время они смотрели в глаза друг другу, потом Алексей наклонился к ней и поцеловал. Поцелуй был нежный и робкий, словно он пробовал её губы на вкус. Татьяна резко отстранилась от него:

— Никогда, слышишь? Никогда не смей этого делать, — гневно сказала она.

— Почему? — внезапно осевшим голосом спросил Алексей.

— Если ты заметил, то я здесь не одна, — Таня подняла с земли косметичку и, обойдя его, пошла по тропинке в сторону лагеря.

— Тата, подожди! — Окликнул её Алексей, но она не оглянулась и не остановилась. Просто продолжала идти. Алексей догнал её около небольшого ельника и взял под локоть:

— Тата, пожалуйста, послушай...

— Нет, это ты послушай. В круг моих ценностей не входят женатые мужчины, ищущие приключений в походных условиях. Я не знаю, почему ты решил, что можно вот так беспардонно влезать в мои отношения с другим мужчиной. Я не давала тебе никакого повода. Ты заблуждаешься на мой счёт. Я понятно выражаюсь?

— Куда уж понятней... — Алексей отпустил её руку, и она быстро пошла по тропинке.

«Чёрт!»- выругался Алексей и со всей силы ударил кулаком по стволу ели. Костяшки пальцев покрылись мелкими капельками крови. Он был так захвачен и ослеплён своими чувствами, что даже не сомневался в том, что Татка тоже равнодушна к нему. А на деле оказывалось, что он портил отношения между ней и её мужем. Неужели он ошибся, и Тата так любила своего Юру, что не замечала других мужчин, кроме него? Неужели он принял желаемое за действительное? Эта мысль доставила ему почти физическую боль. Юра же, который стоял в паре метров от них, скрытый густым ельником, чувствовал себя отвратительно. Он всё это время изводил себя ревностью, а Таню подозрениями, и попрёками, оказывается, зря. Как он только мог допустить, что она принимала ухаживания Алексея! Да и были ли они, эти ухаживания на самом деле? Похоже, что ревность овладела им настолько, что он видел то, чего не было. А если Таня и была в чём-то виновата, то только в том, что понравилась другому мужчине. Глупо было сердиться на неё из-за этого. Николай, который притаился с другой стороны тропинки и был так же свидетелем этой сцены, даже пожалел друга. «Накаут с первого удара. А ты, похоже, действительно влип, друг мой Барс».

Алексей развернулся и направился обратно по тропинке к озеру. Юрий осторожно ретировался и пошёл в сторону лагеря. Коля дождался, когда Юра отойдёт на приличное расстояние от него и пошёл за Алексеем. Тот на ходу снимал с себя одежду и бросал её на землю. Подойдя к сосне, где раздевалась Таня и лежала его безрукавка, он снял обувь и оставшуюся одежду, быстро вошёл в воду и нырнул. Коля шёл по тропинке и подбирал разбросанные по земле вещи друга. Когда тот вышел из воды — протянул ему футболку:

— Вытрись.

Алексей взял футболку и стал яростно вытираться.

— Ну, что — охолонулся?

— Ты давно здесь? — вопросом на вопрос ответил Алексей.

— Давно. Ещё с того момента, как Юра за вами пошёл.

Алексей замер:

— Что? Юрий был здесь и всё видел? Он видел, как я Тату целовал?

— Да. И видел, и слышал всё. Он как раз около того ельника затихорился, где ты с Таней говорил. Хорошо ещё, что она тебя бортанула, а то такой бы шум поднялся, мама не горюй. Барс, что ж ты себя в руках не держишь?

— Мне просто показалось, что она мне...симпатизирует, что ли... Я словно прирос к ней, — глухо сказал Алексей и посмотрел другу в глаза, — я люблю её...так люблю...слов таких нет, что б сказать — как...

— Вижу. Пошли, — хлопнул друга по плечу Коля. — То есть, с Юлей ты теперь точно разведёшься?

— Да, и Тата здесь ни при чём. Я тебе уже говорил.

— Ты знаешь, а ведь мне тоже кажется, что она тебе... кхм... симпатизирует. Просто не хочет конфликта здесь. Ну, прикинь, скажет она Юре, что ты ей нравишься и что? Конец поездке?

— Кэп, веришь, только и живу той мыслью, что в Питере с ней встречу. Я ей должен всё рассказать и про разговор с Юрой, и про развод, а то она обо мне чёрт знает, что думает.

Таня шла по тропинке к лагерю очень быстро, почти бежала. Когда Алексей поцеловал её, когда его бархатный язык коснулся её языка — она чуть не застонала, таким сладким и таким желанным был этот поцелуй. Как бы ей хотелось прижаться к нему, обнять его, чувствовать его сильные руки на своём теле, вдыхать его запах, отвечать на поцелуи... Ей стоило огромных усилий отстраниться от него и ещё больших сказать то, что она ему сказала. Она не могла поступить по — другому. Ну не могла она унижить Юру своей изменой. За время их общения он ни разу не обидел её, относился к ней с нежностью и уважением. Разве могла она поступить с ним так жестоко и несправедливо на глазах у всего лагеря, в кругу людей, которые давно знают его? Не могла... Может, стоило это всё объяснить Алёше? Хотя, зачем?.. Он ведь женат. Она закусила губу, чтобы не заплакать. Её так влекло к Алексею, а быть вместе им не суждено. Похоже, ошибалась баба Веста...

Татьяна открыла машину, что бы положить умывальные принадлежности и увидела, что Юры нет. Она оглянулась по сторонам. В лагере стояла тишина. Сколько её не было? Минут тридцать-сорок? Конечно, все ещё спят. Утро раннее, а вчера все разошлись очень поздно. Татьяна решила вскипятить чайник и попить кофе. Она подошла к столу, разобрала то, что осталось с вечера, аккуратно всё положила по контейнерам и тарелкам, протёрла стол, достала бекон и овощи. Она хотела, пока кипит чайник, сделать за жарку из бекона, лука, грибов и перцев и сложить всё в миску, а потом для желающих залить уже готовую смесь яйцом. Чайник вскипел, и она заварила себе кофе в чашке. Юра подошёл к ней со стороны озера, но другой тропинкой.

— Таня, — негромко окликнул он её.

Она повернулась:

— Доброе утро. Ты, наверно, меня искал. Я ушла умываться и забрала с собой всё для умывания.

— Я просто прогулялся.

Он обнял её, поцеловал в шею:

— Танюш, прости меня за вчерашнее. Я всё понимаю, но когда вижу его рядом с тобой... Я просто с ума схожу от ревности.

Юра выглядел очень расстроенным.

— Я себе больше такого никогда не позволю, обещаю.

— Юр, я эти твои извинения слышу постоянно. Смысл извиняться, если ты снова себя так же ведёшь. Поверь, я не заслужила твоих обвинений.

— Я знаю, но, пожалуйста, и ты поверь мне — это больше не повториться. Прости, прости, прости... — Юра сложил ладони на груди, как при молитве.

— Ладно, — кивнула Таня, — но это в последний раз. Ещё что-то в этом роде...

— Нет. Никогда.

И Юра, довольный тем, что был прощён, поцеловал Таню в губы. Она удивилась, что его поцелуй был для неё неприятен. Наверно, потому что ей вспомнились мягкие губы Алексея, тот трепет, с которым он целовал её, его сильные руки... Она отстранилась от Юрия:

— Кофе сделать? Или чай будешь?

Юра почувствовал холодок с её стороны, но отнёс это на тот счёт, что она ещё сердится. В это время к лагерю подошли Коля и Алексей. Глядя на целующихся, Алексей сначала замедлил шаг, потом подошёл к столу. Таня с улыбкой пожелала доброго утра подошедшим и предложила на выбор чай или кофе.

— Кушать хочется ужасно! Я бы вот сейчас кабана в шерсти съел, честное слово. — Сказал Колюня, принюхиваясь к ароматному запаху бекона. — Это у тебя тут не кабанчиком жареным пахнет?

— Почти. Это бекон. Будешь яичницу с беконом?

— Да. И, если можно, бекона побольше.

— Можно, можно. Сколько яиц?

— Трёх хватит.

Таня положила смесь овощей с беконом на сковороду и вбила три яйца.

— Алёша, ты что будешь?

— А у меня есть выбор?

— Ну, выбор есть всегда. Я ещё кашу буду делать молочную. Рисовую. — Татьяна говорила совершенно спокойно, словно и не было этой сцены у озера.

— Я тоже буду яичницу, только... сейчас пойду... переоденусь... — и он пошёл в сторону палатки.

Коля остался у стола и, в ожидании завтрака, тоже решил выпить кофе.

В палатке Алексей достал сухую футболку и ещё одну безрукавку. Хорошо, что послушал Кэпа, и взял с собой большое количество запасного белья. Внешне он казался спокойным, но внутри у него всё дрожало. Воспоминания о поцелуе на озере не отпускали его. Прежде, чем Тата от него отшатнулась, она ответила ему на поцелуй. Пусть быстро, почти мимолётно, но ответила. Может, он не ошибается? Может, и Кэп прав — она просто не хочет создавать конфликт в походе? Если всё действительно так, то у него есть надежда, что она не откажется встретиться с ним, когда они вернутся в Питер. Успокоив себя такими доводами, он решил избегать с ней встреч наедине, чтоб не раздражать Юрия и не доставлять ей неприятностей.

Лагерь потихоньку просыпался и когда Алексей подошёл к столу, то застал почти всех, кроме Паши и Оли, которые умывались. Юра со Стасом чуть в стороне от стола завтракали и обсуждали рыбалку. Алексей подошёл к ним:

— Я тоже удочки взял. Вы рыбачить здесь собрались?

— Нет, — Юра решил вести себя с ним так, словно вчера ничего не произошло, — сейчас поздно, да и с берега ничего не поймаете. На этом озере лодка нужна. Мы после завтрака к Тахко-порогу поедим. Тут не далеко. Приедем засветло, пройдем вдоль реки, посмотрим спуски. Можно донки поставить, а можно утром пораньше удочки побросать. Там река широкая и намного спокойнее Суны. У тебя сапоги высокие есть? Ну, болотники?

— У Коли есть, по-моему. Я у него спрошу. — Он обернулся, искал глазами Кэпа.

Коля в это время стоял у стола.

— Тань, а можно кашки? Только чуть-чуть. Ты не подумай, я не обжора. Просто, знаешь, эти холостяцкие завтраки, обеды, ужины...

— Жениться Вам, барин, нужно, — усмехнулась Таня, — ой, прости, если спохватила.

— Ну, в одном-то ты права, жениться нужно.

— А ты настоящий ей больше понравишься, я уверена, — подавая тарелку с кашей, сказала она тихо, что бы стоящие рядом Саша с Галюней не услышали.

— Что? Кому? — растерялся Николай.

— Ирринке, — одними губами ответила Таня и повернулась к Саше.

— Саш, твой кофе готов. Конфетку хочешь?

Подошёл Алексей.

— Тат, меня покормишь?

— Подождать надо чуть-чуть.

— Я терпеливый. Я подожду, — сказал он и негромко, так, что б слышала только она, добавил:

«Я могу тебя очень ждать,

Долго — долго и верно — верно...»,

— при этом смотрел на неё с такой нежностью и любовью, что сердце у Тани замерло. Подтекст его слов был настолько очевиден, что она поняла всю серьёзность его отношения к ней. Может, надо всё-таки было выслушать его там, у ельника. Хотя, что бы это изменило?

Она твёрдо знала, что здесь, в походе, не позволит себе ничего лишнего и не унизит Юру.

— Не думала, что ты увлекаешься поэзией... Асадова я тоже люблю. Ещё в школе зачитывалась его стихами...

Таня сделала ему яичницу и, подавая тарелку, сказала:

— Есть овощи консервированные. Будешь?

— Спасибо. Я возьму.

Он подошёл к Коле, который с удовольствием доедал кашу.

— Знаешь, Барс, ты, когда к ней в ресторан пойдёшь, меня прихвати. Я вам мешать не буду, я дегустировать всё меню буду.

Колюня ел кашу и поглядывал в Танину сторону. Как только она сложила в пустую кастрюлю из-под каши грязную посуду и пошла в сторону озера, он отправился за ней.

— Я смотрю, ты наблюдательная очень.

— Есть немного.

— Так заметно?

— Нет. Просто я действительно наблюдательная очень.

— И давно ты это... наблюдаешь?

— Ещё с заправки, с первого дня знакомства.

— А, как ты думаешь, она... — Коля запнулся под пристальным взглядом Татьяны.

— Я думаю, что никакой ты не Колюня, а Коля или даже Николай, — она не отводила от него взгляд.

— Это имеет какое-то значение? — У Коли непроизвольно расправились плечи и взгляд стал не просто серьёзным, а каким-то цепким. «Ого! Да мы, наверно, не просто Николай, а Николай Батькович», — подумала она. Ей был ооочень хорошо знаком этот взгляд! Незря она столько лет прожила с офицером МВД.

— Огромное. Поступай, как Николай, а не как Колюня. Она хорошая девочка. Всё её поведение — маска, собственно, как и твоё. Только, Коля, если ты действительно её любишь, тебе придётся проявить терпение и такт, а, может, и деликатность по отношению к ней. Я не буду тебе ничего рассказывать. Она расскажет сама, если ты вызовишь у неё доверие. Скажу только, что для двадцати двух лет в жизни этой девочки было слишком много боли. У неё очень изранена душа. По ней словно трактором проехали, а некоторые раны кроваточат до сих пор. Если ты не уверен, что у тебя хватит терпения залечить их, быть с ней бережным и заботливым... Коль, лучше не начинай. Ещё одного предательства она может и не вынести.

— Я похож на предателя? — ледяным голосом спросил он.

— Дело не в том, похож или нет. Просто слово «терпение» не из мужского лексикона.

— Теперь я его понимаю, — медленно сказал Коля.

— Кого?

— Алексея. Именно такая женщина и должна быть рядом с ним: понимающая, сострадающая и, в тоже время, сильная, уверенная в себе и очень прямолинейная, я б сказал, даже иногда беспардонная.

— Ты видишь меня такой?

— Я знаю, что ты такая.

— То есть ты сейчас вот так в открытую меня хамкой назвал?

— Я бы не стал так утрировать. Просто знаешь, иногда некоторым людям нужен холодный душ, а у тебя это здорово получается — охолонуть. Причём, в нужное время.

Коля держал в руках кастрюлю, в которую Таня складывала вымытую посуду.

— Тань, я ведь тоже наблюдательный. Правда, не такой как ты... Он ведь нравится тебе?

Таня бросила быстрый взгляд на Николая.

— Это не имеет значения. — Не стала она изображать, что не понимает, о ком речь.

— Почему?

— Он женат, а женатый мужчина не может быть героем моего романа.

Она сложила в маленький пакетик губку и жидкость для мытья посуды.

— Пойдём, Коля.

— Послушай, я тоже не буду тебе ничего говорить, но я прошу: дай ему сказать всё самому. Почему ты не хочешь просто выслушать его?

— Потому что мне будет неприятно видеть, как человек, которого... который мне нравится, будет врать. Это унижительно, Коля, а я не готова видеть его жалким.

— Тата...

— Чтооо!?! — Она резко остановилась. — Не надо меня так называть, пожалуйста.

— Только он?

Таня кивнула и пошла дальше.

— Подожди. Я очень прошу тебя — выслушай его при удобном случае. Поверь, он не лжец. Как ты там сказала «не из лексикона мужчин», да? Так вот, ложь — это слово не из лексикона Алексея. За двадцать лет, что я его знаю, он соврал первый раз в жизни четыре дня назад. Причём, я бы на его месте при сложившихся обстоятельствах начал врать гораздо раньше.

— Вот как... Интересно девки пляшут по четыре босиком, — Таня замедлила шаг. — И при каких же это обстоятельствах?

— Если он сочтёт нужным, про обстоятельства он расскажет сам. Так обещаешь его выслушать? — негромко спросил Коля. Они уже подошли к лагерю и он не хотел, чтобы кто-то услышал его вопрос.

— Да.

Ирина убирала продукты со стола и раскладывала их по ящикам. Галюня с Олей протирали столы. Юра собрал плиту и отнёс в машину.

— Ребята, чьи чашки на столе остались? Забирайте. Мне стол надо собрать, — громко сказала Леночка.

Стас с Максом собирали складные стулья.

— Одна моя, я сейчас стулья отнесу и уберу, — сказал Макс.

— А эти две наши, — Алексей взял со стола две большие чашки и увидел на дне остатки кофе. — А что ты наши чашки помыть не прихватил, Кэп? — повернулся он к Коле, который поставил на стол кастрюлю с посудой.

— Что — то я не сообразил. Давай быстро ополосну. Ты палатку собрал?

— В машине уже. И стулья отнёс. — Алексей испытывающе смотрел на Колю. С чего бы это он посуду с Татой ходил мыть? Но Коля уже пошёл к озеру с чашками.

Тане нравилось, что в лагере все старались помочь друг другу. Была какая-то сплочённость между ребятами.словно одна команда. Она сложила чистую посуду в холщевую сумку, а когда стала упаковывать её в багажник, то заметила в руках Юры банку пива.

— Юр, ты что? Тебе же за руль...

— Танюш, так неудобно... Сядь за руль, пожалуйста, ты. У меня что-то голова разболелась. Хочу пивком полечиться.

— Сяду, конечно. Только ты много не пей, а то, кроме тебя, дорогу никто не знает.

— Не бойсь, не заблудимся.

Ей очень нравилась эта большая, проходимая машина, поэтому за руль Таня села с удовольствием. До следующей точки назначения они доехали, действительно, быстро, всего с одной остановкой на чай с бутербродами.

ТАХКО-ПОРОГ (падение)

Когда они въехали на место стоянки в лесу недалеко от Тахко-порога, было ещё светло. Место было очень живописным, впрочем, как и все предыдущие. Решили разбить лагерь почти на берегу реки. И красиво, и вода рядом, и шум водопада почти не слышен. Мужчины, как всегда, принялись устанавливать лагерь: сначала решили, кто и где поставит машины и палатки, что б всем было удобно, потом принялись за шатёр. Таня с Леночкой опять собрали столы, Галюня с Максом и Алексеем принесли раскладные кресла. Ирина с Олей пошли посмотреть валежник для костра. Все были заняты делом. Татьяна пошутила:

— Нравится мне наша компания, как муравьишки, каждый знает, что делать и при этом никто ни с кем не пересекается.

Когда лагерь был установлен, она предложила:

— Ребята, давайте сначала сходим на утёс, пофотографируемся. По дороге перекусили, значит, не голодные. Нагуляем аппетит, придём и я быстренько ужин сделаю. Она подхватила свой голубой рюкзачок, одела его на плечи, предварительно вынув фотоаппарат.

— Ну, как, кто на вершину?

— Мы сейчас, — отозвалась Леночка, — только фотик возмём.

— У меня фотик уже с собой, — сказал Коля.

— И мы готовы идти хоть сейчас, — подхватила Ирина. Таня заметила, что после случая в лесу с волком Иринка стала частенько посматривать на него так, что б он не видел её взгляда.

— Вы идите, — сказала Галюня, — мы тут ещё кое-что доделать хотим. Тань, а плита подключена? Я б ещё и кофейку попила.

— Да, подключена. Смотри, вот тут вентель повернёшь и включишь, а когда чайник закипит, не забудь вентель закрыть, хорошо? — и она показала Галюне, как правильно включить и выключить плиту.

— И я тоже останусь, — сказал Макс. — Я бы чаю попил.

— И я, — сказала Оля, — тоже чаю хочу. Павлуш, ты иди с ребятами, я догоню. — Сказала она мужу.

Павел взял сумку с фотоаппаратом и объективами, подхватил треногу и, бросив через плечо: «Ольчик, ты не задерживайся», — направился к утёсу.

Стас с Леной, Андреем и Ирой шли медленно, часто останавливались, что б пофотографироваться. Татьяна хотела скорее подняться на утёс, поэтому шла не быстро, но без остановок. Юра, к её неудовольствию, взял несколько банок пива и одну открыл сразу, что бы пить по дороге. Таня только головой покачала: скалы, утёс. Дорога, вроде, и не опасная, но если свалишься — мало не покажется. Но Юра, как ему казалось, таким образом, демонстрировал Тане, что расстроен их вчерашней ссорой и её сегодняшним равнодушием. На расстоянии нескольких шагов за Таней шли Коля и Алексей, уже к неудовольствию Юры. Им понадобилось больше получаса, что б подойти к утёсу, который был пологий только с их стороны и возвышался одинокой громадиной над рекой. По тропинке, которую уже не одни туристы тут протоптали они стали подниматься, обходя большие валуны, иногда перепрыгивая с камня на камень. Когда они поднялись на вершину утёса, то обнаружили небольшую каменистую площадку, в центре которой росла сосна. Таня

раскинула руки:

— Духи воды, земли и воздуха! Какую же красоту вы создали! Нет границы у величия и красоты, правда? — Она оглянулась и встретилась взглядом с Алексеем, который, как оказалось, шёл за ней.

— Ты к краю близко не подходи.

Как он на неё смотрел! Его взгляд, полный желаний был прикован к её губам так, что у Тани заколотилось сердце.

— Не буду, — пересохшими вмиг губами сказала она и тут же шагнула ближе к краю. Посмотрела вниз. У подножья утёса вода была гладкая и тёмная, значит, там глубоко. Широкая река, казалось, плавно несла свои воды, но, там, вдали, она сужалась и бешено неслась к невысокому водопаду. Татьяна подвинулась ещё` на пару маленьких шажков к краю утёса, словно какая-то сила влекла её, и стала фотографировать реку прямо под утёсом.

— Тата, отойди от края! — крикнул Алексей.

— Какая она тебе Тата! — Пьяно взревел Юра и, оттолкнувшись плечом от сосны, пошёл на Алексея. Алексей мельком взглянул на идущего к нему неровной походкой мужчину и снова стал смотреть на Таню. До неё было шагов пять, не больше. В это время на утёс поднялись Ирина с Леночкой.

— Ребята, что происходит? — спросила Иринка, видя, что Юрий, набычившись, идёт в сторону Алексея.

Стас и Андрей были ещё внизу, рядом с Пашей, который установил треногу, поставил на неё фотоаппарат, установил его на серийную съёмку и направил на Татьяну. Она очень эффектно смотрелась на фоне белых облаков в оранжевой толстовке и фиолетовой безрукавке с голубым рюкзаком за спиной. Отойдя на пару шагов назад, он ещё раз посмотрел на Татьяну и увидел то, что не могли видеть те, кто находились наверху: выступ, на котором она стояла, вдруг откололся, и Таня вместе с ним полетела вниз. Пронзительно закричала Ирина. Татьяна скрылась под водой, но почти сразу вынырнула. Течение, казавшееся сверху плавным, на самом деле оказалось очень быстрым. Оно подхватило её и понесло к водопаду. Таня чувствовала, как набухает от воды безрукавка, как мгновенно отяжелевшие ботинки тянут её на дно. Ревящий поток нёс её к водопаду. Пусть не высокому, но водопаду. Она поняла, что сопротивляться течению бесполезно и старалась хотя бы удержаться на поверхности, не наглотавшись воды. Помимо набухших и отяжелевших вещей до костей её пробирал холод. Ледяная вода сковала тело. «Ну, всё... Упёрлись в дно! Да... Мало погуляли!» — мелькнули в голове фразы из любимого фильма. Двигаться было всё труднее и вдруг... Перед глазами встало лицо прабабки. «Вспоминай, внака, вспоминай — а туа Фагуэла, о дэ ки о э, дэ бо то туа». Губы сами стали шептать знакомые с детства слова. Так баба Веста учила её звать на помощь духа-защитника. Водопад приближался. Таня вдохнула побольше воздуха в грудь и, отдавшись потоку, полетела вниз. С трудом вынырнув на поверхность и повторяя заговор, она из последних сил поплыла к берегу. Одежда и рюкзак тянули её ко дну всё сильнее. Она слабела, а до берега было ещё далеко. И вдруг прямо у неё над ухом раздался голос: «На спину перевернись!» «Ну, вот и глюки...» — вяло подумала Татьяна, но на спину всё же перевернулась. И тут же стала погружаться, обессиленная, под воду. Краем сознания она уловила, как какая-то неведомая сила подхватила её и вытолкнула на поверхность. А дальше — темнота...

Алексей, как только Таня упала в воду с утёса, скинул куртку и, крикнув Коле: «Кэп! Давай вниз, на берег!» прыгнул за ней. Юрий замер от увиденного. Он не просто растерялся — он испугался. Он понимал, что надо что-то делать. Надо как-то спасать Таню, но как? Высоты он боялся с детства и поэтому прыгнуть за ней ему даже в голову не пришло. Когда же Алексей, не задумываясь ни секунды, прыгнул в воду, он с облегчением вздохнул. Всегда можно будет оправдать свой страх тем, что его опередили, а прыгать двоим не имело смысла. И только тогда, когда пробежавший мимо Колюня стукнув его по плечу, крикнул: «Не волнуйся! Барс её вытащит!», до него дошёл весь ужас происходящего. Таня могла при падении разбиться о воду, могла напороться на подводный камень, могла просто захлебнуться, вобщем, оставалось только молить Бога, что б она осталась жива.

— Ну, что же ты стоишь, Юра! Пошли скорее, — Иринка подхватила его под локоть и тянула с утёса. — Надо же помочь им выбраться из воды! Юра!

Слова Иры вывели его из оцепенения, и он сначала медленно, потом быстрее пошёл за Колей и девушками.

Алексей вынырнул и поплыл, стараясь не упускать из виду голову Татьяны, мелькавшую над водой. Взмах за взмахом он нагонял её, но понимал, что до водопада догнать не успеет. «Только бы она не ударилась головой о камни при падении... Если потеряет сознание... чёрт! Не думать об этом!» Упав с высоты водопада, он вынырнул почти рядом с Татьяной и понял, что она держится над водой из последних сил. Буквально в два взмаха руки он поравнялся с ней и крикнул: «На спину перевернись!», она перевернулась и тут же стала уходить под воду. Он нырнул за ней и, вытолкнув на поверхность, подхватил под мышки и вместе с ней поплыл к берегу. Русло реки после водопада раздвоилось, огибая маленький островок. Течением их несло к берегу. Но к противоположному берегу, к тому, что с другой стороны островка. Таня, ощутив неведомую силу, что держала её, почувствовала слабость и потеряла сознание.

Алексей буквально выполз на берег из ледяной воды и с трудом вытащил Татьяну. У него не было сил двигаться. Некоторое время он лежал на теплых от солнца камнях и восстанавливал дыхание. От холодной одежды его бил озноб. Алексей встал на колени и с трудом начал стягивать с себя мокрую одежду. Дрожащими от холода руками Барс отстегнул от брючного ремня маленькую, с ладонь, флягу, открыл её и сделал несколько глотков. Чистый спирт обжёг горло, он закашлялся, зато по телу мгновенно разлилось тепло. Он склонился над Таней. Она была без сознания. Чуть слышное дыхание срывалось с её губ. Алексей перевернул её безвольное тело на бок, снял рюкзак, откинул его в сторону, туда же полетела безрукавка. Он торопливо стягивал с неё мокрую одежду и беспорядочно отбрасывал от себя. Он очень боялся, что от переохлаждения её сердце может остановиться. Как только последняя преграда в виде бюстгальтера была преодолена, Алексей налил на ладонь немного спирта и стал быстро растирать ей грудь. Она что-то шептала. Он наклонился к её губам и услышал: «А туа тэ...» Он похлопал её по щекам. Сначала слегка, потом сильнее. Татьяна вздрогнула и открыла глаза. Он помог ей сесть. Прижал к себе.

— Ну, ты как, Татка? Как?

Татьяну трясло.

— Ничччего, вроде, — заикаясь, сказала она дрожащим голосом, — только ххолодно очень.

— Сейчас согреешься.

Алексей, продолжая обнимать её, так как их телам было теплее при соприкосновении, дотянулся до своей фляжки и, открыв, подал Тане.

— Спирт? Я лучше коньяку.

— Я тоже, — согласился Алексей, — только где его взять?

— Там, в рюкзачке. И костёр надо развести, что б одежду посушить и самим согреться.

— Хорошо бы костёр, только со спичками проблема, — сказал он, подавая Тане рюкзачок.

Она взяла его. Попыталась расстегнуть молнию, но дрожащие от холода руки не слушались.

— Алёша, давай ты, — вернула она ему рюкзак.

Он расстегнул молнию и заглянул вовнутрь. Сверху лежала круглая фляга в кожаном чехле цвета топлёного молока.

— Это?

— Да. Откроешь?

Он открыл и протянул флягу Тане. Она сделала несколько глотков и подала флягу Алексею. Он тоже отпил немного, закрыл крышкой и стал рассматривать изображение волка на чехле.

— Нравится?

— Да. Красавец. Этого волка я бы точно не испугался.

— А того?

— Испугался, но уже потом, когда в голове всё прокручивал. А на поляне времени не было пугаться. Ты была в опасности. Я тогда думал только о том, как тебя защитить.

— Подай рюкзак, пожалуйста.

Таня взяла рюкзак и стала в нём что-то искать.

— Вот ёлки! Куда делись-то? — и она вытряхнула содержимое на камни. Выпало два яблока, косметичка, три мандаринки, фонарик, маленькая бутылка воды и...арбалет. Таня заглянула в косметичку:

— А, вот они! — И она протянула Алексею маленький пластмассовый контейнер.

Алексей в это время разглядывал арбалет.

— Стреляешь?

— Да, — коротко сказала она. Ей не хотелось вдаваться в подробности о своей любви к стрельбе и оружию. — Там, в контейнере, спички и зажигалка. Давай зайдём в лес и разведём костёр, а лучше два, что б одежда быстрее высохла.

— Здорово придумано, — восхитился Алексей, беря в руки контейнер. — Только, знаешь что? Давай сначала снимем брюки и ботинки. Коньяк, конечно, согревает, а вот мокрая одежда холодит.

Алексей встал, помог подняться Татьяне, поднял с камней свою и её одежду, и обнял её за плечи.

— Держишься?

— Да, нормально.

И они вошли в лес. Алексей выбрал место поровней рядом с поваленным деревом, вокруг которого стояли не высокие пушистые ёлочки, прикрывающие это дерево со стороны тропинки. На дерево положил мокрые вещи и стал раздеваться. Таня тоже разулась и стала стягивать с себя мокрые брюки.

— Ой, рюкзак на берегу оставила.

— Я сейчас принесу. Раздевайся.

Алексей остался в одних трусах-борцовках, которые плотно облегли его бёдра. Таня, глядя ему вслед, невольно залюбовалась. Обычно люди высокого роста редко бывают пропорционально сложены, но к Алексею это не относилось. Длинные стройные ноги, узкие бёдра и талия, широкие плечи. Да, природа явно была в ударе, когда создавала его. Он вернулся с рюкзаком. Таня к тому моменту уже разделась и стояла в полупрозрачных кружевных серенивых трусиках.

— Тата, а что такое «А туа тэ»? — Спросил Алексей, подавая ей рюкзак.

— Откуда ты знаешь? — Вздрогнула она.

— Ты шептала, когда я тебя в чувства приводил.

— Ну, это заговор такой шаманский, — она вынула из рюкзака флягу. — Давай далеко не будем убирать. Пусть под рукой будет. Она положила рюкзак на землю и, открыв флягу,

сделала поток. — У меня прабабка шаманка была и научила, как в беде звать духа-защитника. Не думай, я не алкоголик, — протягивая ему флягу, сказала она, — просто мне никак не согреться. Давай скорее костёр разведём.

— Хорошо, только я сначала тебе спиртом спину разотру. Хоть чуть-чуть согреешься. Поворачивайся, — и Алексей, взяв свою маленькую фляжку, подошёл к Тане.

Она повернулась к нему спиной.

— Ого! А это что за зверюга такая жуткая у тебя на лопатке?

— А это и есть мой дух-защитник.

— Значит, это его ты звала заговором? — Расстирая спину Татьяне спросил Алексей. — А что он страшный такой, с оскалом? Тот, что на фляге, намного симпатичнее и добрее.

— Так доброго волка никто бояться не будет, а этот явно моих врагов предупреждает, что обижать меня опасно, может порвать.

— Надеюсь, я тебя ничем не обидел? — Хохотнул Алексей. — А то вдруг он меня порвёт.

— Не порвёт. Ты же меня спас, значит, ты не враг, а друг. К тому же, я думаю, это он сам выбрал тебя для моего спасения. Другого объяснения, почему ты прыгнул за мной, я не нахожу. — Она внимательно смотрела на него через плечо.

— То есть, ты считаешь, что это был не мой личный выбор тебя спасти, а вот этого защитника твоего? — Алексей ткнул пальцем в морду зверя. — Это он так решил за меня?

Таня пожалала плечами, мол, это для неё очевидно.

— Странно... Почему тогда меня? Почему не твоего мужа?

— Наверно, потому, что у меня нет мужа, — усмехнулась Таня.

— Как это нет? А Юра? — Алексей взволнованно развернул её к себе лицом.

— Юра? — Она была искренне удивлена. — С чего ты взял, что он мой муж?

— Он мне это на заправке ещё сказал... подожди... Так, значит, вы не женаты? А живёте вместе давно?

— Мы не живём с ним вместе. — Таня, казалось, была в растерянности от того напора, с которым Алексей задавал ей вопросы. — Мы встречаемся всего пару месяцев.

— Слава Богу! — выдохнул Алексей.

— Почему ты так говоришь?

— Вот почему.

Он обнял её и поцеловал. Но это был не такой робкий поцелуй, как тогда на озере. Это был поцелуй мужчины, который целует свою единственную, никому больше не принадлежащую женщину. Несмотря на то, что оба они замёрзли, его губы были горячими и ей нравился их жаркий пыл. Поцелуй был такой глубокий и сладкий, что Таня невольно застонала. Алексей почувствовал, как напряглись её соски и ещё крепче прижал к себе её полуобнажённое тело. Его руки жадно ласкали её, глядя то плечи, то упругие ягодицы. Эти прикосновения были настолько приятными, что она не стала сдерживать давнее желание и обняла его, провела рукой по шее и запустила пальцы в его влажные волосы. Рука Алексея скользнула по её животу и поднялась к груди, пальцы коснулись набухшего соска и с его губ сорвался вздох откровенного удовольствия. Он с трудом оторвался от её губ:

— Я мечтал об этом с самой первой нашей встречи. Веришь, мне даже снилось пару раз, как мы целуемся...

— Алёша, нам надо остановиться... Если мы не разведём сейчас костёр, то я просто замёрзну...

— Я согрею тебя... — шептал Алексей, нежно касаясь губами её шеи.

— А одежда? Её тоже согреешь?

Она отошла от него, наклонилась за фляжкой, сделала глоток.

— Будешь?

Алексей кивнул и взял флягу из её рук. Её руки заметно дрожали. «Отчего? От холода или от страсти?» — думал Алексей, надеясь, что всё-таки от страсти.

— Давай уже к костру приступим, пока я не опьянела, а то из меня помощник на букву «х» получится, не подумай, что хороший.

— Я всё сам сделаю, ты отдыхай, — он пригубил флягу, внимательно глядя на Таню. Теперь он точно знал, что она равнодушна к нему. Слишком явная борьба происходила в ней. Он чувствовал, что она тянулась к нему, но сдерживала себя, не давая выхода своим желаниям. Интересно почему? Только потому, что он женат? Или есть какая-то другая причина?

— Если я буду стоять, то превращусь в ледышку.

— Ты можешь ноги поранить... Смотри, кругом камни, ветки...

— Алёша, я аккуратно. К тому же вдвоём быстрее справимся.

— Арбалет твой чем стреляет? Стрелами? Я не успел рассмотреть, — спросил Алексей, что бы хоть что-то сказать, только бы не смотреть в её сторону. Это было довольно трудно. «Господи! Да кто ж это придумал женские трусики из паутины делать?» — мысленно восклицал он. Кружево нежно-сереневого цвета было совсем прозрачным, и Татьяна казалась полностью обнажённой. Юлия носила только красное нижнее бельё, считая это очень сексуальным, а Алексею нравились вот такие нежные тона, почти незаметные на теле. «Что я бык, что ли, чтоб на красное бросаться?» — с тоской думал он, глядя на очередной комплект нижнего белья красного цвета у Юли.

— Шариками, они в боковом кармане лежат.

— Кто ж тебя надоумил арбалет купить?

— Бывший муж. На оружие надо разрешение, а на арбалет нет.

— Зачем тебе вообще оружие?

— Для защиты. Он меня пару раз спасал. Да и потом, как же в лес без оружия?

Алексей увидел два круга из камней, которые сделала Таня, пока он собирал ветки для костра, в середине каждого были маленькие шалашики из веток.

— Я смотрю, ты в кострах толк знаешь, — сказал Алексей, по очереди поджигая эти шалашики.

— Да, мы в своё время с папой побродили по лесам. Мама с Наташей не очень любили все эти походные условия, поэтому у нас был договор: папин отпуск по лесам, а мамин по Югам. Наташа к прабабке не любила приезжать, она больше по лагерям пионерским. Ей те костры нравились. А я любила проводить каникулы в Карелии, а вот на Юге не особенно.

— Ты не любишь море? — Алексей, подбросив несколько мелких веток в разгорающееся пламя, стал ломать более крупные и складывать рядом с костром.

— Почему? Люблю. Только не люблю, как тюлень, валяться на пляже, всю эту суету

вечернюю, дамочек на шпильках в вечерних нарядах, подвыпивших мужчин с сальными глазками... Люблю больше в автокемпингах отдыхать, поближе к природе. — Таня заметила, как Алексей пристально разглядывает её.

— Я кажусь тебе занудой?

— С ума сошла! Ты, как про меня, рассказываешь. Вот такой отдых, как сейчас — это просто мечта моя была за последние пять лет.

— Спрыгнуть с утёса мечтал? — Татьяна улыбнулась.

— Вот об этом, скажу честно, даже мечтать не мог.

Алексей взял две рогатины, найденные Таней, установил их в землю с двух сторон костра, закрепив камнями, перекинул ветку и стал развешивать вещи, предварительно отжимая их. Таня расшнуровала ботинки и, вытащив у них как можно дальше язычки, поставила к костру. В тот момент, когда Алексей отжимал её безрукавку, собираясь повесить на импровезированную перекладину, за их спиной со стороны тропинки раздалось лёгкое покашливание:

— А хорошо вы тут, птенчики, устроились... кхе-кхе, — сказал сиплый развязный голос.

Они оглянулись на этот голос, и Таня почувствовала, как у неё внутри, несмотря на выпитый коньяк, всё похолодело. Перед ними стояли трое мужчин неприятной наружности в комфляже. У одного из них в руках был АКМ-74, у другого на плече рюкзак. Несмотря на их относительно чистую одежду, небритость и какая-то расхлябаность, выдавала в них людей отнюдь не военных.

Алексей прикидывал, что он может сделать в данной ситуации для защиты Татки и полюбому выходило, что вот прямо сейчас, сию минуту — ничего. Обнажённый, безоружный... против автомата... на расстоянии нескольких метров... Если он кинется на них сейчас, то его просто расстреляют. И если попробует поднять нож, который лежал на земле — тоже прикончат одним выстрелом. А если его убьют, то даже страшно представить, что потом будет с Таткой. Как она сказала: «Дух выбрал тебя, чтоб ты меня спас?» Он не должен умереть за неё. Он должен жить, чтоб спасти её. «Чёрт! Да у неё же арбалет с шариками в рюкзаке! Как добраться-то до него!? Думай!» И вот пока он напряжённо думал, как до этого рюкзака добраться, раздался кокетливый голос Татки:

— Ой, мальчики! Вы заблудились? Замёрзли, наверно? А давайте коньячку выпьем? Познакомимся. Давайте?

К концу фразы голос её сначала кокетливый зазвучал сексуально и томно. Она смотрела на мужчину с автоматом откровенно призывным взглядом.

— Лёша, — не отрывая взгляда от бандита и продолжая смотреть на него с улыбкой, сказала Таня, — там у нас в рюкзачке коньяк с лимоном, принеси, будь другом.

— Не возражаете против коньяка, парни? — Спросил Алексей и, не дожидаясь ответа, шагнул к поваленному дереву за рюкзаком.

Таня поманила мужчин ладошкой.

— Ну, подходите же! Подходите к костру, погрейтесь!

Обнажённая женщина притягивала взгляды мужчин. Кружевные трусики и торчащие от холода красные, набухшие соски будоражили их воображение и разжигали желание настолько, что они абсолютно забыли про Алексея. Как замороженные они шагнули к костру и тот, что с автоматом, приблизился к ней настолько, что мог дотронуться до неё рукой.

— Надо же, какая сочная девочка, — сипло выдохнул он, не спуская глаз с полной груди Татьяны, — ладненькая такая, конфетка, а не девочка... И, сладкая, небось... Тебя-то,

мужик, мы хлопнем, ты уж не обижайся, а вот девочку твою себе оставим. Не должна такая красота в лесу погибнуть. Согласен? — Повернулся он к Алексею.

— Конечно, согласен, — Алексей выпрямился и вскинул руку. Прежде, чем кто-то из них успел хоть что-то сообразить, раздался чуть слышный свист, мужчина с автоматом вздрогнул и стал медленно оседать на землю. Таня успела выхватить из рук падающего автомат и направила его на стоящих буквально в двух шагах от неё опешевших мужчин. В два прыжка Алексей оказался рядом с ними и мощным ударом кулака в затылок лишил одного из них сознания. Потом крикнул другому:

— Ремень из брюк вынул! Куртку снял! Живо!

Бандит был так поражён тем, что произошло за несколько последних минут, что даже не думал сопротивляться. Словно под гипнозом он послушно вынул ремень из брюк, снял куртку и послушно протянул это всё Алексею. Тот бросил куртку Тане:

— Накинь, согреешься.

Потом ударом ребра ладони по шее лишил сознания и этого. Связал ему руки за спиной ремнём, быстро обыскал, достал у него нож из-за голенища сапога и оттащил к дереву. Таня смотрела на то, как быстро и ловко Алексей всё делает: вот он снял куртку с безвольного тела, вот он выдернул ремень из брюк того, кого ударил первым, так же связал ему руки за спиной, так же обыскал, так же оттащил к дереву. Поднял рюкзак, который уронил первый бандит, подал его Тане:

— Тата, посмотри, что там у них. Если есть верёвка — скажи, ладно?

Он оттащил убитого им из арбалета бандита вглубь леса и тут же вернулся к ней. Таня протянула ему дрожащей рукой верёвку, которая действительно оказалась в рюкзаке. Алексей взял верёвку и на долю секунды прижал к себе Таню.

— Алёша, — дрожащим голосом спросила она, — а ты вообще кто? Спецназ? Подготовка у тебя...

— Допустим, спецназ, не забивай себе голову пустяками. Давай я сначала всё сделаю для нашей дальнейшей безопасности, солнце моё, а потом поговорим. — Он поцеловал её в висок. — Потерпи. Он старался говорить всё будничным тоном, спокойно и уверенно, хотя на самом деле очень испугался за неё и в то же время был немало восхищён и её смекалкой, и её смелостью. Тому, как она держала себя с людьми, способными убить их в любую минуту, можно было только позавидовать. Ни внешней паники, ни страха... Вот это сила духа! Даже он, человек со специальной подготовкой, растерялся на какой-то момент, а она смогла взять ситуацию в свои руки.

Привалив двух оглушённых бандитов к дереву таким образом, что б они сидели лицом к тропинке, он быстро привязал их к стволу, затем ножом разрезал майку одного из них, сделал два кляпа и заткнул им рты. И только, сделав всё это, подошёл к Тане. Несмотря на то, что она накинула куртку, её била крупная дрожь и губы тоже подрагивали. Его руки скользнули ей под куртку, и он ощутил жар её тела. «Озноб. Хорошо, если от страха, а вдруг температура?»

— Испугалась?

Татьяна кивнула, ноги у неё подогнулись, и она упала бы, если бы Алексей не подхватил её.

— Алёшка, меня ноги не держат, — прошептала она и буквально повисла у него на руках.

Алексей легко взял её на руки и отнёс в ельник за поваленное дерево. Снял с неё куртку, бросил на землю.

— Тата, садись... Я сейчас...

Посадив её, он метнулся на поляну, поднял куртку, подхватил автомат, арбалет и рюкзачок с флягой коньяка. Когда вернулся, положил всё на землю. Таня сидела, подобрал ноги и обняв колени, пытаясь унять дрожь. По щекам текли слёзы. Алексей набросил ей на плечи принесённую куртку и присел рядом. Обнял её.

— Девочка моя... Хорошая моя... Всё уже позади, — шептал он, целуя её щёки, глаза, шею. — Ты же умница! Ты же такая умница! Как ты быстро сообразила, как сразу всё поняла...

— Да, уж! Умница... Видишь, как расквасилась, — она улыбнулась сквозь слёзы, — коньяк-то у нас остался?

— Много ещё. На. — Алексей подал ей флягу, но она не смогла её взять — так сильно дрожали руки.

— Сейчас мы это исправим.

Он плотнул из фляги и наклонился к Тане. Как только его губы коснулись её губ, она почувствовала во рту вкус коньяка.

— Восхитительный способ одновременно напоить и успокоить женщину, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Сударыня желает ещё коньяка таким способом? — Голос у Алексея был низкий, волнующий, завораживающий...

— Да... желает..., - прошептала она.

Говорят, в момент опасности сексуальное желание обостряется. До сегодняшнего дня он в это не верил. Желание не то, что бы обострилось, оно выросло до таких огромных размеров, что не было сил ни говорить, ни думать. Он не мог оторвать взгляда от её глаз, излучающих это самое желание. Следующий поцелуй словно взорвал их изнутри. Они не могли оторваться друг от друга. Их обоюдная страсть, подогреваемая вынужденным воздержанием, вырвалась наконец-то, наружу. Куда-то в сторону отлетело сереневое кружево. Вслед за ним чёрные борцовки. Алексей сел, прислонившись спиной к поваленному дереву, приподнял Таню и посадил себе на бёдра. Хриплые стоны перемешивались с ласковыми словами. Когда её влажная и горячая плоть приняла его, когда их тела соединились, казалось, весь мир перестал для них существовать. В этот момент они осознали, насколько же им не хватало друг друга всё это время.

— Алёша... Алёшенька... — стонала она, в порыве страсти вонзая ему в спину ногти, и эта внезапная боль доставила ему гораздо большее наслаждение, чем самые нежные ласки. Сил у них хватило на считанные движения, зато разрядка была ошеломляющей. Алексей почувствовал, как тело Татьяны содрогнулось. Горячая волна блаженства, пронзившая её тело, была настолько сильная, что она вскрикнула. Хриплый стон вырвался из его горла. Он сжал её бёдра и плотнее прижал к себе. Она уже не двигалась, но лоно её, сокращаясь, доставляло ему такое наслаждение, что он не торопился отпускать её. Тело Татьяны обмякло, она положила голову ему на плечо. Алексей коснулся губами её уха.

— Счастье моё... Ты счастье моё... Моё солнце... — шептал он, руки его скользили по её телу, — люблю тебя...

Татьяна подняла голову и, глядя ему в глаза, сказала:

— «Ложь не к лицу воину».

— Я не лгу, — не отводя от неё взгляда, сказал Алексей. — Я очень люблю тебя. С того самого момента, как увидел на заправке, я понял, что ты и есть та единственная женщина, которая предназначена мне судьбой.

— Ты забыл кое-что, вернее, кое-кого.

— Юру?

— Нет. Свою жену.

Она хотела встать, но он удержал её.

— Алёша, пусти меня!

Но он только сильнее сжал её бёдра руками.

— Пусти! Мне больно!

— Прости, — он ослабил хватку, но тут же обнял её за талию, привлекая к себе.

— Ты можешь просто выслушать меня?

— Вот только не надо говорить, что ты не любишь свою жену, что вы не понимаете друг друга и всё в этом духе. Не разочаровывай меня, Алёша! — она упёрлась ему руками в грудь.

— Тата! Я уже несколько раз пытался тебе всё объяснить! Пожалуйста! Просто послушай!! Да послушай же ты, наконец!! — почти прорычал Алексей и слегка встряхнул за плечи вырывающуюся из его рук Таню.

— Хорошо, — кивнула Таня, тем более что обещала Николаю выслушать Алексея при удобном случае. Удобство, конечно, сомнительное: соприкасаясь с ним телами, чувствуя его руки на своей талии... Скорее, можно голову потерять, чем что-то услышать.

— Дело в том, что я собирался подать на развод после этой поездки. Моя жена со своей матерью сейчас отдыхает на Мёртвом море. Я собирался встретить их в аэропорту и сразу отвезти домой к теще. И я не виноват в том, что встретил тебя до, а не после развода. И нужна ты мне не для развлечения в походных условиях. Ты заполнила моё сердце, мою душу и я хочу, что б ты заполнила мою жизнь, что бы всегда была рядом со мной.

— Это предложение?

— Да.

— Ну, вот так, — Таня развела руками и посмотрела туда, где соединялись их тела, — мне ещё никто предложения не делал. — Она горько усмехнулась. — Алёша, ты ещё сто раз передумаешь разводиться. Вы, наверно, поссорились. Сейчас отдохнёте друг от друга, соскучитесь и помиритесь.

— Тата, я не мальчик-подросток, который, то мирится, то ссорится со своей девочкой по пустякам. Это давно обдуманное решение взрослого мужчины.

— Что ж, мы поговорим об этом в Питере, когда вернёмся, а сейчас давай вставать и одеваться, а то я уже начинаю подмерзать.

Он помог ей подняться, накинул ей куртку на плечи и сказал:

— Нет, Татка, не в Питере, а сейчас.

— Почему?

— Я хочу, что бы мы по возвращению не остались в лагере, а уехали домой. Это в том случае, если я тебе нужен. Если тебе нужен Юра, то я уеду один. Я просто не смогу видеть тебя с ним. Это даже не ревность. Это... боль, понимаешь? Пойдём, посмотрим одежду, она, наверно, уже высохла. — Он наклонился и подал ей сереновое кружево. Одел борцовки. Поднял с земли автомат и арбалет, Таня взяла флягу. Он подал ей руку, помогая перешагнуть через поваленное дерево, и они подошли к чуть тлеющим кострам.

— Так, отлично! Тата, футболки, носки и брюки сухие, можно одевать. Толстовки только влажные, да безрукавка твоя мокрая совсем. — С этими словами он поднял валявшуюся на земле безрукавку, отжал до конца и повесил на перекладину. Потом подбросил ветки в каждый из костров. Таня смотрела на него, и вдруг поняла, что все её принципы на счёт женатых мужчин, которых она придерживалась раньше, летят в тартарары, что ей совершенно всё равно, женат он или нет. Ей даже всё равно разведётся ли он, только бы знать, что они будут видеться, только бы иногда оказываться в его сильных, надёжных руках и слышать его нежные слова, только бы ощущать вкус его губ... Как там по

Пушкину?

«Хоть редко, хоть в неделю раз

В деревне нашей видеть Вас...»

Алексей почувствовал её взгляд и обернулся. Она смотрела на него так, что заныло в паху. В её взгляде перемешались любовь, желание, боль...

Он подошёл к ней, обнял. Она прижалась к нему всем телом, обхватив за талию.

Алексей поцеловал её в макушку.

— Тата, поверь, я очень люблю тебя. Очень... Ты единственная женщина, которая мне нужна. Других просто нет... О, чёрт... Только не это! — Шёпотом простонал Алексей.

— Что там? — Спросила Таня, хотя уже знала — что. Ладони горели так, словно она держала раскалённые угли в руках.

— Наш старый знакомый, если, конечно, эти леса не полны одинаковых чудовищ. Тата... осторожно становишься мне за спину... я постараюсь его отвлечь, а ты бери автомат. Справишься? — И с этими словами Алексей стал медленно разжимать руки. Она вдруг оттолкнула его от себя. От неожиданности он сделал шаг назад, покачнулся и упал на колени. В этот момент Таня повернулась к волку и пошла на него, говоря при этом какие-то непонятные слова и выставив ладони вперёд.

Алексей хотел броситься к ней и загородить её собой, но тут увидел на земле автомат на расстоянии буквально вытянутой руки. Он поднял его и, мгновенно оказавшись на ногах, сделал выстрел в воздух. Волк лопнул, словно мыльный пузырь, и растворился, как его и не было. Алексей был настолько взволнован появлением зверя и непонятным поступком Тани, что не заострил на этом странном исчезновении внимания, а бросился к ней.

— Тата, я с ума с тобой сойду! — Сказал он, одной рукой обнимая её сзади, а в другой продолжая держать автомат. — Ну, вот что ты творишь?

— Алёша, я так за тебя испугалась... — она повернулась к нему. — Скажи мне — как бы ты его отвлёл? На него бросился, что ли?

— Вот ты смешная! Она за меня испугалась! А я!? Я, думаешь, не испугался за тебя? Татка, ты одевайся, я по сторонам посмотрю, что б эта тварь не застала нас врасплох. Хотя... Вот как это у него получается? Раз — и появился, два — и исчез?

— Алёша, он не появится больше. Я сама только сейчас поняла... Это был фантом, я его уничтожила.

— Что? Какой фантом? Ты о чём? Ты что-то знаешь про этого зверя? Тата! Не молчи! Она оделась быстро и повернулась к Алексею:

— Одевайся теперь ты и не волнуйся.

— Хорошее дело — не волнуйся! Я жду объяснений.

— Алёша, тебе трудно будет в это поверить, но этот зверь... он из другого мира...

— Из какого — другого?

— Из параллельного. Я не знаю, кто и для чего его отправил в наш мир, но, думаю, это как-то связано со мной.

— Так. Тата, вот сейчас всё тоже самое, только медленней и подробней.

— Помнишь, я говорила тебе, что у меня прабабка — шаманка?

— Помню, конечно.

— Она из этих мест. Ну, в том смысле, с той стороны. Так называют обычно параллельный мир — та сторона.

— Я готов допустить, что та сторона существует, хотя это бред полный. Но причём здесь ты?

— Ну, понимаешь... я тоже... шаманка. И говорят, неплохая.

— Кто говорит?

— Люди, которым помогала. Прабабка передала мне не только свою силу, но и силу всего нашего рода. В Питере такая сила ограничена. В нашем мире её в полной мере применить не возможно по определённым физическим параметрам, а в той стороне можно. Прабабка моя родом оттуда.

— Твоя прабабушка родом из параллельного мира!? Полный бред!

— А как же зверь, который лопнул у тебя на глазах и даже следа не оставил?

С этим Алексей поспорить не мог.

— Алёша, одевайся уже, а то замёрзнешь так, что я тебя не скоро отопрею, — и она бросила на него такой откровенный взгляд, что по его телу пробежала дрожь.

Он стал одеваться.

— Как ты думаешь, это будет считаться мородёрством, если мы попьём кофе из запасов наших пленных? Я в рюкзаке видела, когда верёвку искала. — Спросила Таня.

— Так мы у них сейчас спросим.

Алексей обул чуть влажные ботинки, взял Танины, подхватил автомат, поставил перед ней обувь:

— Тата, обувайся, они почти высохли, а я пойду, спрошу у них разрешения.

— Подожди, Алёшенька, я с тобой.

Она быстро зашнуровала ботинки, встала, операясь на его руку и они вместе пошли к привязанным к дереву бандитам. Оба уже пришли в себя. «Интересно, как давно они очухались?» — подумал Алексей, искоса глядя на Тату. Он вынул кляп у одного из них и спросил:

— Разговор наш слышал?

— Это про шаманку, что ли?

— Про кофе, чудило.

— А... так это... пейте, — он посмотрел на Таню, — а ты, чё, правда, шаманишь?

— Тебе — то что за дело?

— Так это... бабка моя про шаманку местную говорила, про Весту. Так это... сильная, говорит, шаманка была... Ты, хозяин, развязал бы меня, до ветру сбегать, а? — Без всякого перехода обратился он к Алексею.

— Счаззз. Бегу и волосы назад. Пойдём, Татка, кофе пить, раз угощают.

Он приобнял Таню за плечи и они пошли обратно на полянку. В рюкзаке, который Алексей в шутку назвал «трофейным», были котелок, кружки, банка растворимого кофе, сухари, консервы, чай листовой, сигареты, кусковой сахар и даже шоколад.

— Хорошо ребята к побегу подготовились, — сказал Алексей и пошёл с котелком к реке за водой.

— К какому побегу? — спросила Таня, когда он вернулся и стал подвешивать котелок над костром.

— Ты не поняла ещё? Они из тюрьмы бежали.

— А ты как понял?

— Ну, смотри: АКМ-74 обычно у тюремной охраны, потом, комуфляж у них не охотничий, да и опять же «хозяин» на их жаргоне — это начальник на зоне.

Алексей присел рядом с ней, обнял её. Таня положила ему голову на плечо, и они, молча, смотрели на огонь.

— Хорошо с тобой, уютно, — он поцеловал её в макушку.

— А мне с тобой ничего не страшно, — подняла она голову. Её губы были так близко, так манили его...

— Так, Тата, быстро пьём кофе, ещё быстрее ищем брод и уезжаем отсюда домой. Ну, если ты, конечно, согласна...

— Если мы уедем домой, то поступим, как последние эгоисты, потому что испортим отъездом Коле жизнь.

— Коле? Почему?

— У них с Иринкой всё может сложиться в этой поездке.

— Не вопрос. Пусть остаётся со своей Иринкой. Сами доберёмся.

Алексей поднялся, подошёл к костру и снял котелок с кипящей водой.

— Поможешь?

Таня встала, взяла кружки и протянула Алексею:

— Плесни кипятка ополоснуть.

Она ополоснула кружки, насыпала кофе, он налил воды и тут вдруг осознал, что она сказала.

— Подожди, если убрать Колю с его личной жизнью... ты согласна? Ты согласна уехать со мной в Питер по возвращению в лагерь?!

Ответить ему Таня не успела. Внезапный крик ужаса заставил их вздрогнуть. Кричал тот бандит, у которого Алексей вынул кляп изо рта. Алексей подхватил автомат, взял Таню за руку и они подбежали к дереву.

— Нет, я ума лишусь с этими волками, — простонал он и вскинул АКМ.

Недалеко от тропинки, около того места, куда Алексей оттащил тело убитого им бандита, стояла стая огромных белоснежных волков. Один из волков, отделившись от остальных, обнюхивал привязанных к дереву людей.

— Тата, это тоже фантомы? — Наклонился к её уху Алёша.

— Нет, настоящие. Никого не напоминают?

— На того, что на плече у тебя похожи. Только без оскала.

Татьяна шагнула к волку, и он повернул морду в её сторону.

— Эда о, уэнтю су тэ, тосу э, — произнесла она нараспев. Волк смотрел на неё сначала насторожено, но после этой фразы сделал шаг в её сторону. Алексей тоже шагнул вперёд.

— Нет, Алёша, не надо. Всё в порядке, — шепнула она ему и, приложив правую руку к сердцу, поклонилась волку, который стоял рядом с ней на расстоянии вытянутой руки.

— Бэзот су тэ, итто сэн, мту каба, — и она кивнула на стоящего рядом с ней мужчину. Волк повернул голову в его сторону.

— Поклонись ему так же, как я, — опять шепнула Таня.

Алексей поклонился.

— Теперь повтори: «Эда о, уэнтю.»

Алексей повторил. Волк подошёл к ним ещё ближе и лизнул руку сначала Тане, потом ему. Неожиданно пошёл странный дождь из мелких пузырьков переливающихся всеми цветами радуги. Волк повернулся в сторону леса, сделал несколько шагов и обернулся, словно приглашая их за собой.

— Пошли за ними, — Таня взяла Алексея за руку, и они подошли к стае.

— Тата, ущипни меня, — тихо попросил мужчина.

— Зачем?

— Хочу удостовериться, что это не сон.

— Это не сон. Идём же!

— Куда?

— За стаей.

— Думаешь, она приведёт нас к броду?

— Не знаю, если честно. Будем надеяться, что да.

— Подожди, Тата, надо же взять твой рюкзак, твою безрукавку...

С этими словами он обернулся в сторону поляны и замер — ничего не было сзади них, кроме густого леса: ни поляны, ни дерева с привязанными к ним бандитами.

— Что это значит? Ты понимаешь?

— Судя по-всему, мы оказались в месте открытия портала. Алёша, я думаю, что мы уже в параллельном мире.

— А где волки?

Таня посмотрела по сторонам, стаи нигде не было. И тут перед глазами встало лицо прабабки: «Ну, вот ты снова в Славтушэни, внака. Вспоминай всё, что знала. Давай, давай вынимай из закровов памяти!» У Татьяны потемнело в глазах, и в ушах раздался звон. Она встряхнула головой, сжала пальцами виски, и словно что-то включилось внутри: лес, просёлочная дорога, избы деревянные, встречные люди улыбаются...

— Татка, что с тобой? Голова от всей этой чертовщины разболелась? — Взволнованно

спросил Алексей.

— Нет, Алёшенька, память вернулась. Впрочем, если я всё правильно вспомнила, будь готов к чудесам и доверься мне в этом мире так, как я тебе доверяла в нашем.

— То есть, ты настаиваешь, что это параллельный мир?

— А ты можешь дать другое объяснение тому, что пропала и наша поляна, и наши костры, и наши пленные?

— Кажется, я должен с тобой согласиться и смириться с происходящим. Ты примерно знаешь, куда нам идти?

— Думаю, Алёша, вот по этой тропинке, — и она указала на тропку, которой ещё несколько минут назад здесь не было.

СКАЛА

Ирина с удивлением смотрела, как весельчак Колюня ловко и быстро спускался с утёса, где-то огибая, а где-то легко перепрыгивая камни. Стас, Андрей и Павел так и стояли внизу, ещё не отойдя от шока. Как только Николай поровнялся с ними они тоже поспешили на тропу, ведущую к берегу. Только Павел приотстал: он снял фотоаппарат с триноги, потом быстро сложил её и уже на ходу убирал фотик в специальный рюкзак, стараясь не отставать от ребят. На какое — то время Коля потерял плывущих из вида, так как тропинка свернула от берега и шла по лесу. Потом, когда она снова повернула к берегу, Николай увидел, как Алексей упал с водопада. Не смотря на то, что Николай легко преодолевал препятствия в виде поваленных деревьев и топких мест, течение реки было гораздо быстрее, чем его бег. Тем не менее, он разглядел, как Алексей вытащил Таню на берег в самом широком месте за маленьким островком, который разделял реку на два рукава. Он бежал до тех пор, пока не остановился напротив того места, где на камнях лежали мужчина и женщина. Кричать было бесполезно, шум водопада перекрывал любой крик. Николай просто стоял на берегу, ожидая, когда Барс придёт в себя и увидет его. Через некоторое время подбежали Юра и Стас с Андреем, Павел слегка отстал из-за возни с фотоаппаратом. Они видели, как Алексей поднялся, как разделся по пояс и стал раздевать Таню.

— Что он делает? Зачем раздевает её!? — Заволновался Юра.

— Юра, ты не о том думаешь! Одежда мокрая и холодная! — Осадил его Николай.

Павел по привычке уже установил триногу и пристроил фотоаппарат, направив его на противоположный берег. Было видно, как Алексей приводил Таню в чувство, как он помогал ей сесть.

— Ребята, давайте попробуем крикнуть все вместе. Вдруг они нас услышат, — предложил Андрей.

Попробовали, но Алексей не отреагировал. А дальше произошло нечто странное: неизвестно откуда появившийся голубоватый туман окутал ту часть берега и реки, где находились Таня с Алексеем. Туман становился всё плотнее, хотя солнце освещало всю реку и берега. Из голубого, он превратился в тёмно-синий.

— Вы это тоже видите? — С опаской спросил Юра.

— Чертовщина какая-то! — Коля даже глаза протёр. — Понимаете что-нибудь?

— Нет, — Стас покачал головой, — если бы сам не видел, а рассказал кто-нибудь — не поверил бы.

И вдруг туман исчез, словно его не было. Теперь глаза протёр не только Коля, потому, что сколько все не всматривались в противоположный берег — никого! Словно туман поглотил выбравшихся на берег людей.

— Вот это действительно чертовщина! — Пробормотал Стас.

— Что же делать? Что же делать? Как они могли исчезнуть за такое короткое время? Куда они могли деться!? — Юра метался по берегу. — Ну, надо же что-то делать, Коля!!

— Думаю, надо дойти до лагеря, взять сапоги и поробовать поискать брод, что бы перебраться на ту сторону и поискать их, — Николай обвел взглядом притихших мужчин.

— Это, пожалуй, самый лучший вариант.

— А я думаю, надо вызывать спасателей, — уверенно сказал Андрей.

— Ну, это само собой, только до спасателей надо всё равно что-то делать. Пойдёмте в лагерь. Я по дороге позвоню, — сказал Коля, доставая телефон. Решил позвонить сначала Барсу на всякий случай. Неожиданно раздалась музыка, и хрипловатый голос Гарика Сукачёва запел:

— «Свободу Анджеле Девис,
От Анджелы Девис руки!
Ну, дайте свободу Анджеле Девис...»

Песня звучала из куртки, которую он держал в руках. Это была куртка Алексея. Коля вынул телефон и выключил его.

— Чей это телефон? — спроси Андрей.

— Лёшин. Это его куртка, я подумал, вдруг телефон с ним и решил позвонить ему сначала... — Коля махнул рукой.

— Хватит медлить! Давайте МЧС вызывать.

— МЧС тут не поможет. Я сейчас своим позвоню.

— Своим — это кому? — Юра даже остановился.

Коля уже прижал трубку к уху и сделал предупреждающий жест рукой.

— Балу! Приветствую. Есть свои люди в Карелии из наших? Мне бы телефон их... Как это ты тут? А как же Крым? И Марат с тобой? К маме? Отлично! Да. Случилось. Помощь нужна срочно. Барс и ещё один гражданский пропали. Долго рассказывать, не хочу время терять. От... — Он повернулся к Юре. — Какой ближайший город тут? Муезерский, — это уже в трубку.

Потом снова Юрию:

— Сможешь координаты, где мы находимся, товарищу моему скинуть? Юра кивнул.

— Тебе сбросят через пару минут. Я думаю человека два достаточно, если вы с Маратом подтянитесь. Давай, жду. Сколько примерно по времени? Принято. Остальное при встрече. Отбой.

— Что? — Коля обвёл взглядом удивлённых мужчин.

— Я что-то не понял, Колюня? Барс... Балу... Ты, вообще, кто? — Настороженно спросил Андрей.

— Ребята, я в таком месте работаю, что лучше не знать, кто я.

— И Алексей?

Коля кивнул.

— Это он Барс? — уточнил Юра.

— Да. Поэтому за Таню свою можешь не волноваться. Не дай Бог, что, он бы и со дна её достал. И в лесу голыми руками её защитить сможет. Хотя... Барс без оружия не бывает. Пойдёмте в лагерь. Там, наверно, паника уже. Ира с Леной рассказали о том, что случилось. К тому же, хотели брод поискать.

Когда они подходили к лагерю, их увидела Ира и поспешила к ним на встречу.

— Ну, что там? Ребята выплыли? Вы их видели?

— Да, выплыли и исчезли, — сказал Андрей.

— Как это — исчезли? Вы что — разыгрываете меня? — Обижено поджала губы Ирина.

— Ириша! Какой тут розыгрыш! Люди пропали! — Николай строго посмотрел на неё и повернулся к Андрею: — Болотники есть? Тот кивнул в ответ.

— Юре дай, пожалуйста. У меня свои.

— Я сам хотел...

— Пусть лучше он. Он очень переживает, — наклонился Коля к Андрею.

В лагере все были подавлены случившимся. Ира и Лена рассказали о происшествии, добавив от себя эмоций и переживаний. К Юре и Коле решили присоединиться Стас и Саша. Андрей, Павел и Макс остались в лагере с женской половиной экспедиции. Вернулись мужчины часа через три, когда уже начали спускаться сумерки. В лагере горел костёр. Оставшиеся ребята сидели вокруг него.

— Мальчики! Ну, как дела? — Леночка первая увидела подходивших к лагерю мужчин.

— Брода не нашли, — покачал головой Коля.

— Я даже представить не мог, что эта река такая глубокая. — Сказал Юра.

— Да, а в некоторых местах к берегу не подойти — скалы, — поддержал разговор Стас, стягивая сапоги.

Леночка подошла к нему и погладила по плечу:

— Устали, да? Ребята, а мы тут с девочками ужин приготовили. Он, правда, остыл, но мы сейчас подогреем. Давайте к столу. Голодные ведь.

— Сейчас. Переобуемся только, — Коля пошёл к машине.

Когда все собрались около стола, Леночка и Ира стали раскладывать ужин по тарелкам. Они, что б хоть как-то сгладить напряжение накрыли всё красиво: разложили по креманкам соусы, порезали овощи, выложили на тарелки нарезку из колбас и сыров.

— Ириша, вы — то поели сами? — Спросил Коля, беря тарелку с макаронами из Ириных рук.

— Нет, — она грустно покачала головой, — мы вас ждали... Мы так расстроились, что и есть не хотели.

Юра взял бутылку водки, налил себе полный пластмассовый стакан:

— Кто-нибудь ещё будет?

Андрей и Стас подвинули стаканы, Николай отрицательно покачал головой, Саша с Павлом и Максом взяли коньяк.

— А ты почему не пьёшь? — Спросила негромко Ира сидевшего рядом с ней Колю и подала одноразовый стаканчик Павлу, что б он налил ей коньяка.

— Только чуть-чуть, Паш.

— Мне ещё команду встречать. Бойцы должны подъехать.

— Какие бойцы? — Удивилась Ира, и рука с коньяком застыла около рта.

— Спасатели, — сказал Юра и налил себе опять полный стаканчик водки.

Ира повернулась к нему и хотела сказать, что не стоит так много пить, но Коля, словно угадав её мысли, дотронулся до её плеча и покачал головой, мол, не останавливай. Юра

залпом выпил, закусил маринованным огурцом и сделал себе бутерброд с колбасой и сыром.

— Юр, ну что ты не ешь совсем? — Галюня заботливо подвинула ему тарелку.

— Спасибо, Галочка, не хочется что-то. — Юра доел бутерброд, плеснул себе ещё водки, выпил.

— Пойду, лягу, — сказал вникуда и, шатаясь, пошёл к машине.

Николай попросил сигарету у Саши и поднялся из-за стола.

— Спасибо, девочки. Всё очень вкусно, — и пошёл догонять Юру.

Он успел его подхватить, когда Юрий споткнулся.

— А-а-а, — пьяно протянул Юра, — ещё один спасатель... Видишь, как получают, я трус и мерзавец... Я не бросился на помощь своей женщине... А твой друг, черти бы его побрали, бросился! Герой, твою мать...

— Юра, не говори еруду.

— О! Таня мне тоже так говорила. Только, Колюня...или как там тебя... Это не ерунда. Вот он прыгнул, а я не смог. Значит, я трус. Понимаешь — трус!

— Да не трус ты! Просто растерялся.

— А-ха-ха, я растерялся! Да я испугался, понимаешь? Банально испугался! Испугался что разобьюсь или что не смогу спасти её, или утону вместе с ней... — Юра вдруг пьяно заплакал, — я струсил, Коля, струсил. А он нет...

Коля терпеть не мог пьяных мужских излияний, но Юру ему действительно было жалко. Как объяснить ему, что не каждый человек в экстренных ситуациях способен действовать. Многие, действительно, теряются, а не трусят. Он довёл Юру до машины, открыл дверь, но тот не торопился залезать в салон.

— Он не растерялся потому, что привык действовать в экстренных ситуациях. У него это отработано годами. Если бы упал ты или кто-нибудь другой, он бы тоже прыгнул. — Попытался поддержать его Коля.

— А вот ты? Ты почему не прыгнул? У тебя же тоже всё отработано годами?

— Просто Лёша опередил меня, а вдвоём прыгать глупо.

— Не-е-т, — протянул Юра, — он прыгнул за ней, не раздумывая, потому, что ещё на бензоколонке при первой встрече глаз на неё положил, понимаешь? На мою женщину положил глаз... — Юра рукавом куртки вытер слёзы. — Потерял я свою Танечку... Всё... Уведёт её твой спасатель, что б ему пусто было...

Коля помог Юре забраться в машину. Тот лёг поверх спальника прямо в ботинках и заснул, как только голова коснулась подушки.

Коля захлопнул дверцу, взял сигарету, прикурил и медленно пошёл к берегу реки. Юра, конечно, прав — Барс на его Татьяну насмотреться не мог, взгляда не отводил, потому и прыгнул за ней быстрее, чем кто-то что-то успел сообразить. Но не это его сейчас волновало. Он никак не мог понять, куда делись ребята? Что могло случиться за те несколько минут, на которые их скрыл туман. И что это за туман такой необычный? Он уловил лёгкое движение с боку и резко повернулся в ту сторону.

— Ой! — Испугано вскрикнула Ирина, — я не ожидала, что ты меня услышишь.

Они стояли друг против друга в отблеске костра. Коля ощутил комок в горле: «Какая же она всё-таки красивая! Ничего её не портит: ни отсутствие косметики, ни взъерошенные, невымытые несколько дней волосы». — Думал он, откровенно любуясь Ириной. Он был уверен, что шанс завладеть сердцем такой молодой и симпатичной девушки у него практически равен нулю. Он старше её намного, наверно, лет на пятнадцать-шестнадцать, красотой не отличается, к тому же у него уже есть залысины, да и она всегда смотрела на него чуть с высока. Первый раз он увидел её полтора года назад, когда они поехали в экспедицию на полуостров Рыбачий и влюбился с первого взгляда, как Барс в Татку. Что бы скрыть своё смущение перед ней стал изображать вот такого несерьёзного весельчака-балагура, а потом уже поздно было что-то менять. Все его знали и воспринимали, как Колюню. Одна только Таня и сумела его разглядеть под этой маской. А, может, она была права? Может, стоит перед Иринкой показаться настоящим? Ему даже как-то в голову не пришло, что Ира и видит его настоящим с того момента, как случилось это происшествие. И он даже представить не мог, как её поразило его преображение. Вместо, как ей казалось, человека пустого, возник мужчина, уверенный в себе, расторопный, быстро принимающий решение, с командным голосом и взглядом таким, от которого холодно становится. Ей очень хотелось побольше узнать о нём, но напрямую расспрашивать она постеснялась, поэтому решила зайти издали — поговорить о происшествии.

— Коля, — она и сама не могла объяснить, почему исчезло это имя — Колюня, — ты можешь мне сказать... — она запнулась.

— Что? — Николай смотрел ей прямо в глаза, и хоть Ира и не могла объяснить себе, как он на неё смотрел, но почему-то оробела под его пронзительным взглядом.

— Почему Алексей, а не Юра прыгнул за Таней?

— А ты как сама думаешь? — Коля носком ботинка ковырнул землю, в образовавшуюся лунку кинул выкуренную сигарету и прикопал её. — Чёрт, не курил уже, не знаю сколько, — проговорил он в сторону.

— Я думаю, он просто влюбился в неё, потому и прыгнул, не задумываясь. А Юра... Мне кажется, он смирился уже, что Алексей Татьяну уведёт.

— Что она, коза на верёвочке, что б её уводили, — угрюмо сказал Николай. Он заметил, что голос у Иринки дрожит и отнёс это на счёт того, что ей нравится Барс, вот она и волнуется. — То, что он влюбился в неё — это факт. А прыгнул бы он в любом случае, она — не она... Он спасатель.

— Спасение на водах? — Удивилась Ира.

— Спасение везде. Он, можно сказать, боец отряда быстрого реагирования. У нас там подготовка такая, что сначала реагируем, а потом думаем, — Коля усмехнулся.

— У нас? — Ира подошла к нему ближе. — Это что же получается? Ты тоже... быстрое реагирование?

Николай кивнул, глядя в сторону реки. Говорить о своей работе с девушкой ему не хотелось.

— Так ты, что — офицер!?

— Майор Бурмистров к Вашим услугам, сударыня! — И Коля, как недавно Алексей, шутливо прищёлкнул каблуками и наклонил голову. Ира подошла к нему ещё ближе. Она понимала, что девушка не должна так близко подходить к мужчине, это неприлично, но её словно кто-то толкал к нему.

— А зачем же тогда весь этот цирк? — С волнением в голосе спросила она.

— Какой цирк?

— Ну, ты изображал из себя такого клоуна, с которым о чём-то серьёзном не представляло возможности поговорить.

— А ты хотела поговорить о чём-то серьёзном?

— Да, я, вообще, пустобрёхов не люблю. Ой, извини.

— Ничего. Тем более что на самом деле я не пустобрёх.

— Тогда зачем? И имя ещё такое дурацкое придумал — Колюня. У тебя же очень красивое имя. Николай, Коля, Коленька, — Ира и сама не поняла, как это у неё вырвалось — Коленька, но ей почему-то очень хотелось называть его так.

Николай с удивлением смотрел на неё. Ему показалось или в её голосе действительно прозвучала нежность? Ира смутилась и отступила на шаг назад.

— А почему ты не прыгнул? — Что б хоть как-то скрыть своё смущение, спросила она.

— Из мужской солидарности. Эта женщина нравилась Алексею. Поэтому спасти её должен был он. И с моей стороны было бы некрасиво мешать ему в этом.

Ирина никак не могла понять, что с ней происходит. После развода она ничего, кроме презрения и отвращения не испытывала к мужчинам, но Николай... Ирина не была избалована ни заботой, ни нежностью, а от него исходило такое тепло, что рядом с ним Ире было уютно. А после того, как Коля волновался из-за её ноги, а потом в момент опасности не задумываясь, загородил её собой, она думала о нём постоянно. Ей очень хотелось, что б он прикоснулся к ней. Она хотела почувствовать нежность его рук, встретить его внимательный взгляд, а ещё... ещё она хотела, что б он поцеловал её. Раньше ни один мужчина не вызывал у неё такого желания. Её бывший муж отбил к этому охоту. Николай внимательно смотрел на неё. Не может же ему казаться, что она волнуется наедине с ним ничуть не меньше, чем он сам. Коля шагнул к ней и дотронулся до её щеки. И Ира сделала то, что никак не ожидала от себя, и за что её отругал бы бывший супруг, который терпеть не мог все эти телячьи нежности — она взяла его ладонь и прижала к щеке.

— Иришка, — прошептал он и привлёк её к себе. Николай слышал, как гулко стучит её сердце. У него у самого кровь в висках сошла с ума, пульсировала так, что, казалось, сейчас брызнет через кожу. Она же ощутила такой покой в его объятиях, о котором раньше даже представления не имела.

Шелест опавшей листвы под чьими-то ногами Коля услышал сразу и, отвинув Ирину себе за спину, спросил, присматриваясь, к подходящему к ним мужчине:

— Андрей, ты?

— Да. Ты Ирину не видел?

— Вот она, — Николай шагнул в сторону, пропуская Иру вперёд. — Я услышал шаги и, на всякий случай, загородил её собой.

— На какой это всякий случай? — В голосе Андрея послышался холод.

— Ну, вот хотя бы с этим волком случай. Да и мало ли кто в темноте ходит...

— А вы тут что делали?

— Андрюшка, ну что за допрос! — Возмутилась Ира. — Мы разговаривали. Разве нельзя?

— Да, можно, конечно. Просто поздно уже. Пошли спать.

— Да разве заснёшь тут с этими событиями...

— Ир, иди спать. Я думаю, наоборот, после таких волнений заснёшь быстро. Спокойной ночи, — сказал Николай и пошёл в сторону костра.

Ира посмотрела ему в след, а потом пошла с Андреем к их палатке. Брат чуть придержал её за локоть:

— О чём говорили — то?

— О ребятах. О том, почему Алексей за Таней прыгнул.

— Тоже мне, бином Ньютона! Без микроскопа видно, что он в неё влюбился! Держался изо всех сил, старался скрыть, но шила в мешке не утаишь. Другой вопрос: почему Юра за ней не прыгнул?

— Ты знаешь, он намного дальше от неё стоял. Я ведь там как раз в момент падения с Леной и оказался... Я думаю, он просто не успел. — Сказала Ира, подходя к палатке.

— А Колюня?

— Что — Колюня?

— Он тебе нравится, что ли?

— А ты против?

Андрей почувствовал, как напрягся голос сестры.

— Если честно, то нет. Нормальный мужик, между прочим. Сколько мы уже вместе с ним путешествовали раз? Четыре или пять?

— Этот пятый, — сказала Ира, забираясь в спальник. — Спокойной ночи, братишка.

— Давай, пока, — улыбнулся Андрей в темноте.

Под тяжелым впечатлением от происшедшего днём Ира никак не могла уснуть, вопреки предположениям Коли. Но не только падение Тани не давало ей покоя. При воспоминании о Колиных объятиях, о его нежном прикосновении к её щеке, она испытывала незнакомую ей прежде истому. Ощущение было такое, словно внутри её зажёгся свет, и тепло от этого света разливалось в груди. Она то впадала в дремоту, то просыпалась. Именно поэтому и услышала звук подъезжающей машины. Осторожно, чтобы не разбудить Андрея, Ира вылезла из спальника, оделась, обулась и тихонько покинула палатку. Она услышала мужские голоса и, как можно тише, стала подходить к костру. В отблеске костра были видны напряжённые лица незнакомых мужчин. Их было четверо. Они что-то негромко обсуждали. До неё

долетели обрывки слов:

— ... Лучами солнца... берег... кофе...

Она решила подойти поближе к сидящим за столом, что бы расслышать, о чём они говорят. Шаг, ещё шаг, ещё и...под ногой треснула ветка. Тут же в её сторону метнулся луч фонаря и мужской голос рявкнул:

— Стоять! Руки!

Она зажмурилась от яркого света.

— Отбой! Свои. — Раздался голос Николая.

— Ира, объясни, что ты тут делаешь? — Он подошёл к ней и опустил руки, которые она послушно подняла. Потом взял под локоть и подвёл к столу.

— Это Ирина. Она с нами... в поездке. Впрочем, одна из путешественников.

— Кэп, а у вас все такие симпатичные путешественники? — Хохотнул круглолицый парень, внимательно ощупывая её взглядом. Ира непроизвольно придвинулась к Коле, словно ища у него защиты.

— Балу! Язык придержи, — грозно произнёс Николай.

— Всё, всё! — Балу в шутку приподнял руки вверх. — Понял, товарищ майор, не дурак.

Высокий худощавый парень поднялся из-за стола.

— План действий на завтра понятен, товарищ майор. Можно идти спать?

— Да. Отбой.

Мужчины встали. Кто просто кивнул Коле, кто пожелал спокойной ночи и они отправились к машине.

— Ну, и как это понимать? — Коля строго посмотрел на Иру.

— Я никак не могла уснуть, услышала шум машины и решила посмотреть... — смутилась она. — Не надо было?

— Почему не спалось?

— У меня, как только глаза закрою, сразу эта картина — Таня падает, а Лёша прыгает за ней... А ведь он даже не знал, глубоко там или мелко, понимаешь? Там могли быть камни... Ну, на глубине... Он мог разбиться, а он даже не подумал об этом. Просто прыгнул. Меня это так поразило... Я раньше и представить не могла, на что способна любовь... Я бестолково говорю, да?

— Нет, не бестолково. Надо же... А я и не знал, что ты такая... восприимчивая, что ли.

— А ты думал, какая я?

— Честно?

Ира кивнула. Ей очень хотелось знать, что думал о ней Николай.

— Боюсь, тебе не понравится это.

— Что, так плохо обо мне думал?

— Я видел избалованную красотку, равнодушную к чужёму горю и безразличную ко всему тому, что не касается тебя лично.

— Это у меня защитная оболочка такая, — пробормотала она, — а за красотку спасибо.

— Да? И от кого ты так защищалась? — Николай наклонился к ней. Лицо его было так близко, что она чувствовала его дыхание.

— От пустых и назойливых мужчин...

— Некоторых мужчин, наоборот, это привлекает.

— А тебя?

— Меня это ужасно злило, но точно не привлекало.

— Ведь ты тоже прятался под маской этакого весельчака и меня это...

Договорить Ира не успела — Николай обнял её и нежно коснулся губами её губ. Потом чуть отстранился и посмотрел на неё — не сердиться ли?

— Коленька, я никогда не буду больше тебя ужасно злить, — прошептала она и подставила ему губы для поцелуя. Он целовал её долго и нежно, наслаждаясь вкусом её мягких губ и до конца не веря в происходящее: Ирочка, девушка, которая казалась ему недоступной, и о которой он мог раньше только мечтать, была в его объятиях и робко отвечала на его поцелуи. Ире же, которая никогда прежде не испытывала сладости поцелуя, казалось, что земля уходит изпод ног.

— А я тоже должен перестать балагурить? — Спросил Коля, с сожалением отрываясь от её губ.

— Нет, мне нравится, как ты шутишь и смеёшься, — она погладила его ладонью по груди.

Николай с трудом сдерживал себя: руки подрагивали, низ живота тянуло, но он боялся, что его напор может разрушить ту хрупкую атмосферу нежности и доверия, которые возникли между ними.

— Ириша, пойдём спать, — он провёл рукой по её волосам, нежно взъерошил.

— Да, конечно. У тебя завтра трудный день... — и она шагнула в сторону.

— Ир... У тебя есть кто-то? — он задержал её.

— В смысле?

— Парень есть? Ты встречаешься с кем-то?

— Если бы у меня был парень, я бы не позволила тебе даже дотронуться до меня, не то, что бы целовать, — голос у неё задрожал от обиды. — Как ты мог так обо мне подумать?.. — Она попыталась высвободить руку, но Коля привлёк её к себе.

— Нет, Ириш, ты не поняла... Я не думал о тебе плохо... Я просто хотел сказать, что люблю тебя, что ты нужна мне... Я понимаю, я старше тебя намного, наверно, не о таком мужчине ты мечтала, но скажи — я могу рассчитывать на то, что мы, когда это всё закончится, будем вместе?

— Ты хочешь со мной встречаться? — Теперь её голос дрожал от волнения.

— Нет, я хочу с тобой жить, — выпалил он на одном дыхании. — Я понимаю, что сейчас неподходящее время для такого разговора, но...

— Жить!? — В её голосе смешались удивление и недоверие.

— Да, и не просто жить, я хочу, чтобы мы поженились. Потом, когда мы найдём ребят, я сделаю тебе предложение по всем правилам этикета — кольцо, цветы, шампанское... Если, конечно, ты захочешь...

— Я не знаю... Я не думаю...

Коля опустил руки и отступил от неё:

— Прости, не надо было этого говорить...

— Нет, ты не понимаешь... Я уже была замужем и моё прошлое замужество... оно оставило не лучшее впечатление о супружеской жизни, к тому же... я просто боюсь.

— Чего именно?

— Предательства.

«Опять это слово! Что же сделал её бывший супруг?» — подумал Коля.

Она опустила голову и медленно пошла к палатке.

— Ириша, подожди, — он догнал её и снова взял за руку, — не надо всех одной мерой мерить. Все люди разные и то, что свойственно одному, абсолютно недопустимо для другого. Поверь, я никогда тебя не обижу и никогда не позволю обидеть тебя кому — бы то ни было. — Он прижал к губам её руку. — Пойдём, я провожу тебя. Около палатки он задержал Иру и поцеловал сначала в щёку, потом в висок и едва коснулся губ, как раздался звук открываемой молнии и из палатки выглянул Андрей.

— Так, я не понял! Руки от сестры моей убери! — Он мгновенно оказался на ногах.

Ира обняла Колю:

— Андрей, не ругайся. Поверь, Коля не сделал ничего такого, что было бы мне неприятно палатку... Единственное, что он сделал, так это предложение.

— Какое предложение?

— Стать моей женой. — Чуть хриплым голосом сказал Николай.

— Ну, вы, блин даёте! И что ты ответила?

— Обещала подумать. Спокойной ночи, — и Ира, поцеловав Колю в щёку, нырнула в

палатку.

Николай никак не мог заснуть. Он понимал, что завтра, точнее, уже сегодня предстоит трудный день и надо бы отдохнуть, но сон не шёл. Слова Ирины о том, что она обещала подумать, вселяли в него надежду и, в то же время, сомнение. Ещё ему очень хотелось узнать, что же за предательство она пережила. Сначала он хотел поговорить об этом с Андреем, но решил, что это будет неправильно. Пусть уж Иришка сама всё расскажет. Тогда будет понятно, насколько она ему доверяет.

Ира тоже не могла долго заснуть. Андрей, надо сказать ему спасибо, не стал задавать ей никаких вопросов и не давал никаких советов. Пожелал ей спокойной ночи и, похоже, сразу заснул. Она же пыталась разобраться в себе. Николай ей действительно нравился, раз уж ей были приятны и его объятия и поцелуи. Ведь после развода ни один мужчина не дотрагивался до неё, потому что даже мысль об этом приводила её в дрожь. Одно только воспоминание о близости с мужем вызывало отвращение, и она думала, что это распространяется на всех мужчин. Потом она решила, что это, наверно, с ней что-то не так. Ведь она видела и брата с невесткой, и девушек на работе с их молодыми людьми, и ту нежность, которую они испытывали друг к другу. И вот всё изменилось тогда, когда Коля сначала заботливо ощупывал её ногу, а потом загородил от волка. Или нет? Или ещё раньше, когда они разговаривали с Таней? Разве не о таком мужчине она мечтала, читая книги о любви? Похоже, её мечты осуществились: в нём были и сила, и смелость, и нежность, и заботливость. Единственное, что её пугало, это близость. Она даже думать боялась о том, что придётся с ним делить постель. «Хотя, если его поцелуи так нежны и приятны, может, я смогу вытерпеть всё остальное?» — Думала Ирина уже в дрёме. Ей снился странный сон: они с Колей на пушистом ковре перед камином сидят и пьют шампанское, потом он берёт её за руку, надевает на палец кольцо, и целует каждый пальчик.

Проснувшись она около семи утра. Ира вообще была ранней пташкой и легко вставала утром. Воспоминание о сне немного тревожило её, ведь кольцо снится обычно к разлуке. Ира помнила, как её няня рассказывала кухарке, что её сестре во сне жених подарил кольцо, а потом они расстались. Осторожно, чтобы не разбудить брата, она оделась и покинула палатку. Решила, раз уж проснулась, то надо сделать завтрак мужчинам. Ведь их ждал долгий и трудный день. К тому, что женщина должна обязательно кормить мужчину, её приучали с детства. У неё даже была нанята гувернантка, которая с десяти лет преподавала ей искусство кулинарии. Готовить Ира любила и умела. В семье брата готовку она брала на себя, что бы хоть как-то облегчить Марине домашние заботы. Она быстро пошла к реке, что бы привести себя в порядок и успеть приготовить завтрак, пока мужчины не встали. Когда она вернулась в лагерь, то увидела, что Коля стоит около стола. На какой-то момент она оробела. А вдруг сон в руку? Ира подошла так, что б Коля сразу мог её увидеть.

— Доброе утро, — улыбнулась она.

— Доброе. — Коля был удивлён. — Ты что встала ни свет ни заря?

— Я всегда рано просыпаюсь. А раз проснулась, то завтрак приготовлю тебе и твоим друзьям. Мне не трудно, правда.

Она присела на корточки и стала вынимать из ящика продукты. Ира думала, что

Николай обнимет и поцелует её, но он лишь поставил чайник и спросил:

— Иринка, кофе будешь?

Она кивнула. Стала раскладывать продукты на столе и Коля заметил, что руки у неё подрагивают.

— Ириш?

— Что? — Она не подняла голову, а продолжала рассматривать продукты. Потом взяла нож и постаралась вскрыть упаковку с беконом.

— Ира, дай я, — он подошёл к ней, забрал из её рук нож и вскрыл упаковку сам. Потом повернул её к себе и попытался заглянуть в глаза — она отворачивалась.

— Маленькая моя, — обнимая и целуя её в висок, сказал Коля, — девочка моя хорошая, ну что такое с тобой? Из-за чего ты расстроилась? Из-за того, что я не поцеловал тебя, когда пожелал доброго утра? — Ирина кивнула. — Если я начну тебя сейчас целовать, то не смогу заниматься поисками.

— Почему? — Она, наконец, посмотрела на него, и он заметил слёзы в уголках глаз.

— Потому, что я буду всю дорогу думать только о тебе, вспоминая, какая ты у меня сладкая и никакого толку от меня не будет, а мне надо людей спасать. — Он поцеловал её глаза, потом чмокнул в нос. — Ты же хочешь, что бы мы нашли ребят? Правда? Ты пойми, моя хорошая, мысли о тебе, о твоих восхитительных губах будут отвлекать меня от поиска...

Он увидел, как в глазах Иры вспыхнула радость.

— Я так испугалась, что за ночь ты передумал со мной встречаться...

«Она совсем, как ребёнок. — Подумал он. — Словно маленький испуганный щенок, который боится, что его больше не приласкают... Кто ж ей душу так изранил? И как?»

— Ну, что ты, маленькая! Разве я смогу остаться без твоей нежности? — Он прижал её к себе. — Ирочка, ты просто знай, что для меня не существует ни одной женщины, кроме тебя, знай и помни это, маленькая.

Ира, которая никогда раньше не слышала подобных слов ни от одного мужчины, очень хотела слышать их ещё и ещё. Она боялась, что если сделает что-то не так, то Коля никогда больше не поцелует, не приласкает её, а ей так нравились его нежные слова и прикосновения... Она робко улыбнулась:

— Хорошо, Коленька. Прости, я не хотела тебя расстроить... Давай, я завтрак начну готовить, а то твои друзья скоро встанут.

Ира решила поджарить бекон с овощами и подать его с гречей, поэтому она поставила кастрюлю с водой на огонь и отправила туда пакеты с крупой. Вскипел чайник и Николай сделал две чашки кофе: себе и Ирине, положил на стол шоколад и печенье, которое достал из ящика с надписью «вкусняшки». К ним подошёл Балу и вместо приветствия, воскликнул:

— Что же вы в такую рань подскочили, товарищ майор!? Я вот с такой девушкой до обеда бы провалялся, а то и до ужина!

— А по сопатке? — Беззлобно сказал Коля, но взгляд его стал жёстким.

Балу, ничуть не смутившись строгости майора, взял его чашку кофе, посмотрел на Иру и с бесшабашным видом продолжил:

— Ирочка, ну зачем тебе майор? Бросай его и уходи ко мне.

— С чего бы?

— А вот с чего, — Балу стал загибать пальцы, — я намного его моложе, я намного его красивей и характер у меня весёлый, а ещё он лысеет, а я нет. Ну, вот спроси у любой женщины из вашей экспедиции и она скажет, что я намного интереснее его.

— А меня не интересует чужое мнение о моём мужчине. Мне достаточно того, что я имею своё.

— О, Кэп, а она умненькая девочка. Имеет своё мнение. — Хохотнул Балу, отпил кофе и подмигнул Иринке. — Ну теперь я точно её у тебя уведу.

— Ничего не получится, — покачала головой Ирина.

— Это почему же!? — Воскликнул Балу. — Вот чем я его хуже?

— Не хуже, но ты же сам сказал, что я умненькая, а не одна умненькая девочка не променяет мужчину, который любит её, на мужчину, который любит только себя.

Балу замер с чашкой у рта. Его весёлый взгляд вдруг стал серьёзным.

— Ничего себе, ты меня умыла!

— А то! — Усмехнулась она.

— Кэп?

— Ну, что «Кэп»? Один ноль, — Коля развёл руками и улыбнулся Ире. На самом деле он был удивлён, слушая её шутливую пикировку с Балу. Она открылась для него совсем с другой стороны. Вместо маленькой испуганной девочки, которая только что была готова расплакаться из-за того, что он не поцеловал её, перед ним была женщина, готовая постоять за своего мужчину и защищать свои отношения. Он не ожидал, что она способна на такое суждение.словно два человека были в ней одновременно. К тому времени, как проснулись остальные бойцы, Ира приготовила сытный завтрак и заварила кофе. Андрей тоже проснулся и присоединился к завтраку, предварительно познакомившись с присутствующими, и даже принял участие в их разговоре. Мужчины с удовольствием поели, поблагодарили её и двинулись на поиски пропавших. Так как берег реки был исследован и брод не найден, решили поехать на машине и найти мост или переправу на другую сторону. Уходя, Коля поцеловал Иринку в шею и шепнул на ухо:

— Иди, поспи, пока лагерь отдыхает. Поиски могут продлиться до позднего вечера, поэтому не переживай, если нас долго не будет. Люблю тебя, моя девочка.

Отряд из пяти мужчин отправился на машинах на поиск пропавших людей. Сначала они ехали по широкой грунтовой дороге. Когда увидели поворот к речке, сразу свернули, но через несколько минут оказались на большой стоянке у берега реки. Они вышли из машин. Коля был на своём «Джипе», бойцы на «Патриоте»

— Мы вчера до неё дошли, — сказал Коля, — дальше вдоль берега не пройти, смотрите, какие заросли. А ещё дальше, вот отсюда даже видно, начинаются скалы.

— Ну, что ж, — Шериф смотрел карту в навигаторе, — в паре километров отсюда какой-то мост обозначен. Давайте к нему.

Они доехали до моста. Переехали на другой берег реки, остановились и снова вышли.

— Двинемся вверх по течению?

— Конечно, вверх. Они бы мимо моста не прошли, это точно. И если в лесу заночевали, то, скорее всего, мы их где-то тут и встретим.

Отряд неспеша двинулся по тропе вдоль берега, внимательно осматривая всё вокруг. Тропа была широкая, правда, давно не хожена. Потом трое углубились в лес, а двое пошли ближе к берегу. Нечто необычное они обнаружили примерно часа через полтора. Недалеко от тропинки к высокому дереву были привязаны двое мужчин.

— Слав Богу! Мужики! Развяжите, а? Ну, сил нету, как всё онемело. — Прохрипел один из них.

Балу присел рядом, перерезал верёвку. Потом посмотрел на узел из ремня.

— Кэп, это Барса узел. Только он так завязывал. Помнишь, ещё на спор никто развязать не мог? — Балу разрезал ремень сначала одному, потом другому. Те остались сидеть на земле и со стонами пытались шевелить пальцами. Тот, что попросил развязать, выматерился.

В нескольких шагах от них были расположены два погасших костра, над одним из которых висела женская безрукавка.

— Это Танина безрукавка, — Коля снял её с перекладины. Рядом валялись две комфляжные куртки, большой рюкзак и голубой рюкзачок. — И рюкзачок её.

Коля заглянул в рюкзачок и присвистнул:

— Арбалет! Ничего себе у Тани экипировка.

— Аа, так вот из чего он Битюка завалил, — просипел один из мужчин.

— Кто кого завалил? — Шериф оглянулся по сторонам.

— Да парень такой здоровый... Ваш боец, наверно?

— Наш. Где тот, кого он грохнул?

— Так это... он его туда, через тропинку отволол в лес и ветками прикрыл.

Шериф и Марат пошли в ту сторону, куда кивнул беглый. Действительно, тело мужчины в комфляже лежало, прикрытое ветками. К ним подошёл Ювелир.

— Шериф, а нам ведь повезло. Помнишь, ориентировка на днях пришла, что из-под Сегежи трое бежали? Ещё несколько наших туда перекинули и вояк в ружьё поставили? Так вот, это, похоже, они.

Балу в это время спросил у растирающих посиневшие кисти мужчин:

— Куда он ушёл?

— Не он, а они. С ним девка была. Такая... это... знаешь, сочная такая...

— Зубы давно считал? — Гаркнул Балу. — Нечего на чужих девок глазеть.

— Это точно, — сплюнул тот через щербину между зубов, — мы вот доглазелись, что Битюг аж зажмурился.

— Вопрос слышал? Где они?

— Ну, так это... ушли они... Куда — не докладывали. Кофе наш выжрали, одежду просушили... чё они её сушили, где промокли, пёс их знает. Мы, когда подошли, так это... они в одних трусах и были оба... А боец-то ваш силён, падла... Ой, ты чё! — Вскрикнул он, получив от Балу слабый тычок кулака в зубы. — Чё дерёшься-то?..

— Базар фильтруй. Про офицера говоришь.

— Так это комплимент бойцу вашему. Он это... ловкий больно... Да и девка не дура оказалась, задом своим так вертеть начала ну и...

— Что и? Слюни распустили?

— А ты б не распустил? На ней, кроме трусов ничего, я ж те говорил уже...

— Балу, подойди, — позвал Коля, — смотри, кофе недопитый остался.

— Думаешь, врут?

В это время один бандит другому:

— Не будем про волков рассказывать... Всё равно не поверят, ещё и за дураков примут...

— О чём шепчемся? — Балу подошёл к ним.

— Так, это... руки до сих пор еле шевелятся, так и ноги тоже... Вот, обсуждаем... И куртки бы наши вернуть, а? За ночь думали, кони двинем от холода... Ты, это... начальник, будь человеком, хрен с ним с кофе, хоть кипятку плехни... Или чего покрепче не пожалей, если это... есть, конечно.

Балу повернулся к Кэпу:

— Что скажешь, командир?

— Сейчас решим.

Николай подошёл к трём бойцам, стоящим рядом с убитым, в глазу которого зияла дыра.

— Да, узнаю Барса. Точное попадание. Ну, что, бойцы, этих надо бы в ближайший город, передать властям. Давайте так: кофе им сейчас сделаем, не звери же мы. Потом вы с этими в город, а мы с Балу на поиски.

— Так машина Балу, — сказал Марат. — Давай я с тобой, а его за руль. Идёт?

— Добро. Этого надо упаковать как-то. Не оставлять же в лесу, — кивнул он на покойника.

— Решим, — сказал Шериф.

Коля вернулся на поляну, кивнул Балу и тот стал разжигать огонь, что б подогреть воду.

— Ну, так куда говоришь, они пошли? — Николай возвышался над людьми, сидевшими на земле.

— Так, это... туда и пошли, ну, вверх по реке.

— Значит, оружие оставили, рюкзак и одежду оставили и пошли?

— Не, с оружием ушли. У нас АКМ был, боец ваш его и прихватил.

— Точно вверх по течению?

— Ну, так это... да.

— Почему не вниз?

— Так не докладывали... Просто пошли...

— Ну, смотри, если врёшь... — Балу провёл ребром ладони себе по горлу, — голову

оторву и скажу, что так и было.

— Ну что, ты, начальник, что мне за резон врать.

Обжигаясь, уголовники пили кофе. Балу, по доброте душевной плеснул им в чашки коньяка из маленькой фляги, которую носил всегда с собой. Зеки поглядывали на здоровенных мужчин с опаской. Они прекрасно понимали, что шанса на повторный побег у них нет, поэтому смирились со своей участью. Когда они размяли ноги и смогли двигаться, к ним обратился Шериф:

— Давайте-ка руки вам свяжем снова.

— Да ты что, начальник! — Воскликнул тот, что получил по зубам от Балу. — Без рук ведь останемся! Будь человеком!

— Ты не понял что-то? Или тебе тихо сказали?

— Всё, господа алкоглики, лодыри и тунеядцы! — Перефразировал известные слова из кинофильма про Шурика Балу. — Лафа закончилась, наступили унылые будни, — с этими словами он развернул к себе спиной одного из беглых и ловко связал руки сначала ему, потом другому.

— Ну, что, счастливые вы мои: шаг вправо, шаг влево — стреляю на поражение. Вопросы?

— Нет вопросов, — обречённо шмыгнул носом щербатый.

Отряд разделился. Шериф, Ювелир и Баллу вместе с задержанными отправились обратно к машинам, а Николай с Маратом вверх по течению, куда, как уверял бандит, ушли Барс с Таней. Они договорились, что встретятся вечером уже в лагере. Через некоторое время, не обнаружив вообще никаких следов, Николай остановился:

— Тут что-то не так. Не могли они следов не оставить. Хоть трава должна быть примята, хоть веточка сломана... И потом, смотри, мы сейчас по тени идём и земля во многих местах влажная, а следов нет. Обувь у них с рефлённой подошвой... нет, что-то не то...

— Вот ведь дураками родятся, — Марат тоже внимательно осматривал тропку. — Думаю, зек нас обманул. Не туда отправил.

— А куда ещё? Мы, пока до поляны дошли, тоже следов не видели. Чертовщина какая-то с этим лесом, — в сердцах сказал Николай, прикуривая.

— Кэп, ты же не куришь!

— Закуришь тут, когда знамя полка пропало, — невесело пошутил он в ответ, — я думаю, надо туда вернуться, где мы беглых нашли.

— Слушай, расскажи ещё раз, как они исчезли, — попросил Марат, когда они шли обратно.

— Да сам ничего не понимаю! Я же говорил: стоим на берегу, нас четыре взрослых трезвых мужика; видим, как Барс Таню на берег вытащил, стал в чувство приводить, мокрую одежду снимать, хорошо видим, чётко. Потом туман этот непонятно откуда взялся и именно то место, где они на берегу находились и заволокло. И туман такой необычный: синий и плотный. Настолько плотный, что через него ничего не видно было. — Долго?

— Точно не скажу. Может, минута, может две... Только, когда туман исчез, их уже не было.

— А ты примерно берег узнаешь?

— Трудно сказать, камни и камни. Надо будет от поляны к берегу спуститься и всё осмотреть.

Они прибавили шагу и уже через несколько минут были на том месте, где нашли привязанных к дереву мужчин. Поляну осмотрели очень тщательно. Ничего. Берег весь облазили, тоже ничего. Кэп подошёл к тому месту, где лежал убитый. Отчётливо были видны следы волочения, его собственные и следы бойцов, оставленные ими пару часов назад. Он отошёл на несколько шагов вглубь леса и замер:

— Марат, как же мы не заметили! — Почти прокричал он и выругался. Марат поспешил к нему с поляны.

— Осторожно, не затопчи! Смотри!

Это были едва заметные следы от лап крупных животных. Они присели на корточки.

— Опять волки! Или это собаки? Как думаешь? Чёрт! Занялись этими упырями и не видели ничего. Поди знай теперь, когда эти следы появились.

— Ну, то, что не после нас, это точно. Видно, что следы не свежие. А вот, смотри! — воскликнул Марат. Рядом со следами зверей чётко проглядывались следы от рефлённой подошвы ботинка маленького размера и гораздо большего. — Смотри, следы близко друг к другу... Глубокие, словно они долго стояли... А потом, — он повертел головой по сторонам

и даже посмотрел вверх, — нет больше следов. Ни от ботинок, ни от лап. Не могли же они улететь!

— Вооот! Так же и мы вчера по нашему берегу метались со словами: «Не могли же они исчезнуть»!

Николай вынул телефон и несколько раз под разным углом сфотографировал следы.

— А что значит твоё «опять волки»? — Поинтересовался Марат.

— Это я по дороге расскажу тебе. Я со всей этой кутерьмой про волка даже и не вспомнил. Ещё хотел у Балу спросить: не рассказывали, случаем местные, про больших чёрных волков. Может, встречал кто когда или легенда какая-то. Да из головы вылетело со всеми этими приключениями.

— Что делать будем?

— Я думаю, надо возвращаться в лагерь. Балу знает местных. Собаки нужны. Как думаешь, он сможет насчёт собак договориться?

— Балу всё может, — усмехнулся Марат. — Он после твоего звонка такую бурную деятельность развёл, что пару его друзей чуть ли не переругались из-за того, кто великого Барса будет спасать.

— Великого? Вот балагур, — покачал головой Николай и вспомнил Иринку. Как там она сказала? «Не люблю пустобрёхов»? При воспоминании о ней он улыбнулся.

К машине они вернулись очень быстро, решив не идти, а пробежаться. Когда уставшие и недовольные результатами поисков они вернулись в лагерь, их встретили немым вопросом.

— Как сквозь землю провалились. Не нашли мы их. Следы нашли, а их нет, — подходя к столу и оглядывая собравшихся путешественников, развёл руками Кэп.

— И что теперь делать?

— Будем насчёт собак договариваться.

— А нам-то что делать? — спросила Галюня.

— В смысле?

— Ну, мы до конца поисков должны здесь находиться? — Поддержал её Саша.

— Да подождите вы, — махнул рукой Андрей, — дайте людям отдохнуть. С утра ведь на ногах. И голодные. Иринка, ты бы покормила мужчин. Кстати, а где ещё трое?

— Мы сбежавших из тюрьмы нашли. Они их в полицию повезли, — Коля взял кружку, налил воды и залпом выпил.

— Вот это да! — Воскликнул Стас.

— Это что же получается, мы тут всё это время в опасности находились? — Ужаснулась Оля.

— Нет, они бы сюда не добрались.

— А если бы добрались? — Голос у Оли задрожал.

— Олечка, не переживай! У Юры «Сайга», мы с Барсом вооружены...

— Кто такой Барс?

— Это Алексей, — хмыкнул Юрий.

— А что за кличка такая странная?

— Оля, — с укором сказал Кэп, — клички у собак, а у нас позывные.

— У кого это «у вас»? Так, может, ты всё-таки скажешь, кто вы? — Юра смотрел на него исподлобья.

— Андрей, ты не говорил?

Андрей отрицательно покачал головой.

— СОБР, что ли? — Спросил Юрий.

— Ну, скажем так: отряд «А», — нехотя ответил Николай, — давайте не будем в это углубляться.

— Так ты знал? — Удивился Стас, обращаясь к Андрею. — А почему не сказал?

— Так вы и не спрашивали. К тому же, после вчерашнего разговора, я думал, вы поняли сами.

Наступила немая сцена, прямо как у Гоголя. Мужчины переглядывались.

— Я подогрею сейчас ужин, — засуетилась Ира, стараясь сгладить неловкую тишину, — вы присаживайтесь. Мы поели буквально перед вашим приходом. Есть суп из рыбных консервов и каша гречневая с мясом. Что будете?

— Всё будем, — Коля посмотрел на неё с нежностью и Иринка, которая старалась всё это время избегать его взгляда, смущённо улыбнулась ему.

Пока она и Галя накрывали на стол, Кэп рассказал обо всём, что с ними приключилось.

Когда они поели, Коля поблагодарил за вкусный обед.

— Можно чаю, — попросил Марат.

— Да, конечно, — Леночка включила газ и поставила чайник.

Коля встал из-за стола:

— Пойду пару звонков сделаю.

Оказывается, Балю и бойцы были ещё в городе, в полиции. Кэп попросил, что б он порасспрашивал уголовников о волках, а заодно попросил узнать, есть ли возможность позвать на помощь кинологов с собаками.

Когда он подошёл к столу, Ирина спросила, налить ли ему чаю, но он попросил кофе. Ему нравилось наблюдать, как она готовила. На какой-то момент Коля представил, что он сидит в их с Иринкой доме, а она хлопчет на кухне. Ему стало так тепло от этой мысли...

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

— Ну, а возвращаясь к вашему вопросу, — Николай с благодарностью принял кружку кофе из Ириных рук, — могу сказать, что задерживать вас нет смысла. Вы же не поисковый отряд. Вы можете экспедицию продолжить или по домам... Тут вы сами решайте. Только знаешь, что, Паша, я вспомнил. Ты же всё фотографировал. И тот момент, когда Таня упала с утёса, а Барс за ней прыгнул, и когда он её из воды вытащил. Если не возражаешь, давай посмотрим.

— Да мы тут уже сто раз всё посмотрели! Я только ждал, когда вы поедите, что б продемонстрировать всё. Ты бы знал, какая там хрень! — Воскликнул он. — Сейчас сам всё увидешь.

Он принёс фотоаппарат и Кэп с Маратом стали внимательно рассматривать кадры.

— Вот! Смотри! — Павел увеличил фото.

— Вот помяни чёрта, так он и рога покажет! — Выдохнул Коля.

— Твою ж дивизию! — Воскликнул Марат.

На снимке, там, где Таня падает вниз, в воздухе чётко просматривался силуэт мужчины. Он словно завис над рекой чуть выше утёса с протянутыми вперёд руками.

— Вот что это за хрень! — Возбуждённо говорил Павел. — Мы тут головы уже сломали, что это может быть.

Мужчина получился так чётко, что можно было рассмотреть его профиль и одежду. Одет он был в высокие сапоги, обтягивающие брюки и свободного покроя рубаху. В руках он держал нечто очень похожее на бусы. Николай переглянулся с Маратом. То, что они видели, не поддавалось никакому объяснению.

— Это ещё не всё! — Сказал, волнуясь, Паша. — Сейчас продолжение будет.

Он промотал несколько кадров вперёд. Приблизил фотографию, на которой, пусть далеко, но всё же чётко было видно, как Алексей растирает Таню, надо полагать, спиртом. Рядом, в нескольких шагах от них силуэт волка, который сидит. Только, если силуэт мужчины был очень тёмный, почти чёрный, то волк, наоборот, казался белым. Следующий кадр после этого был полностью синий, а на следующем уже не было никого — ни волка, ни людей.

— Странно, а у Барса на телефоне тогда волка не было видно. Да и кадр был только один, а он говорил, что сфоткал несколько раз.

Теперь уже Кэп и Марат замолчали, потрясённые увиденным.

— Я не понимаю, что здесь происходит... Мы словно в каком-то другом мире... — в полголоса сказал Николай.

— Или в страшном сне, — вздохнула впечатлительная Оля.

— Мы тут, что только не думали по этому поводу, — добавил Макс, — и решили, что самое подходящее слово для происходящего — чертовщина. Я вот скажу честно — не хочу здесь оставаться. Поеду прямо сейчас. Я вашего возвращения ждал. Думал, вы с ребятами вернётесь, и завтра тронемся дальше, но раз такое дело... Я поеду.

— Да, конечно. Все, кто хочет, поезжайте... Сейчас ещё не поздно.

Юрий предложил разделить продукты между теми, кто поедет и кто останется. Остаться, кроме него никто не захотел. Впереди была намечена интересная поездка на

Воттоваару, но Галя, Саша и Максим решили вернуться домой и отправиться в дорогу прямо сейчас, а питерские экипажи и Павел с Олей решили следовать намеченному маршруту и тронуться в путь завтра с утра. Коля заметил, что Иринка приуныла после того, как решение было озвучено. Она стала собирать со стола грязную посуду.

— Иришка, давай я тебе с посудой помогу. Вместе пойдём, помоем, — предложил Николай. Она грустно кивнула в ответ.

— Ириш, ты что сникла? — Он поставил на траву посуду и, взяв её за подбородок, заглянул в глаза. — Что случилось, маленькая?

— Я не хочу никуда ехать. Я хочу остаться с тобой, — Ирина никак не ожидала от себя такой смелости. Мама всегда говорила, что женщина должна скрывать свои чувства и не показывать, что мужчина ей нравится. Это прочно сидело у неё в голове до сегодняшнего дня.

— Хорошая моя, — Коля погладил её по щеке, — я так рад, что ты этого хочешь. Думал, сам тебе это предложить, а ты меня опередила. Андрею говорила?

— Нет ещё.

— И не надо. Я сам поговорю с ним.

— Почему ты?

— Я всё-таки мужчина, а принимать решения — это дело мужчин.

Когда они вернулись в лагерь, ребята уже готовы были ехать и ждали только их, что бы попрощаться. После их отъезда Оля предложила попить ещё чайку и поставила чайник. Коля подошёл к Андрею:

— Андрюш, на минутку, — кивнул он головой, предлагая отойти ему в сторону, — разговор есть.

Они отошли. Андрей предложил сигарету, и Коля не отказался.

— Если ты не возражаешь, Иринка останется со мной в лагере до конца поиска.

— А если возражаю?

— Всё равно останется. Она этого хочет, не меньше, чем я. Ты за неё не волнуйся. С ней будет всё в порядке, можешь мне доверять. Со мной она будет в полной безопасности.

— А пока вы будете заниматься поисками она тут, в лесу, одна будет?

— Ну, кто же лагерь без присмотра оставит. Всегда хоть один боец да останется здесь.

Андрей повернулся к нему лицом и пристально посмотрел в глаза.

— Не доверяешь?

— Ты действительно хочешь на ней жениться?

Николай кивнул.

— Любишь её?

— Слов таких нет, что б сказать, как люблю, — вспомнил он слова Барса. — Если она не захочет потом поехать ко мне, я привезу её к вам домой.

— Коль, если честно, я против тебя ничего не имею. Даже рад, что ты, а не кто-то другой. Как вы там говорите? Солдат ребёнка не обидет? Просто Ира... Ты пойми, у неё, что детства, что юности, считай, и не было. Её отец, мой отчим, хотел сына, а тут девочка... У матери после родов осложнения какие-то были, и родить она больше не смогла. Да ей и не нужны были дети... Она всю жизнь только себя любила. Меня вот в интернат сдала, что б с новым мужем жить не мешал. На выходные, правда, забирала. Я с Иришкой всегда возился с удовольствием. Она потешная была маленькая, не капризная совсем. Впрочем, у меня, кроме

неё, считай, родной крови и нет, вот детки ещё. А так... отец умер, мать всегда как чужая была. Ни то, что меня, Иринку никогда не поцелует, не приголубит. Она, может, поэтому ко мне с детства и тянулась. Недолюбленная она. Отец её в строгости держал, всё боялся, что б она золотой молодёжью не стала и деньги на ветер не пускала. Лет с пяти была загружена кружками всякими. Всех подруг от неё отвадил, а уж про мальчиков и говорить нечего! Мне всегда её жалко было. Ничего хорошего она в жизни не видела. Да и у меня могла жизнь не сложиться... Хорошо, что Маринку свою встретил, а вот Ира... Муж этот её бывший той ещё сволочью оказался...

— Она мне сказала, что брак был не очень удачным, а вот что произошло... Расскажешь?

— Да я всего и не знаю. Она со мной о своей жизни семейной не распространялась. Пусть лучше она сама тебе всё расскажет.

— А почему же ты его сволочью считаешь?

— Так он от неё к нашей матери ушёл. Твари, что один, что другая!

— Это как — к вашей матери? Я что-то не понял...

— А вот так, — Андрей сплюнул под ноги, — теперь понимаешь, почему я переживаю за неё? Она ведь даже Марине ничего не рассказала. Всю боль в себе держит. После развода с нами живёт, с моей семьёй. Детей моих любит, балуует... Иностранными языками с ними занимается. Она ведь три языка знает.

— Учителем работает?

— Нет. Она парикмахер. Очень талантливый. Вышку — то ей не удалось закончить. Впрочем, всё неплохо у неё, вот только личной жизни никакой. Оскоми́на у неё после брака... Да и матери, считай, нет... Она же её из дома выгнала.

— Ты не волнуйся, у меня и квартира, и дача, и мама с папой живы, и сестра есть. Кстати, Мариной зовут. Примут её, как родную, только бы она со мной жить захотела... Слово офицера: сам не обижу и никому не позволю.

— Ты женат был?

— Да.

— А дети есть?

— Беда случилась, Андрюша. Погибли они. На пешеходном переходе восемь лет назад сбила машина и жену, и сынишку... И вот с тех пор ни одна женщина не полюбилась, кроме твоей сестры. Так что мои только счастливы будут, если я жену в дом приведу. Ну, что скажешь? Каков будет твой ответ?

— Положительный. Тем более, раз Ирина сама хочет...

Мужчины пожалы друг другу руки.

— Смотри, — шутя, пригрозил Андрей, но взгляд был серьёзный, — самое дорогое тебе доверяю.

— Сам же сказал, солдат ребёнка не обидет.

Когда они вернулись к столу, то от них обоих не скрылось Ирино волнение. Николай подошёл к ней, обнял за талию и шепнул на ухо:

— Ириша, я получил благословение от твоего брата, так что теперь полностью отвечаю за тебя. Ну и, понятно, ты остаёшься тут со мной, — он коснулся губами её шеи.

Андрей увидел, как засияли радостью глаза сестры, подмигнул ей, а сам подумал: «Господи, только б у них всё срослось... только б она была счастлива».

То, что Коля обнимает Иру, перешёптывается с ней, а она выглядит счастливой, не ускользнуло от внимания Юрия. «Похоже, спасатели — то время тут даром не теряют. Ещё один дамочку обхаживает и, вроде, успешно», — злобно подумал он.

Когда уже спускались сумерки и все путешественники устроились у костра, приехали две машины. В одной были Балу и Шериф с Ювелиром, в другой кинологи с собаками. Ирина с Леночкой предложили им поужинать и мужчины с радостью согласились, потому что в городе за всеми делами поест не успели. Уже потом, когда все разошлись, Кэп подошёл к Балу:

— Ну, что там насчёт волков наши задержанные сказали?

— Сначала, отпирались, конечно, а потом рассказали, что волков шесть-семь видели. Точно сказать, сколько не смогли, говорят, очень испугались. Звери были огромные и полностью белые. И, говорят, Татьяна ваша с ними разговаривала на каком-то непонятном языке, а потом и Барс тоже им что-то непонятное сказал, а волк один им руки лизал... А дальше вообще бред какой-то понесли: вроде дождь пошёл из мыльных пузырей и они в этом дожде пропали. Как думаешь, правду сказали?

— Я тоже синий туман видел, и заметь, не я один. И после этого тумана ребята исчезли. И это тоже не я один видел. А на снимках у Павла вообще жуть. Там, где Таня на утёсе, над ней чёрный силуэт мужчины завис, а там, где Барс её на берег вытащил, рядом с ними волк сидит белый. Тут зеки не обманули. Только загадок прибавилось. То туман, то волки...

— И что ж они раньше молчали?.. — Балу покачал головой.

— Да кто бы им поверил. Ты вот и сейчас не веришь... Да я и сам бы не поверил, если б кто сказал. Вот только волки тут белые, а мы чёрного видели. — И Коля рассказал Балу о чёрном волке, которого они в Гимолах встретили.

Утром бойцы поднялись рано. Небо было затянуто тучами, поэтому решили обойтись без завтрака, опасаясь, что пойдёт дождь и собаки не смогут взять след. Оставив Марата «за старшего», отряд покинул лагерь.

Глава 7 часть 3

Так получилось, что Ира с Леночкой встали почти одновременно и, выпив кофе, принялись за готовку завтрака.

— Ир, а что ты в предыдущих походах не готовила? У тебя же всё так быстро и вкусно получается.

— Если честно, то я сама стеснялась помощь предложить, а меня никто и не просил.

— Это потому, что такой букой всегда выглядела...

— Я просто с людьми трудно схожусь, а так я очень хорошая, честно-честно, — и они рассмеялись.

В шатер зашёл Марат — высокий, коротко стриженный блондин с зелёными глазами. Когда он улыбался, на его щеках образовывались ямочки.

— Девочки, а мне кофейку сделаете?

— Конечно, сейчас заварю.

— Не обязательно заваривать, можно химический, — Марат улыбнулся, — мне, почему-то растворимый больше нравится.

— А Марат — это имя или позывной? — спросила Лена, делая ему кофе.

— Позывной. Меня вообще Олегом зовут.

— А как позывные получаются?

— Ну, я в Питере на улице Марата родился, у Барса всё просто — фамилия у него Барсов, Балу тоже по фамилии...

— Балуев, что ли? Как артист?

— Нет, Медведев. Он просто очень медведя Балу из мультика про Маугли напоминает: такой же весёлый, большой и добродушный. Правда, немного бесшабашный, но это его не портит.

— А Шериф?

— У Серёги любимая поговорка: «Проблемы индейцев шерифа не волнуют», вот отсюда и Шериф, — рассказывая это и улыбаясь, Марат смотрел на Леночку, но взгляд его, несмотря на улыбку, был внимательным и серьёзным. — А ты тут с мужем? — спросил он неожиданно.

— Нет, — почему-то смутилась она, и это не ускользнуло от Иринки. — Я тут со своим мужчиной.

— Угу, — сказал Марат и поставил на стол чашку, — спасибо, очень вкусный кофе: чёрный, как ночь, крепкий, как дружба и сладкий, как грех, то есть именно такой, как я люблю. Пойду, пройду.

— Ты надолго не уходи, завтрак скоро будет готов, — негромко сказала Лена. Он кивнул и пошёл в сторону реки.

— Ленчик, а ты ему понравилась, — улыбнулась Ира.

— Не говори глупости. Давай решим, что к макаронам лучше подать: ветчину в банках или сосиски отварим.

— Давай ветчину порежем и на тарелку выложим. А ещё я видела в ящике у Тани сыр в упаковке натёртый уже. Его можно в креманку положить и кто захочет, тот с сыром поест, кстати, там ещё кетчуп я видела и оливки, — она присела, вытащила из ящика продукты и положила на стол. — Интересно, ребята сегодня найдутся или нет? — Ира вздохнула и

посмотрела на серое небо. — Только бы дождь не пошёл...

Вскоре к столу подошли Юра и Андрей.

— Пока макаронки горячие — поешьте, — предложила Лена, — а когда остальные проснутся мы подогреем.

— Давно бойцы уехали?

— Часа два, наверно, назад. Я сквозь сон слышала, — Лена подала Юре тарелку с макаронами.

— А кого-то из своих оставили? — Андрей взял из Ириных рук тарелку.

— Да, Марата. Он пошёл к реке.

— Девчонки, вы — то сами ели?

— Сейчас с вами поедим.

— И про меня не забудьте, — Марат подошёл к столу.

После завтрака лагерь стал собираться.

— Ты зачем свои вещи в палатку к Коле относишь? — с удивлением спросила Леночка у Ирины.

— Я остаюсь с ним, — чуть смутилась она.

— Так вы что... Вместе? Коля твой парень?

— Да.

— Ну, надо же! Я даже не замечала... Вот вы партизаны!

— Лен, ты посуду помоешь, пока я ракировку тут сделаю? Одна справишься?

— Я помогу ей, — раздался сзади них голос.

— Марат, я даже не заметила, как ты подошёл, — вспыхнула Лена.

— Ира, иди, занимайся вещами, я помогу Лене.

— Я сама справлюсь, спасибо.

— Глупо отказываться от бескорыстной помощи, — Марат взял посуду из Лениных рук и, кивнув в сторону реки, уточнил, — к тому спуску пойдём?

— Да.

Стас подошёл к Ире:

— Этот стол я забираю, он мой. И чайник один тоже.

— Хорошо, я сейчас всё с него переложу на другой.

Со словами, что вода очень холодная и не дело девушке руки морозить, Марат вызвался мыть посуду сам. Леночка пробовала протестовать, но он сказал тоном, не терпящим возражения:

— «Негоже лилиям пряться».

— Первый раз встречаю мужчину, который так своеобразно цетирует Библию, — покачала головой Лена.

— Он женат, да? — Без перехода спросил Марат. — Можешь не отвечать. Ясно, что женат.

— Тебе не кажется, что ты лезешь не в своё дело?

— Кажется. Но поделаться ничего с собой не могу. Как мне найти тебя в городе? — Он смотрел Лене в глаза.

— Зачем?

— А зачем тебе, свободной женщине, нужен женатый мужчина?

— Говоришь, родился в Питере, а ведёшь себя, как одессит: вопросом на вопрос отвечаешь, — Лена усмехнулась и пошла в сторону лагеря. Марат подхватил с земли губку и

жидкое мыло и пошёл за ней.

Леночка зашла в шатёр и поставила чистую посуду на стол.

— У вас теперь один стол останется...

— Нет, я у Андрюши забрала. Марат, ты поможешь поставить? — И она подала ему упаковку со столом. — Я тогда пойду пока ребят провожу. — Иринка пошла к машинам.

— Удачно вам отдохнуть, — Марат начал распаковывать стол.

— А вам удачных поисков. До свидания, — Лена повернулась, что бы пойти к машине.

— Обязательно.

— Что обязательно? — Она обернулась, с удивлением глядя на Марата.

— Я говорю, свидание будет обязательно, — он смотрел на неё без тени улыбки. Какое-то время они стояли, не говоря ни слова, глядя в глаза друг другу, потом Леночка повернулась и быстро вышла из шатра.

— Лена, ну что ты возишься, только тебя ждём, — недовольно проворчал Стас.

— Подождите ещё немного, я сейчас. — Она подошла к Ире:

— Иришка, давай телефонами обменяемся. Мы, вроде, как сдружились...

Она продиктовала свой номер, а Ира ей тут же позвонила.

— Ты мне про ребят сообщи обязательно, а то не спокойно как-то на душе. — Они чмокнули друг друга в щёки и Лена села в машину. Иришка помахала всем рукой и вернулась к столу.

Юра в это время наливал себе водки.

— Юр, ну ты опять, — она всплеснула руками.

— Не твоё дело, — зло ответил он, — я смотрю, ты тоже к спасателю под бочок прыгнула, ну и как там, уютненько? Ублажаешь спасателя-то по ночам? Такая же потаскуха, как моя...

Договорить он не успел. Марат молниеносным ударом в челюсть отправил его в накаут. Юра рухнул со стула.

— Прости, Ира, если испугал... приказ майора... — виновато сказал Марат.

— Да, я помню — сначала реагируем, потом думаем. Только мне не верится, что Коля приказал Юру бить. — Губы её дрожали от несправедливых обидных слов, а в голосе звучали растерянность и удивление. Она испугано смотрела то на Марата, то на упавшего мужчину.

— Не бить его, а защищать тебя. Ты извини, что напугал, но Кэп сделал бы то же самое. А Балу так вообще бы порвал. Нельзя безнаказано оскорблять честь девушки. Да ещё так грязно. Только я не совсем понял, что там «тоже»? — Он смотрел на лежащего. — Где его палатка?

— Он в машине спал. Может, я спальник принесу или пенку? Простудится.

— Ничего с пьяным не будет. Ну, так что там насчёт «тоже»?

— Понимаешь, Таня, за которой Барс прыгнул, его жена.

— И что? Барсу всё равно кого спасать...

— Ну, она Алексею нравилась очень, а Юра ревновал.

— Чушь! Барс чужими жёнами никогда не интересовался, к тому же он женат, а на сторону бегать не в его характере. Можешь мне поверить, я с ним уже пять лет плечом к плечу.

— А он женат? — Иринка изумилась. — Да? А так вёл себя, словно свободен... Нет, он не бегал, он просто так смотрел на неё... Похоже, он действительно в неё влюбился, даже Коля это говорил.

— Ну, раз Кэп говорил... Значит, влюбился, — задумчиво протянул Марат. — Может, по кофейку? Мне можно химический.

Они пили кофе, болтали ни о чём. Ира себя свободно чувствовала рядом с Маратом. Он был очень улыбчивый и доброжелательный по отношению к ней. К тому же у неё появилась какая-то лёгкость в общении с мужчинами. Ушли настороженность и отвращение, которые она испытывала к ним раньше. Когда Юра пришёл в себя, то, не говоря ни слова, встал и ушёл в машину. Ира стала готовить обед, а Марат по мере сил помогал ей. К вечеру пошёл сильный дождь. В лагерь приехали только Балу и Кэп. Ювелир и Шериф вынуждены были вернуться в город. Свои два законных выходных они потратили на поиски, и теперь им надо было явиться на службу. От собак из-за дождя тоже не было никакого толка. На улице было холодно и промозгло. Промокшие Балу и Кэп отправились переодеться.

— Марат, не говори ничего, пожалуйста, Коле про инцидент. Не хочу его расстраивать, да и конфликт не нужен. Не такой сейчас момент, что б ссориться. Юре и так тошно. Его жену спас другой мужчина, а он вроде как... струсил... К тому же она теперь с этим мужчиной неизвестно, где. Я думаю, он злится на себя, поэтому и бросается на других. Мне его жалко.

— А мне нет. — Жёстко сказал Марат. — Мало того, что бросается на тех, кто слабее его и ответить ему не может достойно, мало того, что жену свою за глаза грязью поливает при посторонних, так ещё и в беде её бросил! Мужчины так не поступают.

— Он не бросил. Он просто растерялся, а Лёша ближе стоял и поэтому первым прыгнул.

— Это отмазка, что бы оправдать свою трусость.

— Нет. Я же там была...

— Не защищай меня, Ира, он прав. Я не столько растерялся, сколько струсил. От этого сам себе противен. И тебя ни за что обидел. Прости. — Юра стоял на пороге шатра. — Я слышал, ребята приехали. Удалось хоть что-то прояснить?

— Нет. Они сейчас переоденутся, придут кушать и всё расскажут. Давай, садись к столу.

— Что-то не хочется.

— Недури. Голодом ты никому не поможешь и ничего не исправишь. — Марат смотрел на него с брезгливостью.

— Не суди и несудим будешь, — пробормотал Юрий в ответ на его взгляд, и пошёл к машине.

— Марат, все люди разные, — вспомнила Ира Колины слова.

— Да, но предатели все одинаковые, — упрямо ответил он и с удивлением заметил, как Ира побледнела при этих словах. Вскоре появились переодетые в сухое бельё мужчины. Коля сразу же подошёл к Ирине, поцеловал её в висок и привлёк к себе.

— А почему Юра ушёл? — Коля обнимал Иру, но вопрос задал Марату.

— Сказал, что не хочет есть. Переживает...

— Так переживает, что даже не поинтересуется результатами поиска?

— А вы что-нибудь нашли? — С волнением спросила Ира. — Вы садитесь, я сейчас суп налью. — Она погладила Колю по плечу, подождала, пока все рассядутся за столом и, подавая тарелку Коле, повторила вопрос, — ну, что нашли — то?

— Найти ничего не нашли, а вот странностей было много. С собаками непонятно, что творилось: то лаем заходились и бежали вглубь леса, то вдруг хвосты поджимали и за нас прятались, то скулили, то выли, а один раз на пустое место рычали, словно видели кого-то. Одно слово — чертовщина.

— А я вот думаю, что это, наверно, и есть тот самый лес заколдованный! — Выдвинул теорию Балу.

— Ну-ка, ну-ка... Давай, рассказывай, что это за «тот самый» заколдованный лес? Ты, вроде, из здешних мест.

— Ну, не совсем из здешних, только помню в детстве разговоры ходили, что грибники пропадали где-то в наших краях. Где точно, не скажу. Может, здесь, а может, и нет, но потеряшки были. И, вроде, говорили, что некоторые потом находились, но ничего не помнили. Прикиньте, что с людьми становилось: и родных узнавали, и друзей, и на работу могли сразу вернуться, а вот где были пару дней, а то и месяцев — не помнили. Толком ничего сказать не могли. Ну, а потом я в Армию ушёл и домой уже не вернулся. В Питере у вас завис. Поэтому не знаю, бывали ли ещё такие случаи.

— Подожди, — Ирина заволновалась, — это значит, что они могут только через пару месяцев найтись?

— Ириша, ты не расстраивайся так. Ещё же ничего не ясно, — Коля взял её ладошку в руку. — Мы завтра ещё пойдём. Решили не вдоль тропинки идти, а подальше в лес углубиться. Мы там, в глубине ещё волчьи следы видели. Вот туда и хотим двинуть.

— Ты тоже завтра пойдёшь?

— Да. Барс не просто командир, он мой друг. Мы с ним двадцать лет и служим, и дружим.

Дождь так и продолжал лить. Ирина стала собирать со стола грязную посуду.

— Иринка, оставь. Сейчас дождь, не мыть же её под дождём.

— Я под стол поставлю. Утром всё помою. Надеюсь, хоть завтра дождя не будет.

— Я тоже надеюсь. Правда, мы на поиски в любую погоду пойдём, но лучше, что б без дождя. Так, бойцы, отбой. Подъём завтра в семь.

Коля скинул с себя куртку, поднял над головой, Иринка нырнула ему под руку и они быстро дошли до палатки.

— Я твою сумку отнёс в машину. Извини, пришлось в неё залезть без твоего ведома, и взять тёплую и сухую одежду, — он подал ей свитер и футболку, — а ещё я наши спальники

соединил, что б теплее было. — Он заметил, что Ира насторожилась. — Давай переодевайся быстро, я отвернусь. Коля осознавал, что не стоит торопить события и ни о какой близости пока не может быть и речи. Всё произошло так стремительно, буквально за один вечер. И хоть Ира сама захотела с ним остаться, спешить не стоило. Тем более что он не знал, почему у неё оскомина от замужества. Может, в постеле у них что-то неладно с мужем было, вот она от мужчин и «защищалась». Он скинул влажную толстовку и, оставшись в термобелье, устроился в спальнике. Конечно, в спальнике надо спать раздетыми, Коля это знал, но не хотел смущать Ирину.

— Иди ко мне, — шепнул он, когда она легла рядом. — Ложись на плечо, я тебя обниму, и будет уютно. Ирина устроилась у него на плече, он нежно поцеловал её в висок, затем в губы:

— Спокойной ночи, маленькая.

— Спокойной. — Ира улыбнулась. Ей, действительно, было очень уютно и спокойно рядом с ним.

Утром Николай постарался встать как можно тише, но Ира всё равно проснулась.

— Спи, маленькая, — он поцеловал её в щёку, — рано ещё

— Я сделаю вам завтрак. Вы же целый день будете в лесу голодные.

Ирина, несмотря на все возражения с его стороны, встала вместе с ним. Дождь, хоть и не такой сильный, как вечером, продолжал идти.

— Сегодня Балу в лагере останется.

— А можно Марат? — Коля посмотрел на неё с удивлением.

— Мы с ним за вчерашний день вроде подружились, — Ира улыбнулась, — и он такой... благодный, что ли.

И в этот день поиски оказались безуспешными. Вечером, сидя за столом и обсуждая свои действия, бойцы пришли к выводу, раз по горячим следам никого найти не удалось, то поиски нужно прекращать. Было принято решение заехать в ближайшие отделения полиции и заявить о пропаже людей, оставить фотографии и объявить в розыск. Балу обещал договориться через знакомых, что бы предупредили участковых даже в самых маленьких поселениях. Они с Маратом оставались в гостях ещё на три дня и надеялись хоть что-то узнать за это время. Настроение у всех было подавленное. Юра сразу после ужина ушёл спать. Ирина наливала чай, когда раздался звонок мобильного телефона. Она взяла трубку:

— Нет, Андрюша, всё безрезультатно. Мы завтра возвращаемся в город. Да, всё хорошо... Передам... Ребята уже к Питеру подъезжают, — сказала она сидевшим за столом.

— Так, Иринка, давай с посудой разберёмся, пока окончательно не стемнело и отдыхать.

Коля собрал посуду, и они пошли к реке.

— Иришка, не переживай. Я знаю Барса. Ничего с ними не случится. Уж если он Танк от вооружённых бандитов защитил...

— Но куда они могли исчезнуть? Ведь это видел не только ты.

Коля обнял её:

— Ириш, здесь много непонятого случилось. Не знаю даже, как объяснить и половину из происшедшего. Волк этот чёрный в Гимолах, туман синий, который словно поглотил их, а уж силуэты на кадрах, это вообще из области фантастики. И, вот смотри, о чём я подумал: может, это совпадение, но все непонятки стали происходить в нашей поездке впервые и именно с появлением Тани и Барса. Барса я знаю, как облупленного, а вот Таня... Она как-то упамянула, что в Карелии прошло её детство. Кажется, у неё тут бабушка жила. Где именно — никто не знает...

— Подожди... Ты хочешь сказать, что надо бы встретиться с её родителями и узнать про её детство? Думаешь, это может быть как-то связано с её детством? Или таким образом мы сможем найти объяснение происходящему? Кстати, знаешь, она мне сказала, что может видеть ауру. Как думаешь, может, это тоже как-то связано со всем происходящим?

— Да ничего я не думаю, Иринка. Просто сопоставляю факты и пытаюсь анализировать. Мы ведь третий раз в Карелии, а ничего похожего не было. Не знаю, какая тут связь и есть ли она вообще?.. А с Таниными родителями обязательно придётся встретиться. По телефону ведь не скажешь: «Простите, ваша дочь пропала». Такое известие надо людям в глаза говорить. Поэтому я попрошусь с Юрой к ним поехать. Думаю, он не

будет возражать.

— А вдруг он откажет тебе?

— Тогда я поеду сам. Или с тобой, если захочешь.

После чая Коля хотел поговорить с Юрой, заглянул в его машину, но тот уже спал. Юра вообще избегал их общества, почти не разговаривал ни с кем, за столом больше пил, чем ел и был очень мрачным. К нему никто особенно и не обращался. Все прекрасно понимали, что чувствует он себя отвратительно: пропала его жена, что само по себе ужасно, а тут ещё и с родителями её придётся выдержать разговор не из лёгких. Иринка опять устроилась на плече у Коли, но они долго не могли заснуть в этот раз. Он очень переживал, что пришлось остановить поиски. Расстраивался из-за неизвестности: что же случилось с ребятами и как объяснить всё происходящее? Иринка тоже беспокоилась за них и когда им, наконец, удалось уснуть, сон у них был беспокойный и проснулись они не выспавшись. Решили позавтракать по-быстрому — бутербродами, благо хлеб был да в нарезке сыр и колбаса. После завтрака помогли Юре собрать шатёр, Ира упаковала посуду и продукты. На заправке в Муезерском выпили кофе, попрощались с Маратом и Балу и отправились в Питер. В кафе, где они решили пообедать, Николай поинтересовался у Юры его дальнейшими планами. Юрий хотел остановиться где-нибудь на ночь, чтобы не ехать почти целые сутки без остановки до Питера.

— Ты непротив, если мы тоже поедem к Таниным родителям с тобой? У меня просто есть несколько вопросов, и, может, ответ на них прольёт свет на произошедшее. Юра не возражал.

Они нашли недалеко от Лодейного поля гостиницу, сняли номера и договорились встретиться не раньше десяти утра. Ирина приняла душ первой. Она легла в кровать в футболке, со страхом ожидая появления Коли. Кровать была одна и она понимала, что избежать близости не получится. Говорить об усталости не имело никакого смысла: её бывшего супруга эти разговоры или злили, или подзадоривали. Николай вышел из душевой с полотенцем на бёдрах. Подойдя к кровати, он скинул его и лёг к Ирине под одеяло.

— Замёрзла? — Увидев на ней футболку, спросил он.

Ира, молча, помотала головой.

— Тогда я сниму, да?

Он снял с неё футболку и, глядя на нежные полушария груди, сказал восхищённо:

— Какая же ты красавица, Иришка!

Он коснулся губами её шеи, в то время как рука его нежно скользнула от груди к животу. Коля почувствовал, как она напряглась, и посмотрел на неё. В её глазах он увидел скрытый протест.

— Я сделал что-то не так? Тебе неприятно?

— Женщине и не должно быть приятно...

— Чтооо? — Коля даже на локоть приподнялся, что бы посмотреть — не шутит ли она.

Она смотрела на него очень серьёзно.

— Ты так удивляешься, словно не знал этого...

— Подожди... Ты хочешь сказать, что близость с мужчиной не должна приносить женщине удовольствие?

— Конечно. Удовольствие от этого испытывают только... — Ира запнулась, подбирая слова, — ... только падшие женщины.

— Ира! Кто тебе это сказал!?

— Мой бывший муж.

Николай опешил:

— Он был твоим первым мужчиной?

— Да. И единственным.

— Вы были ровесниками?

— Нет. Мы поженились, когда мне было восемнадцать, а ему сорок восемь.

— Ты его очень любила? — Сказать, что Николай был удивлён, значило не сказать ничего. При такой разнице в возрасте на брак могла сподвигнуть только очень большая любовь, но вот что бы взрослый мужчина имел такие суждения...

— Нет. Он был то ли папиным партнёром по бизнесу, то ли поставщиком. В общем, отец сказал, что этот брак ему нужен для дела. То ли слияние... то ли покупка... Я не вникала.

— Значит, тебя отец просто выдал замуж потому, что ему так надо было? Он даже не интересовался твоими чувствами?

— Верно. Ни о какой любви не шло и речи.

— Он мерзавец и чудовище! — Не сдержался Коля.

— О покойных плохо не говорят.

— Послушай, но твой муж... он, что... совсем тебя не любил?

— Нет, — голос её дрогнул.

— Ир, это не любопытство... Я просто хочу понять, как себя с тобой вести, чтобы не обидеть и не оттолкнуть, чтобы не причинить тебе боль... Он, что, никогда не целовал тебя, не ласкал твоё тело? — Ира отрицательно покачала головой.

— Ты настолько прекрасна, что хочется целовать тебя всю от пальчиков ног до макушки. У тебя восхитительная фигура, — Коля провёл рукой по изгибу талии, потом накрыл ладонью её упругую грудь и стал поглаживать пальцем сосок, — ты словно создана для поцелуев.

— Он говорил, что людям бизнеса некогда заниматься глупостями, — краснея, проговорила она, удивляясь тому, насколько ей приятно это его поглаживание.

— Любить женщину, свою жену для него глупость?! Ну, а непосредственно близость... Как же без поцелуев? — Коля был настолько ошарашен услышанным, что даже растерялся и не знал что сказать.

— Ты имеешь в виду супружеский долг? Он просто вжимал меня в кровать, раздвигал ноги и... — в её голосе послышались слёзы и губы задрожали.

— Девочка моя, — Коля стал целовать её глаза, щёки, — маленькая моя, — обнимая, он прижимал Ирину к себе и чувствовал, как сотрясается её тело от сдерживаемых рыданий. — Тихи, тихо, хорошая моя.

Он стал покачивать её, как маленького ребёнка. Так вот что имела в виду Таня, когда говорила про её изранненую душу. Да по ней не трактором, по ней, по душе этой нежной, бронетранспортёром проехали! Вот почему она никогда ничего не рассказывала Андрею: ей было просто больно вспоминать о том, что её фактически насильничал муж. Да и как в таком признаться! Понятно теперь, почему она так вела себя с мужчинами. Такая рана могла кровоточить годами.

— Я не знаю, почему твой муж оказался таким подонком и почему так жестоко поступал с тобой, но поверь, отношения между мужчиной и женщиной обычно нежные и ласковые, хотя могут быть страстными и горячими.

Он отстранился и заглянул ей в глаза... То ли от его слов, то ли от нежных поцелуев и объятий Иринка перестала всхлипывать, хотя в глазах её ещё стояли слёзы.

— Как же тебе удалось избавиться от этого деспота?

— Когда моя мать овдовела, он бросил меня и женился на ней.

— Девочка моя, как ты всё это пережила?

— Сначала мне было очень тяжело. С одной стороны, я была рада, что избавилась от него, с другой... Мать всегда твердила, что брак — это святой нерушимый союз и сама же мою семью разрушила. Ещё и упрекала меня... говорила, что это я во всём виновата. Мол, от хороших жён мужа не уходят. Мой привычный мир рухнул... Мать выставила меня из дома... В итоге у меня случился нервный срыв, и я попала в больницу. Я не знаю, что со мной было бы дальше, если бы не брат и его семья. А когда стала с ними жить, то поняла, что в моей жизни что-то было не так... Я ведь не знала других отношений и думала, что все живут так же, а на поверку оказалось, что можно жить в любви и нежности, как Андрюша с Мариной... Я совсем запуталась. Понимаешь, когда с детства тебя приучают быть холодной и скрывать свои эмоции, очень трудно потом эти эмоции проявлять. Думаешь, что тебя отругают или высмеют. А ещё не особо веришь, когда кто-то выказывает тебе своё доброе отношение... Всегда ждёшь какого-то подвоха... Теперь ты передумаешь на мне жениться, да?

— Ирочка, милая моя! Что же ты говоришь такое!/? Почему я должен передумать? Маленькая, я очень тебя люблю. Очень... Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, только бы ты вычеркнула из памяти всю свою прошлую боль. — Он гладил её по волосам, по щеке, провёл пальцем по губам. — Там, в лесу и в палатке, когда я целовал тебя, что ты чувствовала? Только скажи правду, пожалуйста.

— Я... Мне было очень приятно, Коленька, когда ты целовал меня тогда, касался рукой щеки и когда сейчас гладил... гладил мою грудь... Я никогда не испытывала раньше такого... Я думала, что получать наслаждение от близости с мужчиной... недостойно... для порядочной женщины...

— Это не ты думала. Это тебе зачем-то обманом вбили в голову. Могу только предположить зачем... На самом деле я не получу ни малейшего удовольствия, если от близости со мной ты не испытаешь наслаждения. Если тебе будет неприятно или больно, просто скажи «нет», и я остановлюсь. «Татьяна была права, говоря про терпение и такт», — вспомнил он разговор у реки.

— Доверся мне... позволь любить тебя... позволь доставить тебе радость. И, пожалуйста, не надо скрывать своих эмоций. Если ты будешь молчать, то я подумаю, что тебе плохо со мной... Я поцелую тебя ещё?

Она кивнула, и он коснулся её губ сначала очень осторожно, потом скользнул языком вглубь рта и коснулся её языка. Ирина почувствовала, как его рука дотронулась до её груди, пальцы нежно поглаживали соски. Он оторался от её губ, провёл языком по шее, потом по ложбинке между грудей. Она затаила дыхание, когда её напряжённый сосок оказался у него во рту. Эта ласка вызвала незнакомое ей раннее ощущение неги. Николай слышал, как бешено колотится её сердце. Он продолжал целовать её грудь, а руки в это время гладили шёлковую кожу её бёдер. Его губы скользнули ниже, язык коснулся живота. При каждом его поцелуе и прикосновении Ира ощущала нарастающую сладость во всём теле. Когда же его губы коснулись мягких складок между ног, она попыталась сжать колени, осознав всю

откровенность ласки, но его язык заскользил по набухшему бугорку, и неожиданно блаженство охватило её. Судорога пронзила Ирину, когда он с усиленной энергией стал целовать её, вдыхая сладкий аромат женской плоти. Содрогание её тела привели Николая в ещё большее возбуждение. Осознание того, что от его ласк она впервые испытывает наслаждение, пьянило. Ирина почувствовала, как волна ошеломляющего сладострастия пронзила её, сладость поднималась снизу живота и растекалась по всему телу восхитительными ощущениями. Охватившее её блаженство было настолько велико, что она неосознано застонала. Тело её изогнулось, и гораздо более громкий стон сорвался с её губ. Николай продолжал нежную ласку, чтобы дать ей до конца испытать всю сладость новых восхитительных ощущений. Эти ощущения были настолько сильны, что она была готова взорваться изнутри. Когда её стоны затихли, а тело перестало вздрагивать, он провёл языком по животу, коснулся самым его кочиком пупка и, поднявшись вверх, стал целовать то одну, то другую напряжённую грудь. Ирина не испытывала ничего подобного ни разу в жизни. Она была буквально потрясена теми эмоциями, которые переполняли её, тем блаженством, которое охватило всё её существо. Николай склонился над ней, покрывая поцелуями её шею и плечи. Она почувствовала, как его тугая плоть упёрлась ей в живот и вся сладость исчезла, потому что в то же мгновение в памяти всплыла саднящая боль, которую приносила ей близость с бывшим мужем. И она непроизвольно сжалась, зажмурилась и затаила дыхание, готовясь впустить в себя эту боль. Николай сразу почувствовал изменения в ней. Он замер и перестал её целовать. Ирина открыла глаза и встретилась с его внимательным взглядом.

— Чего ты боишься, милая? — Она молчала, закусив губу. — Ириша, че-го ты бо-ишь-ся? — По слогам произнёс он тихо.

— Боли... Но я потерплю... правда-правда... потерплю, — быстро проговорила Ира. Она действительно готова была терпеть любую боль за ту сладость, которую доставил ей Николай. Ведь терпела же она эту боль прежде и без всяких удовольствий.

— Ириша, поверь мне, больно не будет. Поверь мне, хорошая моя. Будет только приятно. Я тебе обещаю...

Он поцеловал её в губы, и она ответила на поцелуй. Не отрываясь от её губ, он стал медленно погружаться в её влажную глубину. Прислушиваясь к себе, Ира с удивлением поняла, что Николай оказался прав: не было никакой боли. Неведомое раньше приятное ощущение охватило Ирину. Мужчина почувствовал, что тело её расслабилось, и с каждым движением стал проникать в неё глубже. Ирине казалось, что каждая её клеточка наполнилась жаром. Она в порыве страсти обняла Колю за плечи, шепча его имя и подстраиваясь под его ритм. Эти новые ощущения, казалось, затягивали её в круговорот блаженства, тело её дрожало, и стоны непроизвольно срывались с губ. Николая бросило в жар от такого бурного проявления чувств с её стороны. Он ощутил момент её наивысшего наслаждения и уже не мог больше сдерживать себя. Его тело содрогнулось и, с глухим стоном, он выдохнул её имя.

— Ирочка... Сладкая... Любимая моя... — шептал он, покрывая её лицо поцелуями.

Он лёг рядом с ней и привлёк к себе. Иринка прижалась к его груди и полушёпотом спросила:

— Коленька, у нас так всегда будет?

— Как — так? — Ему очень хотелось услышать от Ирины, что она чувствовала.

— Так восхитительно... Так сладко...

— Тебе было хорошо?

— У меня даже слов нет таких, что б выразить то блаженство, которое я испытала. Неужели всё так и должно быть всегда?

— Я думаю, когда ты полюбишь меня и будешь хотеть так же страстно, как я тебя, то будет гораздо слаще и восхитительней.

— Мне кажется, лучше не бывает.

— Бывает, маленькая, вот увидешь, что бывает, — шептал он, целуя её плечи и груди. Он погладил её по волосам, провёл рукой по щеке и поцеловал в губы.

— Спасибо тебе... — спрятала она лицо у него на плече.

— За что? — Удивился Николай.

— За то, что ты подарил мне новый мир, о котором я даже не имела представления раньше. Ты сделал меня счастливой. Я и не предполагала, что близость может дарить столько радости... — Иринка приподнялась на локте и сама поцеловала его в губы. Коля почувствовал комок в горле. Любовь и нежность переполняли его. Он оторвался от её губ только для того, что бы прошептать:

— Тогда и тебе спасибо. Ты ведь тоже сделала меня счастливым, моя маленькая...

Коля действительно был счастлив. Если восемь лет назад ему хотелось умереть вместе со своей семьёй, то теперь он, как никогда прежде, хотел жить. Не только для Иринки жизнь заиграла новыми яркими красками этой ночью. Для него она тоже вспыхнула ярче радуги. Ведь с появлением этой трогательной, такой ранимой девушки его жизнь обрела смысл.

СЛАВТУШЭНЬ.

— Тата, ты можешь мне хоть что-то рассказать про этот мир? — Алексей заглянул ей в глаза.

— Алёша, я знаю только то, что когда-то рассказывала мне прабабушка. Это мир магии и шаманов, людей мирных и доброжелательных, которые понимают природу и живут с ней в полной гармонии. Прабабка говорила, что очень давно, какая-то часть славян не захотела стать предателями своей веры, отказалась от навязываемого насильно христианства и смогла, благодаря шаманам и Духам природы уйти в параллель. Так образовалась Славтушэнь. Каким образом открывается портал — я не знаю. И когда откроется в следующий раз, что бы мы могли вернуться, тоже не скажу. Я знаю их язык очень хорошо. Ты же слышал, как я говорила с волками.

— Они тоже понимают этот язык?

— Да, это волки-защитники. У каждого шамана есть свой волк. Я думаю, Лекбуш уже ждёт нас, и именно он послал волков нам на встречу.

В это время в лесу послышались голоса. Алексей сжал автомат. Голоса приближались и вскоре из-за деревьев показались несколько мужчин с луками и колчанами стрел за спиной. Они остановились шагах в пяти от Алексея и Тани. Какое-то время все, молча, разглядывали друг друга. Мужчин было пятеро. Все светлоглазые, с длинными светлыми волосами. На вид им было не более тридцати лет каждому. Стройные, крепко сложенные, широкоплечие они походили на братьев. На них были облегающие замшевые брюки, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи, замшевые безрукавки различались кроєм и цветом. Рубашки были из тонкого белого полотна у кого-то на пуговицах, а у кого-то в виде футболки с длинным рукавом и без ворота. Даже самый высокий из них, стоящий впереди всех, вряд ли доходил Алексею до виска. На правой щеке у него была татуировка в виде солнца, за что Алёша мысленно прозвал его «меченый». Меченый шагнул вперёд и внимательно посмотрел на Таню.

— Тэ уса? Мэ Шэтуол.

— Мэсо тэ е. Мэ Фатуэла.

— Ту и? Сатэ ою ла, тэну кэс? — Недоверчиво усмехнулся он в ответ.

— Алёша, поддержи, пожалуйста, — Таня сняла толстовку, затем футболку и протянула опарашенному Алексею. Оставшись в одном нежно-сереновом бюстгальтере, она повернулась к мужчинам спиной и приспустила ляжку с левого плеча.

— Эссо у тей? Тэну кэс е? — Теперь уже она усмехнулась, глядя через плечо на мужчин с торжеством в глазах.

И тут все лучники, к удивлению Алексея, опустили на левое колено перед ней, низко склонив голову и приложив правую руку к сердцу. Татьяна взяла из его рук одежду и, одевшись, повернулась к мужчинам, приблизилась к Меченому и протянула ему левую руку ладонью вверх.

— Тэну!

Мужчина взял её ладонь в свои руки, стал внимательно разглядывать её, а затем прижался к ней губами. Потом поднялся и стал что-то говорить Тане на певучем языке. Остальные мужчины тоже встали с колен и почтительно отшли на некоторое расстояние.

Таня, слушая его, удивлённо вскинула брови. И тут Меченый обнял её правой рукой, а левой стал гладить по щеке, что-то быстро полушёпотом при этом приговаривая. Таня сначала растерялась от такого неожиданного напора, а потом попыталась отстраниться от обнимающего её мужчины, но он только сильнее прижал её к себе.

Кровь ударила Алексею в голову. Сильнейший прилив ревности, о существовании которой он раньше и не подозревал, жгучей волной накатил на него. Он отбросил АКМ в сторону, шагнул к Меченому и так крепко сжал ему плечо, что тот, вскрикнув от неожиданности и боли, отпустил Таню.

— Не смей прикасаться к моей женщине, — прорычал он и оттолкнул мужчину от своей Татки.

Меченый сделал шаг назад, покачнулся, но удержался на ногах. Потом весь подобрался и бросился на Алексея. Тот чуть отклонился в сторону, легко перехватил нападавшего и, перекинув его через бедро, положил лицом на землю, заломив ему руку назад и наступив коленом на спину. Схватка длилась всего несколько секунд. Поверженный противник сучил ногами и что-то злобно выкрикивал на своём языке. Тут же к ним подскочили остальные мужчины и направили луки на Алексея.

— Бэз ту а! Анто мту каба! Влэт ту вэ! Сей тус! — Закричала Татьяна, и они тут же отступили, опустив своё оружие.

— Алёша! Алёшенька! Отпусти его. Пожалуйста, отпусти.

Алексей поднял голову и посмотрел на неё. Взгляд его был жёстким и спокойным, ни ненависти, ни злости, и от этого был ещё страшнее.

— Ты уверена?

— Да, уверена. Я тебе чуть позже всё объясню.

Алексей легко поднялся и встал рядом с Татой. Меченый, злобно бормоча, стал подниматься. Отряхивая одежду от листьев и земли, он исподлобья смотрел на Алексея, потом посмотрел на Таню и спросил, кивнув на только что победившего его мужчину:

— Ту каба? Этос сэ утон? Ито э?

Она ответила ему что-то резкое, при этом изобразив непонятные для Барса жесты рукой. Мужчина тут же сник. Её слова сбили с него спесь и злобу. Он сделал робкий шаг в сторону Алексея и стал что-то быстро говорить ему, показывая то на Таню, то на стоящих в стороне мужчин.

— Переведи, — попросил Алексей.

— Он извиняется перед тобой за себя и своих друзей. Он приносит искрение извинения, потому что у них тоже не принято дотрагиваться до чужих жён, а он не знал, что ты мой муж и поэтому вёл себя недопустимо. Он спрашивает, чем может загладить нанесённую обиду.

— Ты сказала ему, что я твой муж? — У него пересохло в горле.

— Конечно, только не ему, а им. Иначе уже завтра ко мне могло бы посвататься полдеревни, а то и замуж выдать за кого-нибудь из местных.

Увидев, как у Алексея поползли брови вверх, Таня поспешила его успокоить, положив руку ему на грудь:

— Не волнуйся, насильно тут замуж не выдают и не женят. А вот предложение сделать могут.

— Тата, что он говорил тебе, когда... когда гладил по щеке?

— Ничего нового: я красива, я поразила его в самое сердце, ну и замуж звал. Обещал сделать меня самой счастливой женщиной и хранить верность до гробовой доски... Вот такая любовь с первого взгляда...

— Фатуэла, — обратился Меченый к ней и сказал что-то. Она улыбнулась и покачала головой в знак отрицания.

— Что?

— Он думает, что мы ругаемся и очень расстроен нашей ссорой. Он ждёт, что бы ты его простил и спрашивает, какой подарок может загладить его вину.

— Подарок?

— Да, так принято, что в знак примирения оскорблённому преподносят то, что он пожелает. В этом мире, если недостойно ведут себя по отношению к женщине, то наносят оскорбление не только ей, но и её мужу. Муж вправе требовать извинения в виде подарка. Закон суров, но это закон.

Алексей задумался и тут увидел, что из-за голенища у Меченого торчит рукоять ножа. Свой нож он оставил у костра, а пустые ножны его не устраивали. Он привык для собственного спокойствия всегда иметь под рукой холодное оружие. Тем более здесь, в этом чужом и, что бы не говорила Тата, враждебном мире.

— Спроси, готов ли он подарить мне свой нож?

Когда мужчина услышал Танин вопрос, он достал из-за голенища нож и, подойдя к Алексею, вручил ему с поклоном подарок. Тот взял нож и стал его рассматривать. Рукоядкой служил искусно обработанный рог какого-то животного. Алексей положил подарок на ладонь:

— Восхитительно! Он словно под мою руку... И сталь потрясающая! Неужели у них такие искусные кузнецы есть? Что я должен сделать, что бы выказать своё прощение?

— Положи руку на сердце и чуть склонись, только не низко.

Когда Алексей сделал так, как сказала Таня, Меченый расплылся в улыбке и, приложив руку к груди, поклонился ему в ответ несколько раз, затем протянул правую руку большим пальцем вверх:

— Шэтуол.

— Он с тобой знакомится. Надо пожать ему руку, как бы обхватив большой палец и назвать своё имя.

Барс сделал так, как она ему сказала.

— Алексей.

— Алек... Алес... Ксей? — Пытался повторить его имя новый знакомый.

— Да, Ксей. — Кивнула Таня. — Назовись Ксеем. Им так проще будет произносить. Он улыбнулся:

— Как скажешь... жена... — и тоже кивнул, — Ксей.

Они обменялись рукопожатиями. Шэтуол сказал, что их ждут в деревне, и они могут отправиться прямо сейчас в путь. Он ещё раз попросил прощение у Тани за своё поведение и, сняв с руки массивный браслет из жёлтого металла, усыпанный синими и голубыми камнями, с поклоном отдал ей.

— Как это понимать?

— Всё просто: тебе нож, мне украшение.

— Странное украшение для мужчины, — сказал Алексей, наклоняясь за автоматом. Нож он ещё раньше убрал в ножны.

— Если ты внимательно посмотришь на других мужчин, то увидишь перстни и цепочки на шее. Это своего рода знак принадлежности к тому или другому клану, а вот такой браслет и татуировка на правой щеке означают принадлежность к роду старейшин.

Они неспеша пошли по тропинке.

Шэтуол обратился к Тане:

— Твой муж охраняет тебя лучше любого нашего телохранителя. У вас все мужчины умеют так драться или он воин?

— Ксей — воин, который защищает нашу страну от врагов. Такая у него профессия — защищать, спасать, воевать.

— Почему вы говорите обо мне? — Алексей подозрительно посмотрел на Шэтуола.

— Он восхищён твоей техникой рукопашного боя. Впрочем, ему понравилось, как ты дерёшься.

— Скажи ему, если он захочет, то я могу научить и его.

Когда Таня перевела слова Алексея, то Шэтуол остановился и, судя по выражению лица и протянутой Алексею руке, с удовольствием принял его предложение. Тут же один из идущих рядом лучников подошёл к ним и стал что-то быстро говорить, произнеся несколько раз имя «Ксей».

— Что он хочет?

— Того же, что и Шэтуол — что бы ты научил его драться.

— Скажи, что я могу провести урок для всех желающих, если нам это позволит время прибывания в их мире. Кстати, а у кого можно узнать, как скоро мы вернёмся к себе?

— Я думаю, у Лекбуша.

Таня повернулась к Шэтуолу:

— Ты знаешь, когда откроется портал, что бы мы вернулись в свой мир?

— Не раньше, чем через несколько дней, но точнее тебе скажет Лекбуш.

— Долго нам ещё идти? Знаешь, у нас был такой трудный день... Хочется скорее отдохнуть. У Лекбуша есть место в доме для нас, как думаешь?

— Зачем у Лекбуша? У нас для гостей есть специальный дом. Не ты одна навещаешь нас, а гостям из вашего мира мы всегда рады.

— Тата, мне показалось или браслет, подаренный тебе, золотой? — Спросил Алексей, когда они, молча, прошли некоторое расстояние.

— Не показалось. Баба Веста говорила, что в Славтушэни есть золото и драгоценные камни, причём в изобилии. У меня много золотых украшений из этого мира. Прабабка дарила на каждый мой день рождения, начиная с семи лет. Да ещё на окончание школы.

Пробы они тут не ставят, но я, ради любопытства ходила у нас в ювелирку, мне сказали, что это золото очень высокого качества, даже интересовались, откуда оно у меня.

— Значит, у них не только кузнецы, но ещё и ювелиры искусные?

— Как видишь.

— Для чего им нужны луки?

— Для охоты. У них есть и кольчуги и мечи, но это для защиты, а не нападения.

— От кого они защищаются? Ты же сказала, что это мирный народ.

— Любой мирный народ имеет соседей далеко не всегда мирных. Они соседствуют с Фэштупалью.

Как только она произнесла название враждебного мира, Шэтуол остановился и заговорил с ней. Она слушала его, кивая головой, словно соглашалась. Потом, когда они продолжили путь, она передала разговор Алексею. Оказывается, уже четверть века у них нет контактов с Фэштупалью, и это очень беспокоит старейшин и шаманов. Слишком долгое молчание таит в себе опасность.

— А я-то решил, что мы попали в идеальный мир, где все люди — братья, где царит любовь и покой.

— В самой Славтушэни всё так и есть. Но ты же понимаешь, что дуальность никто не отменял. Правда, прабабка мне мало про тот мир рассказывала. Про него вообще мало что знают. Эта страна находится за Чёрными горами. Крайне редко оттуда приходили люди сюда и так же редко отсюда туда. Скажем так — дипломатические отношения отсутствуют напрочь. Хотя, насколько мне известно, открытой вражды нет. Такой, знаешь, пакт о ненападении на словах.

— А откуда ты так хорошо знаешь их язык?

— Веста научила. Она каким-то образом многое запрятала в моей памяти. Причём, я

ничего не вспоминаю специально, я просто знаю и всё.

Вскоре лес стал редеть. Деревья словно расступались перед путниками. Показались первые дома. По тропинке они вышли к широкой дороге, вдоль которой стояли дома без заборов. Возле каждого дома были цветники, грядки, садовые деревья. Всё было очень ухожено и красиво. Люди, которые попадались им на встречу или были в своих полисадниках приветливо улыбались или поднимали в знак приветствия руку ладонью к идущим.

— Тата, словно в какую-то из наших деревень пришли, — шепнул Алексей.

Они прошли несколько домов, дошли до перекрёстка и свернули на другую улицу. Шэтуол, когда они поравнялись со строящимся домом, сказал Тане:

— Этот дом мы строим моей сестре и её будущему мужу. У них скоро свадьба и старейшины приподносят им такой подарок. Когда я провожу вас к Лекбушу, то вернусь и буду помогать.

Они прошли до конца улицы и повернули к лесу, на самом краю которого стоял большой бревенчатый дом. Таня сразу узнала его, хоть прошло тридцать лет. У порога лежал большой белый волк. Из дома вышел статный старик с длинными седыми волосами, перехваченными лентой на лбу и аккуратной бородой. На левой щеке у него была татуировка в виде глаза. Он был одет в светлые широкие холщёвые брюки и свободную рубаху, подпоясаную широким ремнём.

— Фатуэла, моя девочка! — Воскликнул он и, распахнув объятия, довольно резво для своего возраста спустился с крыльца. Он обнял Татьяну. Потом взял её левую руку, посмотрел на ладонь и, прищёлкнув языком в знак одобрения, чмокнул её в ладошку.

Из дома на порог вышли две девушки, на вид лет двадцати пяти и мужчина лет сорока. Одна из девушек посмотрела на Таню, потом перевела взгляд на Алексея и замерла. Заметив её восторженный взгляд, Таня мысленно усмехнулась. Она знала, что Алексей привлечёт внимание не только мужчин, но и женщин. Для Славтушэни его внешность была необычна: высокий по их меркам, статный и, что самое необычное, черноволосый с яркими синими глазами. Он притягивал взгляд. Она не заметила, что мужчина на крыльце, наоборот, не отводил взгляда от неё. Зато это заметил Алексей. Кулаки у него непроизвольно сжались. Таня тоже отличалась от местных женщин. Её тёмно-рыжие, лежащие волной, волосы и в их мире не оставляли мужчин равнодушными, что уж говорить про местных. Она была, словно солнышко, на фоне светловолосых жителей. Серые, как сталь глаза, обрамляли густые чёрные ресницы. Чёрные брови были в разлёт, словно два крыла большой птицы. Местные девушки были хороши собой, у всех, кого он встречал, волосы были густые, длинные, почти все цвета соломы, но белёсые брови и ресницы делали их лица менее выразительными, хотя глаза и восхищали своей голубизной.

— Как же я рад тебя видеть! Кто это с тобой? Твой охранник? Очень красив и, как видно, силен.

На Алексее была одета толстовка, которая плотно облегла его широкую грудь и выпуклые бицепсы.

— Нет. Это мой муж Ксей.

Она повернулась к Алёше.

— Поклонись, как в лесу.

Алексей поприветствовал Лекбуша с улыбкой, но от его внимательного взгляда не ускользнула гримаса недовольства смотревшего на Тату мужчины. Лекбуш же понравился ему своей открытой и искренней улыбкой и доброжелательностью. Ещё он заметил, что Тату здесь встречали, как родную, словно она вернулась домой после долгого отсутствия.

— Пойдёмте в дом, — Лекбуш сделал приглашающий жест рукой Алексею, а сам приобнял Таню, пропуская её вперёд. Через сени они прошли в большую, просторную комнату, в которой была печь, похожая на русскую, большой стол на резных ножках, лавки и стулья, а вдоль стены стеллажи с кухонной утварью и закрытые полки. Девушки и мужчина вошли за ними.

— Вот, Фатуэла, познакомься: Безола, — и он указал на ту девушку, которая с восторгом смотрела на Алексея, — Мэнуола и Сэтуэл. Девушки склонились в низком, почти земном поклоне. Сэтуэл подошёл к ней и, встав на одно колено, коснулся губами ладони.

«Надеюсь, этот-то не начнёт её обнимать, а потом в знак извинения предложить подарок?» — Подумал Алексей.

— Сэтуэл один из сильнейших шаманов среди лесных жителей, после меня, — сказал Лекбуш, как только тот отошёл от Тани и, жестом приглашая гостей за стол, обратился к девушкам и мужчине, — а вы можете идти. Если захотите побеседовать с нашими гостями, то у вас ещё будет время. Сейчас же я хочу остаться с ними. Слишком давно мы не виделись с Фатуэлой, нам есть о чём поговорить. — Девушки и Сэтуэл поклонились сначала шаману, потом Тане с Алексеем и вышли из дома.

Когда они остались в комнате втроём, он спросил:

— Вы проголодались?

Таня подумала, что последний раз они перекусили около двух часов дня, а в свете последних событий даже не вспоминали про еду, было не до этого.

— Ты есть хочешь? — Обратилась она к Алексею.

— Скорее, да, чем нет. Сколько сейчас, интересно, времени?

— Думаю, часов шесть. Мы бы покушали, если можно, — это она уже хозяйину сказала.

— Шатуся! — Позвал Лекбуш.

Из дверей, ведущих в соседнюю комнату, вышла не старая ещё женщина в длинном льняном платье, поверх которого был повязан вышитый цветами фартук.

— Шатуся, познакомься. Это — Фатуэла, моя родственница и правнучка Весты, а это — Ксей, её муж. Будь добра, накорми гостей.

Шатуся приветливо улыбнулась, чуть склонила голову и обратилась к Тане:

— Что вы хотите: суп, пироги или, может, мясо? Ещё есть рыба, свежие овощи и грибы.

— Если можно, мясо с овощами. А фрукты или ягоды есть?

— Конечно. После горячего принесу. — Пока Шатуся накрывала на стол, Лекбуш разговаривал с Таней.

— Расскажи, как вы попали к нам. Ты захотела нас навестить, и Духи открыли тебе дорогу и указали направление, поддерживая в пути?

— Нет, всё не так. Я просто поехала в Карелию, а вот уже здесь, как мне кажется, Духи решили привести меня в Славтушэнь. Способ не совсем обычный, но сработал.

Шатуся в это время поставила на стол два керамических блюда с тонко нарезанным мясом, сыром и овощами, плетёную корзину с ржаным хлебом и пирожками. Перед Алексеем поставила расписную глиняную миску с ароматно пахнущим блюдом. Принесла красивые резные деревянные ложки и льняные салфетки. Таня рассказывала Лекбушу про появление чёрного волка и все дальнейшие приключения, когда Лекбуш заметил:

— Почему Ксей не ест?

— Он ждёт, когда мне принесут блюдо, что бы мы поели вместе. А что, разве у вас мужчины и женщины едят отдельно? У нас на Кавказе так принято.

Лекбуш не успел ответить, как появилась Шатуся с блюдом для Татьяны.

— Ты не возражаешь, если я буду есть и разговаривать? — Она зачерпнула ложкой кусок мяса с соусом. — Это Шатуся готовила? Восхитительно!

Алексей тоже попробовал мясо:

— Какие необыкновенные приправы. Сладковатые, пряные и, в то же время, острые.

— Что сказал Ксей?

— Он тоже в восторге от еды. А Шатуся тебе кто?

— Она ведёт хозяйство и содержит дом в чистоте и порядке. — Шаман задумчиво почесал подбородок и, возвращаясь к разговору, проговорил, — так значит, волк был чёрный? Плохо.

— Почему? Что ты знаешь про него?

— Чёрные волки — слуги Фэтуша.

— Это кто?

— Это верховный жрец Фэштупали. И он знает, что ты здесь. Он явно следил за тобой.

— Но откуда ему стало известно про меня вообще и про то, что я появлюсь в Карелии в частности? — Таня отодвинула пустую миску. — И что ему за дело до меня?

— Вот! В этом вопрос!

— Шатуся, — позвала Таня женщину, — вкусно так, что язык можно проглотить! Спасибо большое.

— А Ксею понравилось? — Шатуся зарделась от похвалы.

— Очень. У вас восхитительные приправы. Ты дашь мне с собой немного, когда мы будем возвращаться? Кстати, — она повернулась к Лекбушу, — а когда откроется портал, что б нам домой вернуться?

— Через два дня. А если точнее, то утром послезавтра. Слушай, ты меня немного расстроила с этим волком... Я бы хотел тебе много чего рассказать, но вот Ксей... Ему будет не интересно тут с нами... Мы говорим непонятные ему вещи на непонятном языке.

— У вас там дом для новобрачных строят. Надо отправить Ксея в помощь строителям. Как думаешь? Он поработает, а мы все обсудим и обдумаем.

— Он умеет строить? Он же воин.

— Лекбуш, в нашем мире мужчины делятся на тех, кто умеет всё и на тех, кто не умеет ничего. Мой муж относится к первым.

— А он не будет против?

Таня повернулась к Алексею, который прислушивался к разговору и внимательно смотрел на Тату в ожидании перевода беседы. Ведь говорили про него.

— Ты сможешь помочь в строительстве дома для сестры Шэтуола?

— Конечно. Одна проблема... Я не знаю языка. Как мы поймём друг друга?

— Это не проблема, милый.

— Вы хотите побыть наедине?

— Дело не в этом. Ты нам не мешаешь, но тебе же самому не интересно тут с нами. Мы говорим на чужом языке, о своих делах... Ты ощущаешь себя лишним, так?

— Есть немного.

— А там ты будешь полезен. И потом, язык жестов никто не отменял. Так ты согласен?

— Как скажешь, жена моя.

— Я смотрю, тебе очень понравилось называть меня женой, — улыбнулась Таня.

— Ну, во-первых, не я это начал, а во-вторых, я хочу, чтобы ты привыкала к тому, что ты моя жена.

Таня, вставая, повернулась к Лекбушу:

— Я провожу Ксея и вернусь. — Она повернулась к Алексею:

— Пойдём, я тебя провожу. Или ты хочешь чаю с пирогами?

— Если честно, то я объелся. Шатуся положила мне мяса от души. Вот воды бы я выпил.

Таня попросила Шатусю принести воды, но она принесла ещё и компот из черники и малины. Алексей выбрал компот и с удовольствием выпил большую керамическую кружку ароматной жидкости.

— Пойдём, — Таня взяла его за руку. — Я сейчас вернусь, я быстро, — улыбнулась она Лекбушу.

Они вышли из дома и, пройдя через редкий лесок, направились по знакомой уже дороге к строящемуся дому.

— Не возражаешь, если я при них буду называть тебя Ксеем?

— С условием, что наедине я буду Алёшенька.

— А ты для меня всегда Алёшенька, — она улыбнулась.

— Когда мы сможем вернуться? Ты узнала, как можно открыть портал?

— Послезавтра утром мы будем в нашем мире.

— А как же наши ребята? Они там, наверно, с ума сойдут за эти два дня! Раньше никак нельзя?

— К сожалению, насколько я могу знать, шаманы портал не открывают. Мы ничего не можем изменить. Портал — это, как закон природы, как дождь или снег. Как бы ты не хотел, но отменить их невозможно. Ну, вот как у нас Пасху каждый год высчитывают, так и открытие потала... Давай принимать ситуацию такой, какая она есть.

— Да? А я слышал, что якутские шаманы могут вызывать или останавливать дождь.

— Могут, но только в том случае, если договорятся с Духами. Когда Духи против, то все уговоры бесполезны.

— Тата, то, что твоя прабабка шаманка и родилась здесь, я понял, но как она оказалась у нас?

— Она полюбила парня из нашего мира, моего прадеда. Он заблудился в лесу и оказался в Славтушени в момент открытия портала. Он тоже её полюбил и они ушли к нам, потому что прадед не захотел тут остаться.

— И её отпустили?

— Почему нет? В этом мире воля свободного человека нерушима. Её дочь, моя бабушка, силы не имела, а когда рожала мою маму, то умерла. По непонятным законам природы на моей маме сила тоже отдохнула, зато у меня этой силы за двоих.

— А как ты обэтом узнала? Ну, то, что сила есть.

— Вот так! — Таня остановилась и протянула Алексею левую руку ладонью вверх. — Смотри.

Он взял её руку и стал внимательно разглядывать, как тогда Шэтуол и Лекбуш. Он увидел, что линии руки расположены как-то странно, а приглядевшись, с удивлением понял, что это рисунок, на котором чётко просматривался глаз со зрачком, роговицей, веком и даже ресницами.

— Ого! Это не обман зрения?

— Нет, это знак шаманов Славтушэни. Помнишь, как в песне у группы «Пикник»:

«На ладонях у него
Нарисованы глаза»?

— Есть ещё один, я тебе потом покажу.

Они подошли к стройке и Таня, увидев Шэтуола, окликнула его. Он поспешил к ним с радостной улыбкой.

— Вы к нам на экскурсию?

— Нет, я подмогу вам привела.

— Твой муж умеет строить дома? — Не столько удивился, сколько восхитился тот.

— Умеет. Я думаю, вы найдёте общий язык?

— Да, не волнуйся.

— Как скоро вы закончите? Вечер уже.

— Ещё часа два поработаем. Как начнёт темнеть, Ксей сразу может идти домой. Или вы ещё у Лекбуша?

— Пока Ксей будет вам помогать, Лекбуш мне дом покажет, в котором мы пару дней поживём. У вас принято целовать своих мужей при посторонних? — Шэтуол кивнул с улыбкой. Таня поцеловала Алексея в щёку со словами:

— Через пару часов я за тобой зайду.

— Татка, да я сам дойду, не маленький. Тут идти всего ничего. А как долго работать будем?

— От КПП и до самого вечера.

— Знаешь этот анекдот?

— Конечно! Я ведь дочь прапорщика, — она погладила Алексея по плечу, — удачи, мой хороший.

Татьяна слегка поклонилась Шэтуолу, он ответил ей более низким поклоном и она пошла обратно к дому. Странное ощущение было у неё на душе. Ей было очень легко в этом мире. Казалось, если она раскинет руки, то полетит, такая лёгкость была в ней. Она шла, неторопясь, прислушиваясь к этим странным, но в тоже время, таким милым ощущениям. Таня свернула с одной улицы и пошла по другой, той, которая вела к началу леса и дому Лекбуша. Когда она вошла в редкий лесок и уже увидела его дом, кто-то её окликнул. Она остановилась, оглядываясь по сторонам. Из-за густо цветущего ярко-голубыми цветами куста вышел Сэтуэл и остановился в нескольких шагах от неё. В Славтушэни все мужчины были по- своему хороши, но Сэтуэл был действительно красив. Замшевые светло-коричневые брюки плотно облегли стройные длинные ноги, а широкий брючный ремень подчёркивал узкую талию. Ему очень шли длинные светлые волосы цвета спелой пшеницы. Он стоял в раскованной позе, словно позволял Тане оценить всю его красоту, но без какого-либо самодовольства. Это выходило у него вполне естественно. Татьяна действительно залюбовалась им, но не как женщиной, а как каким-то произведением искусства. Он напоминал ей «Давида» Микеланджело. Его красота не вызвала в ней не любви, не желания. Отсутствовала в нём харизма, что ли. В то время как от одного взгляда на Алексея сердце её наполнялось нежностью, и билось чаще, и дыхание становилось прирывистым, и хотелось прижаться к его груди, что бы услышать стук его сердца, и в низу живота начанало тянуть. Ничего подобного к Сэтуэлу она не испытывала.

— Фатуэла, — он, дав ей насмотреться на себя, подошёл так близко, что она ощутила лёгкий цветочный запах от его волос, — ты самая прекрасная женщина из всех, что я встречал. Ты такая нежная. Тебя хочется обнять или хотя бы прикоснуться к тебе. Он протянул руку и дотронулся до её щеки. Таня отступила на шаг.

— Сэтуэл, не стоит этого делать. Вряд ли это понравится моему мужу.

— А тебе?

— Мне тоже не доставляет удовольствие, когда ко мне прикасается чужой мужчина.

— Я мог бы стать для тебя не чужим, — серьёзно глядя ей в глаза, сказал он и взял её за руку. — Оставь своего мужа. Уходи от него ко мне. Ты останешься в нашем мире, и я клянусь тебе Духами Земли и Неба, не будет в Славтушэни женщины счастливее тебя. Я всё для этого сделаю.

— Интересно девки пляшут... — на русском языке пробормотала Таня и уже на языке Славтушэни обратилась к нему, — я счастлива со своим мужем и не вижу никакого повода уходить от любимого мужчины к не любимому.

— Он тебя не достоин! — Пылко воскликнул Сэтуэл.

«Переигрывает! Как там у Станиславского? Не верю? Вот и я не верю. Ему явно что-то надо от меня, только, что?..»

— А ты, значит, достоин? — Она попыталась освободить руку, но Сэтуэл крепко держал её.

«Молнией его, что ли, шарахнуть? Нет, рано ещё, подожду. Вдруг проговорится, с чего весь этот цирк». — Подумала Таня.

— Конечно! Ты любишь его потому, что не испытала моей любви. — Он приблизился снова. — Я буду любить тебя жарче и слаще, чем он. Поверь мне! Он никогда не будет

любить тебя так, как я.

«Похоже, все мужики одинаковые, что в этом мире, что в нашем. Думают, что дело только в сексе!»

— Сэтуэл, у нас не принято говорить такие слова замужним женщинам.

— Почему? Ты даже не представляешь, от чего отказываешься!

— Зато я знаю, что могу потерять, если соглашусь! Не забывай, он — мой муж! — Таня заговорила на повышенных тонах. Ещё не хватало тут с шаманом сцепиться. Что же всё-таки ему надо?

— Если двое хотят быть вместе, то им ничто и никто не может помешать.

— Ты прав: никто не может помешать нам с Ксеем быть вместе, потому что мы оба хотим этого одинаково. А ты... — Таня даже не поняла, почему вдруг положила ему руку на грудь, — ты очень красивый мужчина. От тебя исходят сила и величие. Твоя стать выдаёт в тебе человека благородного. Я думаю, у тебя нет недостатка в женском внимании и любви.

— Мне нужны внимание и любовь только одной женщины. Твои, Фатуэла. — С этими словами он обнял её и, прежде чем Татьяна что-то сообразила, стал целовать. Поцелуй его был властным. Он буквально вонзил язык между её зубов и стал жадно исследовать её рот. Он прижимал её к себе всё сильнее, и Таня неожиданно поддалась этому напору. Его мощь и сила на какое-то мгновение лишили её возможности сопротивляться, и она обвила его шею руками. Позволив его руке скользнуть ей под футболку, она отвечала на его поцелуи, как вдруг перед глазами встала Веста: «Что ж ты, внака, от морока поплыла? Забыла, что ли, чему я учила тебя?». Резкая боль в ладонях вернула её в действительность, туман в голове рассеялся. «Ах, ты, гадёныш! Морок наслал! Ну, я покажу тебе небо в алмазах!» В то же мгновение Сэтуэл отскочил от неё, как ужаленный. Ещё бы! Ведь она запустила ему в рот струю горького красного перца, предварительно увернувшись от его губ.

— И не вздумай больше применять ко мне магию! — Гневно сказала она отплёвывающемуся шаману. Он замер и тут же провёл ладонью вокруг рта несколько раз.

— А тебе понравилось целоваться со мной, я это почувствовал.

— Корону поправь!

— Понравилось, — уверенно проговорил он, — твоя душа потянулась ко мне...

— Не принимай желаемое за действительное. Ни душа, ни тело моё к тебе не потянулось бы, если бы ты в какой-то момент не кинул мне морок. Запомни — мне нужен только мой муж и люблю я только его.

— А если предположить, что Ксея нет в твоей жизни?

— Поверь, если бы его не было, то другого мужчины, кроме тебя я и не пожелала бы. Но Ксей есть. И давай оставим этот разговор.

Конечно, Таня сказала это только для того, что бы разрядить напряжённость между ними. Если бы она только знала, чем впоследствии обернутся её слова, она бы лучше прикусила себе язык, чем произнесла их. Она слегка поклонилась ему и быстрым шагом направилась к дому Лекбуша. Сэтуэл, глядя ей в след, почему-то ощутил лёгкое беспокойство. В Славтушэни девушки не носили брюки, а Таня была в брюках и выглядела более чем соблазнительно. Он смотрел на тонкую талию, на плавный переход к покатым бёдрам, на обтянутые плотной тканью ягодицы и, к своему недовольству, вспоминал их поцелуй и то возбуждение, которое он испытал, коснувшись её бархатной кожи под футболкой. Своя собственная реакция на это прикосновение ему не нравилась. «Она вызвала у меня желание одним поцелуем, но это не должно изменить моё решение. Я всё равно

сделаю то, что задумал и пусть сейчас бой проигран, но война продолжается. Я изменю тактику. Она сама подсказала мне новый план, не ведая этого. Она сильная шаманка, а я обращаю свой взор на того, кто в магии слаб.» Успокоив себя этой мыслью Сэтуэл отправился к своему дому, который, как и положено у шаманов, находился в лесу.

В сенях у Лекбуша Таня задержалась на некоторое время, что бы снять с себя остатки морока. Даже не задумываясь, как это надо делать, она провела ладонью около лица, над головой и около шеи и сердца. Рука стала липкой. «А он силён в магии! Такого шамана лучше иметь в лагере друзей, чем в стане врагов». И тут она увидела, что ладонь её покрыта чёрной паутиной. «Чёрная паутина... чёрные волки... Интересно, что за связь?» В совпадения она не верила. «Ладно, не будем торопиться с выводами, хотя... может, поэтому Сэтуэл так упорно пытался внушить мне свои чувства... Он, точно, что-то задумал». Она решила ничего пока не говорить Лекбушу, а попытаться разобраться в происходящем сама. Таня опалила мысленным огнём ладонь, что бы убрать остатки магии и вошла в комнату.

— Что-то ты долго, — Лекбуш внимательно всматривался в её лицо.

— С Сэтуэлом поболтали.

— И о чём, если не секрет?

— Нет никакого секрета. Зовёт замуж, обещает сделать самой счастливой женщиной в Славтушэни. Я смотрю, мужчины у вас тут быстро принимают решения. Если бы не Ксей, я бы, наверно, уже завтра чьей-нибудь женой стала.

— Так ты отказала Сэтуэлу?

— Конечно! У меня же есть Ксей. Зачем мне кто-то другой?

— Ну, хочу сказать, что брак двух шаманов дорогого стоит.

— А любовь?

— У людей, объединённых общим делом любовь не главное.

— Знаешь, если бы я не любила Ксея, может и согласилась бы с твоим мнением, но я его люблю, и не собираюсь ничего менять, а все претензии Сэтуэла мне неприятны. У нас не приветствуются измена и предательство, а у вас?

— Узнаю в тебе Весту. Такая же прямолинейная... Никакой дипломатии.

— Это плохо?

— Нет, это замечательно.

— Тогда давай оставим этот бессмысленный разговор о любви и измене и вернёмся к чёрным волкам и Фэтушу.

— Понимаешь, у нас с Фэштупалью произошёл конфликт. В нашей стране огромные залежи золота и драгоценных камней. У них полное отсутствие таковых. Но Фэтуш очень хотел наладить торговлю драгоценностями с вашим миром, а у них — то ни камней нет, ни золота. Ну, вот и вышел он с предложением отдать ему наши рудники. Только предложение было своеобразное...

— Подожди, не продать, а отдать? Я правильно поняла?

— Да, именно так. Правда, приподнёс это он всё красиво и витеевато, мол, мы одно целое, а тот мир, то есть ваш — это совсем другое. И предложил объединение Славтушэни и Фэштупали. Понятно, для чего — что б рудники стали общими. Но в Совете у нас не дураки же сидят! Старейшины прекрасно понимали, что это будет не столько объединение, сколько захват Славтушэни. Мы не захотели объединяться, нам и так было хорошо. Наши люди относили золото и камни знакомым ювелирам в вашем мире и они, зарабатывая деньги себе, зарабатывали и нам, но Фэтуш решил, что мы неправильно распоряжаемся нашими ресурсами и хотел навязать свою политику. Мы не стали делать так, как он предлагал и мир

между нашими мирами, прости за каламбур, рухнул.

— Ну, прямо рейдеровский захват разработал!

— Что?

— Есть у нас такое понятие. То есть Фэтуш рассердился на вас за то, что вы отказались объединяться с его миром?

— Именно так. Рассердился, что не пошли ему навстречу и поставил магический заслон между нашими державами, прекратив все отношения. Раньше у нас с ними был обмен: они нам металл, мы им золото. Теперь металл берём через наших людей в вашем мире.

— Но это глупо! Веками вы были соседи, и до Фэтуша никто ни о каком объединении миров даже не думал. Или я что-то не понимаю?

— Ты всё правильно понимаешь, только Фэтуш всё видит в другом свете: кто не с ним, тот против него.

— Тяжелый случай... Из Фэштупали тоже можно попасть в наш мир?

— Да, у них так же открываются порталы.

— Я правильно поняла, что людей из вашего мира много у нас?

— Очень много. Сестра Сэтуэла и его мать, например, тоже жили там.

— Почему жили?

— Сестра погибла, а мать не пережила её смерти. Он очень переживал. Даже в горы уходил.

— В Чёрные горы? Но это же территория Фэштупали!

— Граница проходит по вершине. Он был у подножья. Работал в каменоломнях.

— А как получилось, что Сэтуэл жил в Славтушэни, а его семья у нас?

— Ты же сама знаешь, что полностью маг не может раскрыться в вашем мире. У вас действуют другие источники силы и энергии, а он очень сильный и талантливый шаман. Он хотел раскрыть в себе всю силу магии, а так это возможно только тут, он и остался у своего дяди, кстати, тоже шамана. Его мать Олисата встретила мужчину из вашего мира и покинула нас, но не сына. Потом у неё родилась дочь, и она часто привозила её сюда маленькой.

— А как же отец Сэтуэла? Или у вас тоже разводятся?

— К сожалению, он погиб. Такая нелепая смерть... Он утонул, когда Сэтуэлу не было и двух лет.

— Так, ну с этим потом. Ты говорил, что чёрные волки помощники Фэтуша. Интересно, то, что я дважды их видела — это случайность?

— Фатуэла, ну ты же прекрасно знаешь, что в жизни мага случайностей не бывает.

— Значит, он каким-то образом прознал про меня... Лекбуш, но откуда?! Я сама узнала чуть больше недели назад, что поеду сюда. Веста не объяснила мне, как попасть в Славтушэнь. Я даже не знала, как можно приходить к вам, хотя очень часто вспоминала ваш мир и была не прочь тут погостить. И тебя часто вспоминала...

— И опять повторю: в жизни мага не бывает случайностей. Значит, раньше тебе и не надо было нас навещать, а сейчас по каким-то неизвестным причинам твоё появление здесь нужно, вот ты и попала сюда, правда, немного необычно...

— Значит, Фэтуш знает, что на одну шаманку у вас сейчас больше. Только зачем это ему? Как думаешь, он может замышлять нападение на Славтушэнь?

— Вполне может. И, зная, что ты здесь, скорее всего, отложит нападение, ведь победить тебя очень трудно.

— Неужели я сильнее тебя?

— Намного. Ты не просто шаманка, ты — Стражница, а один Стражник ста шаманов стоит, девочка.

— Что-то я про Стражников ничего припомнить не могу...

— Веста тоже была Стражницей. Она тебе перед смертью всю силу и все свои знания передала.

— А ты уверен, что я — Стражница?

— Про другой знак знаешь?

— Да, мне Веста перед смертью объяснила, а раньше она говорила, что это шрамы. Что я с крыльца маленькая упала и мне голову неаккуратно зашили.

Татьяна ещё с детства знала о том, что у неё на затылке, у основания черепа с двух сторон были шрамы на коже в виде кругов. Когда мыла голову всегда чувствовала пальцами эти два небольших круга, в которых находились складки кожи в виде ромбов. И только, когда приехала летом к бабе Весте перед институтом, та ей рассказала, что это знаки принадлежности к высшей касте шаманов и обладанию великой силы. Тогда Таня не особенно прислушивалась к ней. Осознание близкой смерти своей любимой прабабушки очень расстраивало её, и она плохо воспринимала любую информацию.

— Значит, они у меня с рождения? — Лекбуш кивнул.

— А почему моя мама всегда ругалась, когда я с ней на эту тему пыталась говорить? Она ведь знала и про мою силу, и про Славтушэнь.

— Она знала, только всё это ей не нравилось. Не лежала у неё душа к нашему миру. И потом, она очень переживала, что на тебе такая ответственность лежит.

— Да какая ответственность?

— А ты приложу свои руки ладонями к этим кругам.

Татьяна сделала так, как сказал Лекбуш. Жар охватил её голову, а потом словно молния пронзила мозг.

— Я вспомнила! — Воскликнула она и даже встала. — Да, да, она говорила про какую-то битву. — Таня заходила по комнате. — Стоп! Мне здесь что — воевать придётся!? Лекбуш! Ну, какая из меня Стражница! Я всю свою жизнь прожила в мире, где нет такой мощной магии, где всё сводится к притяжению финансов, любви, здоровья и удачи. С Духами разберусь. Думаю, общение с ними везде одинаково — накормив Духа, получишь желаемое, но ведь я даже не знаю ваших законов природы и источников силы! Подожди... — она остановилась и внимательно посмотрела на шамана. — Это ты меня призвал, что ли? — Лекбуш смутился.

— Зачем ты это сделал?

— Я говорил с Духами, и они предупредили меня, что Славтушэни грозит опасность. Из старых шаманов остались я, да дядя Сэтуэла Олушат. Сэтуэл тоже очень силён, но мы втроём вряд ли сможем противостоять Фэтушу. Наши ученики ещё не имеют силы, которая нужна для битвы. Такая сила приходит после 29 лет, а им ещё и 25ти нет. Одна надежда на тебя.

— В смысле?

— Я хочу просить тебя о помощи...

— То есть ты сознательно выдернул меня из моей привычной жизни, что б я тут «звёздные войны» выиграла!? И с утёса меня толкнул!?

— Нет, к утёсу я не имею никакого отношения, — и шаман поднял левую руку ладонью вперёд, — клянусь Духами, защищающими Славтушэнь. Я поэтому очень расстроился, узнав про чёрных волков и твоё падение. Такие шутки в духе Фэтуша. Может, он надеялся, что ты не выплывишь. Только ты не растерялась и стала духа-защитника призывать, да муж твой бесстрашным оказался. Спас тебя. Я такого поворота не ожидал... Фатуэла, ты пойми: Славтушэнь может погибнуть! Весь наш мир может рухнуть в одночасье! Прости старика, но у меня не было выбора...

— Шатуся, — крикнула Таня в сторону другой комнаты. Шатуся вышла и вопросительно посмотрела на неё.

— В вашем мире водка есть? — Шатуся перевела взгляд на Лекбуша. Старый шаман кивнул в ответ на её немой вопрос. Шатуся повернулась, что бы пойти в сени, а Таня крикнула ей в след, — а ещё чёрный хлеб и селёдку, — потом посмотрела на Лекбуша:

— Напьюсь сейчас и покажу тебе небо в алмазах! — Пригрозила она ему не то в шутку, не то в серьёз.

Вошла в комнату Шатуся с подносом, на котором стоял запотевший графинчик с прозрачной жидкостью, хлеб на салфетке, стопка и нарезанная тонкими ломтями рыба. Таня стопку отодвинула и попросила стакан.

— После вашей водки голова болеть не будет?

— Это ваша водка. Крепкие напитки у нас не приветствуются.

— Понятно, для таких гостей, как я держите. — Она налила полстакана водки, сделала бутерброд с неизвестной ей рыбой, выпила, не поморщившись, и закусила.

— Теперь говори.

— А водка-то зачем? Вот показушница...

— Не показушница! Если бы я сейчас водки не выпила, то сама бы к чертям свинячьим всю Славтушэнь разнесла, не дожидаясь Фэтуша. Верить? — Она подалась вперёд и посмотрела в глаза шаману.

— Верю, — сдавлено проговорил Лекбуш и даже отшатнулся от её разгневанного взгляда.

— Понимаешь, что ты сделал!? Ты меня из моего мира дёрнул, мужа моего тоже. Там сейчас люди, друзья наши, с ума сходят! Нас ищут! Мама моя с отцом со мной простятся, мысленно похоронят, сын оплакивать будет... Ты хоть понимаешь это!

— Но твоя мама...

— Да, она знает про этот мир. Но она же не будет уверена, что я в Славтушэни.

— Я всё понимаю. Только там несколько людей, а тут целый мир. Ты тоже пойми, Фатуэла, без тебя, без твоей помощи Славтушэнь погибнет! А мама твоя всё поймёт сразу...

— А папа? Он же про Славтушэнь не слышал никогда. Ещё маму в психушку упечёт, если она ему всё расскажет... А вдруг я не справлюсь? Об этом ты подумал?

— Только ты и справишься. Есть Духи, с которыми только Стражники могут договориться. К простым шаманам они не спешат на призыв. А с их поддержкой ты кого угодно победишь.

— А вдруг Фетуш тоже Стражник?

— Нет. В Фэшгупали Стражники не рождаются.

— И как ты себе всё это представляешь? Каких Духов я на помощь призову? Я ведь даже имён их не знаю...

— Ну, ты же знаешь, что имена и заговоры у тебя в голове сами всплывают, стоит тебе только подумать о том, что нужно.

— А если Фэтуш, зная, что я здесь, передумает нападать? Или дождётся, когда мы с Ксеем уйдём через портал в свой мир. Или ты мне прикажешь здесь на веке поселиться?

— Ты же знаешь — приказать не могу, просить могу.

— Хорошо. Давай, как у нас говорят — утро вечера мудренее. — Она налила ещё водки и, позвав Шатусю, попросила принести компот или сок. — Сейчас ты покажешь мне дом, где мы с Ксеем переночуем, а то уже скоро стемнеет, — она посмотрела в окно, — а я завтра с утра на свежую голову всё обдумаю.

Она выпила водку и запила малиновым соком.

— И не торопи меня с ответом, хотя... Всё решено, да?

— Нет, решаешь только ты. Если послезавтра ты захочешь покинуть Славтушэнь — тебя никто не задержит. — Лекбуш взял её левую руку и коснулся губами. — Прости меня... Прости, девочка.

— Пошли, дом покажешь, — Таня положила свою руку на его. — Я не вобиде, хотя и сержусь... С Ксеем ещё надо всё обсудить, — она покачала головой. — Пошли. Я ещё хочу мужа встретить.

Они поднялись и вышли на улицу.

— А вот как ты на счёт баньки? — Чуть заискивающим голосом спросил шаман.

— Ух, ты! У вас банька есть?

— А как же! Не в реке же мы моемся.

Лекбуш провёл её по тропинке в сторону от своего дома, вдоль молодого березняка. Остановился.

— Сейчас, подожди немного. — Он поднял руки вверх, проговорил несколько слов, потом сложил ладони лодочкой и пропел заговор, упоминая в нём Безолу. Затем стал потирать ладони и, когда между ними засиял голубой огненный шар, бросил его в сторону улицы, которая была сзади.

— Пошли. — Сквозь стройные стволы берёз она увидела небольшой домик с верандой. Лекбуш, на ходу потирая ладони, прошёл к этому домику и кинул яркий жёлтый шар на крышу верандочки. Шар повис, словно фонарик. Таня, недолго думая, повторила то, что делал Лекбуш, и украсила веранду ещё несколькими жёлтыми и оранжевыми шарами разной величины. Магия света получилась у неё так легко, словно она всю жизнь ей занималась.

— Отлично! В нашем мире так не сделаешь, — любуясь на свою работу, сказала она.

— Это баня, а вот тут... — Лекбуш бросил зелёный шар и тот повис на веранде стоящего рядом дома, — тут вы с Ксеем переночуете. Скоро стемнеет, и огоньки будет видно с тропинки.

— Добрый вечер, — раздался нежный девичий голос. Они оглянулись и увидели Мэнуолу. Она низко поклонилась им и спросила: — Зачем ты позвал, Лекбуш?

— Я не тебя, я Безолу звал, — Лекбуш приподнял бровь.

— Она была занята, твоё послание прочла я и отправилась вместо неё. Я решила, что ты хочешь провести магический урок, ведь в послании не было ничего срочного или личного. У меня ещё плохо пока получается волшба... — девушка смущённо потупилась, словно извиняясь, — а Безола сильнее меня. Может пропустить занятие. Ты сердисься?

— Не на тебя, на Безолу. Чем же она таким занята, что игнорировала мою просьбу? Только я не заниматься её звал. Ну, раз ты пришла... Я хочу, что бы ты принесла в баню одежду для Фатуэлы и Ксея, а так же полотенца, мочалки и мыло с шампунем.

Мэнуола поклонилась и спросила:

— Фатуэла, ты бы хотела платье какого-нибудь цвета или просто льняное?

— Ну, раз ты хочешь поучиться магии дам тебе задание. Попробуй понять цвет. — И с этими словами Таня прикаснулась левой ладонью к её лбу.

— Ты хочешь синее или сереневое? — Робко спросила девушка.

— Ну, вот, а говоришь, плохо получается. Отлично получается! Я люблю эти цвета.

Мэнуола радостно улыбнулась.

— Я принесу самое красивое! — Она снова поклонилась и быстро пошла по тропинке в деревню.

— И бельё нижнее не забудь! — Крикнула Таня ей в след. — Хорошая девочка, без второго дна. — Это уже Лекбушу.

— Какое странное выражение.

— Не странное, а точное. Подлость ей не свойственна и в спину она не ударит.

— У нас не принято в спину бить, — покачал головой Лекбуш.

— Думаю, что кое-кто может.

— Сэтуэла имеешь ввиду?

— И Безолу. По ней видно, что она с гонором, а такие люди могут иногда сюрприз приподнести, если что-то не по их желанию происходит.

— Ну, с ней ты не ошиблась. Была с её стороны промашка. Я даже наказал её однажды. На полгода силу магическую забрал.

— Она могла обиду затаить и припомнить при случае. Вот это и называют у нас двойным дном. А проще — коварством.

— Дом будешь смотреть?

— Нет, а вот баню, думаю, затопить надо. А то она прогреться не успеет.

— Ты шаманка или нет? Поторопишь её, и прогреется быстрее быстрого.

— Я всё время забываю, что магия тут рулит, — усмехнулась Таня.

— Хорошо. Что бы тебе было спокойней, мы сейчас её затопим, и ты пойдёшь мужа встречать. Он после работы голодный, наверно будет. Я Мэнуоле скажу, она вам мяса нарезаного да сыра принесёт, печь затопит и чайник поставит. А в баньку что хочешь — квас или компот?

— Лучше квас холодный. Хотя, компот у твоей Шатуси знатный!

— Вот она всё и принесёт.

Алексей попросился с мужчинами, особенно тепло с Шэтуолом и отправился по уже знакомой дороге к дому Лекбуша. Он пожалел, что отказался от того, что б Тата его встретила. Как было бы хорошо пройтись с ней сейчас по деревне, держась за руки и, слушая щебет незнакомой птахи, вдыхать аромат нежных цветов. Ему было хорошо просто находиться с ней рядом, просто прижимать к себе и слышать её дыхание, биение её сердца. Она шаманка, а в магии это, кажется, называется совпадением вибраций. Ни с одной женщиной у него вибрации так не совпадали. Ему даже молчать рядом с ней было приятно. Он повернул к дому Лебуша и, проходя мимо густого ельника, увидел Татку. Она уже успела переодеться. Синее платье свободного покроя очень шло ей. Она, перехватив его взгляд, поманила рукой к себе.

— Тата! Как хорошо, что ты решила меня встретить! Я только что о тебе думал.

Она приложила палец к губам и снова поманила его ладошкой. Алексей пошёл к ней.

— Милая, как хорошо, что ты здесь.

Таня обвила его шею руками и, прижавшись к его губам, стала жадно целовать. Он отвечал на её поцелуи так же страстно. Она взяла его за руку и потянула за собой, углубляясь в лес.

— Почему ты молчишь, Татка? — Но она снова приложила палец к губам, словно призывая его молчать. Они углубились в лес и оказались на поляне. Она стала целовать его, при этом расстёгивая ремень на брюках. Тело его было готово к любви, но вот душа — он прислушался к себе — нет. К его удивлению душа отчаянно сопротивлялась, и понять причину этого он никак не мог. Он откинул её волосы, открывая шею, и стал целовать обнажённое плечо. Она легко выскользнула из платья и осталась перед ним полностью обнажённой. В наступивших сумерках тело её казалось белым, как мрамор. Алексей охватил её всю взглядом, любуясь тонкой талией. И вдруг... Что-то смутило его в её фигуре. Она уже снимала с него толстовку, когда он понял, что именно. Вместо гладкого лобка он увидел светлый пушок волос. Он резко развернул спиной к себе женщину — на лопатке не было татуировки. Ни волка, ни букв, ни знаков. Алексей отстранился от неё:

— Ты не Татка! Кто ты и что тебе надо? — Алексей оттолкнул незнакомку и попятился. Лицо осталось Танино, но выражение глаз изменилось. В них полыхнула злоба. Так вот почему его душа сопротивлялась! Если они были единым целым, как себе представлял Алексей, то душа сразу распознала, что это не его половинка. Видно, в этом мире такое возможно. Он повернулся и шагнул, как ему показалось, в сторону тропинки. Но вместо просвета перед ним был густой лес. Алексей оглянулся, но поляна была уже пуста. Женщина исчезла. Только его толстовка валялась на траве. Он поднял её. Одел. Стал осматриваться по сторонам и с удивлением понял, что лес какой-то другой, не такой, в который они заходили. Рука непроизвольно потянулась к поясу — нож на месте. «Уже хорошо»- подумал мужчина. Страх не было, была досада. Как он так повёлся! И Тата будет расстраиваться... Стоп! Как там она говорила? Мир магии? А как она тогда духа-защитника призывала? Конечно, он не маг, но лучше пытаться, чем ждать неизвестно чего. Алексей закрыл глаза и стал вспоминать, что она шептала, когда он вытащил её на берег. «А туа тэ, а туа тэ. Эда о, уэнто су тэ, тосу э» — кажется, так потом она говорила волку. Барс представил себе большого белого зверя и стал повторять те слова, которые ему удалось вспомнить. Вдруг он

почувствовал, как что-то влажное коснулось его руки. Он открыл глаза. Рядом с ним сидел белый волк, и тыкался носом в его руку.

— Привет, дружище! — Обрадовался он. — Вот только не знаю, как тебя зовут, и как мы с тобой на разных языках будем понимать друг друга? Слушай, брат, найди Фатуэлу, — вдруг осенило его, — Фатуэлу можешь позвать? Фа-ту-э-лу, — по слогам сказал он, в надежде, что волк, услышав знакомое ему имя, поймёт его и на русском языке. И действительно, когда Алексей произнёс имя Фатуэлы, волк наострил уши и внимательно посмотрел ему в глаза.

— Да, да, найди Фатуэлу!

Волк просто закрыл глаза. Алексей не знал, понял ли его зверь. Он присел рядом, обнял зверя за шею и тоже закрыл глаза. Сказал бы ему кто-то в Питере, что он будет просить помощи у волка, покрутил бы пальцем у виска. А сейчас ничего, просит... И ещё за шею обнимает...

Таня шла по проулку. По непонятным законам этого мира водка подействовала странно: она совсем не опьянела, а чувствовала лёгкую эфорию, как после бокала шампанского, не больше. Неожидано она почувствовала призыв и жжение в ладонях, остановилась и оглянулась по сторонам. Присмотрелась внимательней к ельнику и увидела в глубине его марево. Призыв исходил оттуда. Она вошла в ельник, подняла руки, потом выставила их перед собой и резко развела в стороны, словно занавески распахнула. Марево рассеялось, и она увидела Алексея, сидящего на земле в обнимку с волком.

— Алёшенька, Алёша! Что случилось!? — Она подбежала к ним и опустилась на колени рядом.

— Слава Богу, это ты! — Алексей погладил её по щеке.

— Что случилось? И почему Мушэм здесь? — Волк ткнулся мордой ей в плечо. Она потрепала его за ухом, как собаку.

— Ты помог Ксею, да, мой хороший?

Волк лёг у их ног и стал переводить взгляд с Тани на Алексея.

— Что произошло? Ты скажешь, наконец!?

Алексей встал и помог ей подняться. Таня посмотрела на Мушэма и кивком отпустила его. Волк поднялся и исчез, словно растаял.

— Сам плохо понял... Я пошёл к дому Лекбуша сразу, как мы закончили работу и в этом ельнике увидел тебя. Ты поманила меня рукой, и я пошёл к тебе. Единственное, что меня удивило, это то, что ты молчала. Потом мы зашли глубже в лес и ты... — он вдруг смутился, — поверь, я думал, что это ты, просто уверен был... Мы стали целоваться, но у меня в душе всё противилось происходящему... я даже сам удивился... А потом, когда ты платье скинула, я увидел, что нет татуировки, и понял, что это не ты... Я оттолкнул эту женщину, и она исчезла. Потом я не мог выйти обратно на дорогу... поплутал тут и решил попробовать позвать твоего волка. Ты же сама говорила, что здесь всё пропитано магией. Я вспомнил те слова, что ты произносила, и волк пришёл, представляешь! Видно, действительно тут магия сплошная, если уж я, человек несведующий, смог его на помощь позвать. А уже он, видимо, как-то позвал тебя...

— Да, я услышала призыв, когда проходила мимо ельника. — Задумчиво проговорила Таня. — Я, кажется, знаю, кто это был.

— И кто же? — Они уже вышли на тропинку. Таня взяла его за руку и повела к бане.

— Безола. Она с тебя глаз не сводила. Так хотела твоей любви, что даже мной прикинулась. И к Лекбушу не пошла, когда он её позвал.

— Вот это мне совсем не нравится! Тата, раз уж мы вынуждены тут находиться какое-то время, может, ты защиту мне магическую поставишь или как там это у вас, шаманов, называется? Понимаешь, с людьми я договарюсь и, в случае физической опасности, и тебя и себя защитить смогу, но против магии я не боец. В ней я ничего не смыслю. Я привык к опасностям другого рода, и они меня не пугают, а с магией я просто теряюсь. Я же простой человек и не хотел бы опять в идиотском положении оказаться!

— Хорошо, милый. Защиту ставить бесполезно, её при желании пробить можно. Я охранника тебе дам. Увидеть его не увидят, а уж он за тебя постоит. В крайнем случае, меня позовёт.

На улице было уже темно, по всей деревне горели разноцветные фонарики. Не доходя до дома Лекбуша, Таня свернула с тропинки, и Алексей увидел в глубине леса свет.

— Как красиво! Что это?

— Там, где жёлтые огоньки — банька, а где зелёные — наш дом.

— Так мы с тобой ещё и в баньке попаримся? Это чудесно просто! — Он остановился и прижал к себе Таню. — Пока работал, только и думал о тебе. Он погладил её по волосам, пропуская их между пальцами, потом наклонился и прижался щекой к её щеке, коснулся губами шеи. — За эти два часа так соскучился, словно сто лет тебя не видел, — прошептал он, целуя её. Она поймала губами его губы, и какое-то время они не могли оторваться друг от друга

Баня Алексею понравилась. Большой предбанник с лавками и столом, открытые полки на стенах. На столе два красивых керамических кувшина, прикрытых льняными салфетками и две керамические кружки.

— Всё, как у нас. Смотри, Тата, полотенца, одежда...

Татьяна положила одежду на лавку и быстро провела рукой над синим платьем.

— Зачем это?

— В свете последних событий не мешает всё проверять на магическое воздействие.

— Тата, — он заглянул ей в глаза, — она, правда, была вылитая ты. Если бы не татушка, то не отличишь.

— Алёш, уж если я сама попалась, то про тебя даже говорить нечего.

— Что значит — ты попалась? Кто-то прикинулся мной?

— Нет, морок бросил. Я смотрю, они мороком здорово тут владеют. Сразу не поймёшь, — и Таня, положив на лавку кружевное бельё нежно-сереневого цвета, проделала с ним тоже, что и с платьем.

— Ого! У них даже бельё женское такое же, как у нас, — восхитился Алексей.

— Конечно. Женщина в любом мире хочет одеваться красиво. Смотри, какое платье чудесное. Чистый хлопок. У них вся одежда натуральная: хлопок, лён, замша, кожа... — с этими словами она положила на лавку полотенца, белую мужскую рубашку, замшевую безрукавку цвета какао и тоже провела несколько раз рукой над каждой вещью. Затем подняла руки вверх и стала быстро вращать ими над головой, произнося какие-то слова, то повышая, то понижая голос. Потом добавила:

— Это Мэнуола принесла. Тут ещё мочалки, мыло и шампунь. — Таня сняла с себя толстовку и положила на полку. Алексей тоже стал раздеваться. Она разделась первой и, прихватив банные принадлежности, зашла в парную. В баньке вкусно пахло какими-то травами, но само помещение ещё не нагрелось для того, что бы париться. «Как там Лекбуш сказал? Поторопить? Сейчас поторопим». — Подумала она, но поторопить не успела. Алексей вошёл за ней почти сразу и пока она думала, как же правильно быстрее протопить баньку, обнял её сзади, прижался грудью к спине, потёрся щекой о затылок. Таня слышала, как гулко стучит его сердце. Он отстранился от неё ровно на столько, что бы можно было целовать её шею, плечи, касаться губами волос. «Татка, солнце моё... Сладкая моя...» — шептал он, нежно покусывая ей мочку уха. Она чувствовала, как его возбуждённая плоть уперается ей в ягодицы. Рука Алексея скользнула по её груди, задержалась на набухших

сосках, потом опустилась к животу, пальцы дотронулись до нежной плоти. Он нащупал чувственный бугорок и стал то легко скользить по нему, то слегка сдавливать. Тата вздрагивала от каждого его прикосновения, сладостное возбуждение росло между ног от движения его пальцев и растекалось по всему телу. Она откинула голову назад, подставляя Алексею губы для поцелуя, и его язык сразу же скользнул ей в рот, в то время как пальцы продолжали нежную ласку. Его тело накрыла волна жара, когда она издала тихий протяжный стон, но он не остановился, а лишь усилил ласку, что бы сладостные ощущения, которые испытала его любимая женщина, достигли пика. Потом пальцы его скользнули глубже и стали влажными.

— Скажи, что ты хочешь меня, — шептал он, продолжая ласкать её. — Прошу тебя, Татка, скажи.

Влага на его пальцах была неммым доказательством её желаний, но он так хотел услышать от неё эти слова. Она повернулась к нему, и Алексей встретился с её взглядом, полным желаний. Она обняла его за шею и, скорее простонала, чем сказала:

— Хочу тебя... Хочу тебя, Алёшенька...

Он подхватил её на руки и посадил на полку так, что его бедра оказались между её ног. Татьяна откинулась назад, допуская его в себя. Она обвила его бедра ногами, подстраиваясь под его любовный ритм. Слившись в единое целое, они вместе полетели в бездну высочайшего наслаждения. Когда внутренняя дрожь прошла, и напряжение сменилось лёгкостью, Алексей, прижимая к себе Таню, прошептал:

— Я без ума от тебя, — и посмотрел на неё с таким желанием, словно и не было только что всепоглащающей страсти, которая закончилась взрывом изнутри.

— В таком случае, боюсь, я не могу стать твоей женой, — она нахмурилась.

— Почему?

— Умалешённых не расписывают! — В глазах её бегали смешинки, хотя она и продолжала хмурить бровки.

— «Покровские ворота», да?

— Да, — она засмеялась, — видел бы ты своё лицо, когда спросил «Почему?»

— Татка, не пугай меня так больше, пожалуйста! И не шути, ладно? — Взгляд его был очень серьёзным. — Я ведь, правда, своей жизни без тебя не представляю.

— И я без тебя своей, Алёшенька, — Таня погладила его по щеке, потом поцеловала.

— Да что ж такое-то, а? — С трудом оторвавшись от её губ, сказал Алексей. — Мне с тобой никак не нацеловаться!

— Подожди, через пару лет нацелуешься, — Таня чмокнула его в плечо, — Алёшка, может, помоемся, наконец? Или мы зря в баню пришли?

— Не прогрелась ещё, — он взял её руку и потерся щекой о ладонь.

— Сейчас ускорим, — Таня из-за его плеча посмотрела на печь, потом выставила вперёд правую руку и тут же закипела-забулькала вода в большом баке, запылали-затрещали весело дрова.

— Смотри, вон в углу веники, давай зальём.

Пока Алексей заливал берёзовый веник, Таня взяла ковшик и побрызгала на камни и стены.

— Ложись, — он кивнул ей на полку. Пар был крепкий, слегка обжигающий. Напарившись и окатившись холодной водой, они вышли в предбанник.

— Чудо просто, — Таня налила квас и подала Алёше.

— Квас у них непривычный какой-то. Кислый и с привкусом.

— Конечно, непривычный. Всё натуральное, никаких тебе улучшителей вкуса, а вода, между прочим, горная.

— Татка, давай уже помоемся скорее и в дом пойдём.

— Ты устал, да? Тебе спать хочется? — Она взъерошила его влажные волосы.

— Именно так: мне с Вами скучно, мне с Вами спать хочется, — с этим незатейливым каламбуром он обнял её за талию, притянул к себе и поцеловал во влажный ещё живот. — Татка, я очень хочу лечь, и что бы ты была рядом, я хочу заснуть с тобой и хочу увидеть тебя, как только открою глаза после сна. — Он прижался щекой к её влажному телу, потом поднял голову и посмотрел ей в глаза:

— Ты можешь не поверить, но я так тебя хочу... — и провёл языком по бархатной коже её живота.

Сэтуэл обошёл баню несколько раз и с удивлением понял, что защиту, которую поставила шаманка, пробить у него так сразу не получается. Нет, конечно, если он применит другие способы, то сможет проникнуть в баню и услышать, о чём беседует Фатуэла со своим мужем, но эти усилия она сразу почувствует. В раздумьях о её силе Сэтуэл пошёл к своему дому. В руке у него горел жёлтый шар, освещающий дорогу. Около порога он ощутил чьё-то присутствие и, сосредоточившись на еле заметной тени, позвал:

— Вилеса, выходи.

Из-за дерева шагнула стройная девушка в зелёном платье.

— Почему ты здесь?

— Ты так давно не звал меня... Я просто хотела тебя увидеть...

В Славтушэни быть возлюбленной шамана считалось почётным, равно, как и возлюбленным шаманки. Шаманы относились к высшей касте и пользовались гораздо большим уважением, чем Старейшины.

— Хорошо, что пришла. Заходи, — он пропустил девушку вперёд. Вилеса, обрадовавшись, что Сэтуэл не рассердился на неё за столь внезапное появление без приглашения, скользнула в дом.

Пройдя через кухню, они оказались в очень уютной спальне. Широкая кровать под лёгким пологом была накрыта большим шерстяным пледом. Сэтуэл сел на кровать и позвал к себе Вилесу.

— Я был занят эти дни, но о тебе не забывал. Просто времени не было... Ты скучала по мне?

— Очень, — прошептала она, снимая платье.

Среди ночи шаман проснулся от ощущения чьего-то присутствия. Открыв глаза, он увидел тёмный силуэт мужчины. Набросив на Вилесу заклятье крепкого сна, что б она не проснулась раньше времени, Сэтуэл прошёл в другую комнату. Тень проследовала за ним.

— Твоё мнение, — глухим голосом сказал полночный гость.

— Она очень сильна. Её магия превосходит мою.

— Может, она и Лекбуша сильнее?

— Не знаю. Морок мой она почувствовала чуть ли не с первой секунды.

— Значит, тебе не удалось соблазнить её?

— Нет. Она верна своему мужу и очень любит его.

— Так любит, что отказалась от тебя? Ну, что ж. Это хорошо. Ты воспользуешься этим.

— Каким образом?

— Убьёшь его. Это её ослабит.

— Она сразу почувствует его смерть и узнает, кто это сделал.

— Ты накроешь его тело полем живых, спрячешь его, она начнёт волноваться, начнёт искать и в момент этих переживаний станет уязвима и ослаблена. Нет более лёгкой добычи, чем женщина, переживающая за своего мужчину. Я заберу её силу, силу остальных шаманов и тогда Славтушэнь будет побеждена. Ты займёшь место Лекбуша. Всех шаманов вместе с Фатуэлой мы уничтожим.

— Почему уничтожим!? Ведь мы можем просто отправить их в Шандушен!

— Сэтуэл! Маги, лишённые силы, могут возрадиться даже в Шандушене, если

объединяться и хоть один из них принесёт себя добровольно в жертву Духу Всесилия. Ты плохо знаешь историю предков. Такое однажды было. Мы не можем рисковать своей властью и жизнью. Что тебя смущает? Жаль своего Учителя? Или?.. Только не говори, что Фатуэла поселилась в твоём сердце. Я прав? Поселилась?

— Нет. Просто она задела моё самолюбие своим отказом.

— Ну что ж, ты сможешь насладиться ей перед тем, как она умрёт. Доставишь ей радость перед смертью... Ну, или она тебе... — гость негромко рассмеялся. — И не забывай: она виновна в гибели твоей сестры, твоего неродившегося племянника и преждевременной смерти твоей матери. Разве такой женщине есть место в твоём сердце? — Сэтуэл молчал. Боль от потери дорогих ему людей не проходила с годами. Она притупилась, но не исчезла. И желание отомстить не исчезло тоже. Именно месть толкала его на предательство.

— В моём сердце поселилась только жажда мести. Её отказ от моей любви вызывает лёгкую досаду, не больше.

— Хорошо. Я рад, что твой разум сильнее всяких сердечных переживаний. Сердце шамана должно быть холодным, а голова рассудительной, если дело касается власти. Итак, всё должно случиться завтра. Если послезавтра она отправит своего мужа в их мир, то придётся заново искать её слабое место, что бы застать врасплох и уж точно победить. Жду от тебя сигнала. — С этими словами тень растаяла.

Сэтуэл вернулся в комнату, где спала Вилеса, снял заклятье сна и осторожно, чтоб не разбудить девушку, лёг рядом. Разговор с ночным гостем обеспокоил его. Изначально разговор шёл не о завоевании Славтушэни, а о перемирии двух держав в благодарность за помощь посчитаться пусть с косвенной, но убийцей его семьи. Не было никаких разговоров о смерти шаманов. И разговора о захвате власти тоже не было, тем более что к власти он особо не стремился. Его вполне устраивало место рядом с Лекбушем. Тщеславием Сэтуэл не страдал. Сначала он жаждал смерти Фатуэлы. Потом, когда увидел и почувствовал всю её мощь, захотел забрать себе её силу. Но вот после её отказа от его любви, хотя это был всего лишь тактический ход с его стороны, что бы проще было забрать силу, он никак не мог избавиться от навязчивой мысли обладать этой горячкой любой ценой. Вот только, к своему удивлению, смерти её он больше не хотел. Да ещё известие о том, что шаманов надо уничтожить, шокировало его. Им он точно не желал смерти. Сэтуэл задумался: как же так получилось, что из благородного, как он думал мстителя, он готов стать убийцей хорошо знакомых ему людей, близких по крови? Неужели он готов разрушить свой привычный мир ради осуществления чьих-то амбициозных планов? Или всё-таки не готов? Возможно ли всё изменить? Но едва в его душе поселилось сомнение, как тут же сон захватил его в свои оковы.

Они вошли в прохладные сенцы, потом через небольшой коридорчик в просторную комнату. Трещали дрова в печи, на которой стоял чайник. Стол у окна, на окне плотные льняные занавески, лавка, три стула, большая широкая кровать, покрытая пушистым шерстяным покрывалом, шкаф для одежды, тканые дорожки и ковры — всё напоминало деревенские дома в их мире. На столе стояли два глиняных кувшина с крышками и глиняная бутылка с пробкой, большая миска творога, крынка со сметаной, нарезка из мяса и сыра. Всё было прикрыто тонкой белой салфеткой. Рядом с керамическими кружками и двумя изящными стеклянными бокалами столовые приборы из дерева и металла, на выбор.

— В доме тепло, как же ничего не портится?

— Ледяной заговор, вместо холодильника.

— А что это за шары, которые светятся?

— Магия света. Смотри, — и Таня, сделав несколько голубых светящихся шаров, разбросала их по потолку. — Ловкость рук и никакого мошенничества, — она улыбнулась.

— Я думал, после волков и морока меня ничем уже не удивишь, но у тебя получилось. И как долго они будут светить?

— С рассветом исчезнут, развеется. Что ты хочешь — молока, чая, вина? — Она смотрела, как Алексей снимает рубашку и почувствовала, что во рту пересохло. Всё-таки он был необыкновенно хорош собой. Ничего удивительного, что Безола вспылала к нему такой страстью, что рискнула нарушить правила гостеприимства и применила к несведующему в магии морок только для того, что бы обладать им. Таня хорошо её понимала. У самой только от взгляда на его обнажённое тело — он снял брюки и борцовки — в низу живота бабочки крыльями замахали.

— В данный момент только тебя хочу, — он подошёл к ней, подхватил на руки и отнёс на кровать. — Тебе очень идёт этот наряд, — сказал он, снимая с неё синее, расшитое незнакомыми знаками платье, — но одно я знаю точно: любое твоё платье, прошу заметить, ключевое слово здесь — твоё, лучше смотрится на спинке стула. Он бросил платье на стул и стал жадно, словно и не было ничего между ними час назад, целовать её тело, при этом аккуратно снимая нежное кружево.

— Алёша, подожди, — она изогнулась, выставила руки вперёд, несколько раз свела и развела их. Алексей понял, что Тата делает что-то магическое и, не задавая лишних вопросов, встал на колени, взял её изящную ступню с яркими, как ягоды, ноготками, стал целовать каждый пальчик, то касаясь языком, то захватывая губами. Он целовал бархатистую кожу её ног и чем выше скользили его губы, тем более страстными становились поцелуи. Барс раздвинул её бёдра, и влажные розовые лепестки открылись его взору. Он окинул её всю жадным взглядом, полным страсти и желания. И от этого взгляда тело Тани наполнилось жаром. Она ждала и жаждала его ласк. Он медленно приблизился к сосредоточию её женственности, аромат её возбуждения опьянял, и он со стоном прижался губами к её набухшему бутону, возбуждая его ещё больше поцелуями. Эти сладкие поцелуи, для которых не существовало никаких ограничений, доставляли ей невыразимое наслаждение. Тата приподняла бёдра, давая ему понять, насколько ей приятна эта откровенная ласка. Тело её содрогнулось, когда он с удвоенной силой стал целовать, а потом скользнул языком в её влажную глубину. Возбуждённая его ласками, она уже не

контролировала себя. Руки её судорожно сжимали простыни, с губ срывались стоны и когда он осторожно погрузил пальцы в её тело, двигая ими и разливая блаженство внизу живота, она громко застонала. Жар между ног требовал разрядки, желание захватывало в сладостные оковы, внутри её всё мелко дрожало.

— Алёша... Алёшенька... — стонала она, — иди ко мне... пожалуйста... я хочу тебя чувствовать внутри...

Алексей склонился над ней, поймал губами её губы и внезапным ударом вошёл в неё. В этот момент всё, кроме этой женщины, перестало для него существовать. Каждое его движение вызывало трепет её тела. Он чувствовал, как сокращается её лоно. Его бёдра двигались энергично, желая привести их как можно быстрее к неминуемой разрядке. У него зашло дыхание в тот самый момент, когда Тата простонала:

— Люблю тебя...

На долю секунды он замер — не послышалось ли?

— Скажи ещё, — попросил он, до конца не веря услышанному.

— Люблю...

— Ещё... Пожалуйста, ещё...

— Люблю... Люблю тебя, — она почти прокричала признание, давно поселившееся в её сердце. В момент наивысшего наслаждения с её губ сорвался такой неистовый сладостный стон, что Алексей не стал больше сдерживать себя. Когда её бёдра рванулись ему навстречу с новой силой, то он погрузился в неё так мощно и глубоко, что она ощутила удар его горячей жидкости внутри себя...

Потом, когда они уже могли спокойно дышать и появились силы говорить, он склонился над ней и, легко касаясь губами её уха, прошептал:

— Я так боялся, что никогда не услышу от тебя этих слов, любовь моя... Счастье моё...

— Да? — Томно проговорила Таня, не открывая глаз, — а я думала, что вы, доблестный офицер, ничего не боитесь... Кстати, а в каком ты звании?

— Подполковник.

— А годочков-то тебе сколько?

— Так тридцать восемь.

— Ого! — Таня открыла глаза и посмотрела на Алексея. — Такой молодой и подполковник? — Он кивнул.

— А Коля? Тоже подполковник?

— Нет, он майор.

— Алёша, расскажи мне про себя. А то получается, что я про своего мужа не знаю ничего. — Она улыбнулась.

— Барсов Алексей Витальевич, родился девятого января тысяча девятьсот семьдесят девятого года в Ленинграде, в семье тренера по биатлону. Поэтому ходить на лыжах, стрелять и просто ходить начал одновременно. После школы сразу в армию, горячие точки, боевые заслуги, награды за эти самые заслуги перед Родиной и прочее. Кстати, с Кэпом, ну, Колей, познакомились и подружились в Армии, вместе закончили вышку, вместе воевали, вместе в спецназе. К сожалению, родители мои погибли очень давно в авиакатастрофе. Пять лет назад женился на симпатичной девушке, через пару лет понял, что погорячился. Для развода созрел только сейчас. Знаешь, чувствовал себя виноватым, что не оправдал её надежд. Ну и это ещё: «мы в ответе за тех, кого приручили». Поехал отдохнуть с другом на природу, и тут на меня свалилось счастье в виде тебя. Что тебя ещё интересует?

— А дети? Почему у вас детей нет? Или есть?

— Как выяснилось в процессе нашей семейной жизни, Юля детей не хотела, и рожать не собиралась вовсе. У нас первый конфликт из-за этого и произошёл: она втихоря от меня аборт сделала, я даже не знал, что она беременна.

— Ты очень детей хотел?

— Дело не в том, хотел или нет, но в известность она меня должна была поставить! Такое решение обычно двое принимают.

— Но если она не хотела, то вряд ли бы ты уговорил её оставить ребёнка.

— Скорее всего, она бы сделала всё по-своему. А сейчас я даже рад, что всё так случилось. Я бы не смог её с малышом оставить.

— А Коля? Почему он не женат до сих пор?

— У Коли беда случилась. У него жена с сыном под машиной погибли восемь лет назад. Он тогда чуть руки на себя не наложил. Наташу любил очень. Веришь, мы с Мариной и Женей первый месяц после похорон даже ночевали у него по очереди. Если с Ирой этой у него получится, так вся его семья рада будет.

— А Марина и Женя, это?..

— Его сестра и его зять. Так, кажется, мужа сестры называют? Жаль, тогда ещё с нами в звене не было Марата и Балу.

— А они кто? Ваши друзья?

— И сослуживцы, и друзья. Даже разница в возрасте не помеха.

— Они младше?

— Марату 32, а Балу совсем молодой — 28. Он такой, знаешь, шалопаистый на вид, но шесть лет назад, будучи ещё совсем мальчишкой, Колину пулю на себя взял. Он безбашенный, конечно, вечно на рожон лезет, но преданей друга трудно найти. А ты и в нашем мире шаманишь?

— Хочешь, что б я рассказала про себя? — Алексей кивнул.

— Боюсь, разочарую...

— Почему? Из-за того, что магией занимаешься, точно не разочаруюсь.

— Нет, не поэтому. Я ведь старше тебя намного...

— Старше!? — Алексей даже присвистнул. — Я думал, года на два младше, ну, в крайнем случае, ровесники...

— Мне сорок пять, Алёша. И дети у меня вряд ли будут. Но одно я тебе пообещать могу: если забеременею, то скажу тебе обязательно и ребёнка оставлю. Хотя специально для этого ничего делать не буду.

Она поцеловала Алексея, и он тут же ответил ей на поцелуй. Рука его скользнула по телу Татьяны, чуть задержалась, поглаживая живот, и уже потянулась к сосредоточию её женственности, но тут Таня как-то так повернулась, что Алексей оказался на спине, а она склонилась над ним:

— Нет, нет, милый, теперь моя очередь...

Она поцеловала его в шею, спустилась к груди. То нежно проводя языком по коже, то слегка прикусывая её, опускалась всё ниже и ниже, задержалась у живота, потёрлась об него грудью и стала скользить языком дальше.

Она провела языком по чувствительной коже паха, из его горла вырвался стон, хриплый от чрезмерного желания. Она чуть приподнялась и встала над ним таким образом, что её налитая грудь заскользила по его упругой плоти. Набухшие соски лёгким прикосновением к нежной коже заставляли его тело дрожать в томительном ожидании продолжения поцелуев. Когда же её жаркие губы обхватили его дрожащую от возбуждения плоть, а бархатный язык заскользил вверх-вниз, то теперь уже он изогнулся, что бы плотнее прижаться к её губам. И теперь уже его руки сжимали простыни. Открытым ртом он хватал воздух, словно ему его не хватало. Изнемогая от страсти, Алексей простонал:

— Тата... Тата, пожалуйста... Иди ко мне... Так не хочу, тебя хочу... — он приподнял её, и она оказалась сидящей на его бёдрах, но при этом не торопилась соединиться с ним. Своим набухшим бугорком она стала медленно скользить по его возбуждённой плоти, доставляя ему ничуть не меньше удовольствия, чем поцелуями. Сладострастие разливалось по его телу.

— Татка... Милая... Пусти меня в себя, иначе я просто взорвусь...

Она наклонилась к его губам и прошептала, целуя:

— Как скажешь, любимый муж... — с этими словами взяла его член и стала очень медленно допускать его в себя, доводя таким образом своего мужчину до полного любовного экстаза. Медленно двигая бёдрами, она откинулась назад, позволяя ему видеть себя всю. Алексей протянул руку и коснулся пальцами её нежного бутона. Слегка нажал, потом отпустил и так продолжал до тех пор, пока она не застонала и не начала двигаться быстрее. Тогда он взял её за бёдра, и стал погружаться в неё на всю возможную глубину. Горячие конвульсии пронзили её тело, она с силой сжала его руки и почти задышавшись, простонала его имя. Тело Алексея содрогнулось, и он со стоном излился в горячую глубину своей любимой. Приподняв её за бёдра, положил на спину и стал целовать грудь.

— Да Вы ненасытны, офицер, — промурлыкала Тата.

— Это точно. Никак тобой насытиться не могу. Я хочу тебя сразу, как только покидаю твоё уютное гнёздышко. Ты, часом, не приворожила меня, милая шаманка?

— Я такими глупостями не занимаюсь. Считаю, что сама по себе хороша настолько, что и без приворотов обойдусь. Кстати, мало кто знает, что приворот приводит к пьянству, импотенции, а иногда и к смерти. Ты же не думаешь, что я желаю зла своему любимому мужчине?

Таня приподнялась на локте, нежно погладила его по щеке, провела пальцем по губам:

— Алёша, я должна тебе кое-что сказать...

— Твой тон пугает меня, Тата. Что случилось?

— Боюсь, нам придётся расстаться.

— Что!?! — Алексей стремительно сел на кровати. — Почему?

— Потому, что послезавтра ты вернёшься в наш мир один. Я должна задержаться тут ещё на некоторое время. Славтушэни грозит опасность.

— А ты здесь причём?

— Понимаешь, я не только шаманка, не только Стражница, я ещё и частичка этого мира. Пусть маленькая, но частичка. И так получается, что опасность грозит и моему миру тоже... Пусть я не жила тут никогда, но силу я имею благодаря Славтушэни, и корни мои

здесь. Я не могу позволить погибнуть всем этим людям. На кон поставлен целый мир, Алёша.

— То есть, здесь возможна война, я правильно понял? — Таня кивнула.

— И без тебя война может быть проиграна? — Она кивнула опять.

— То есть ты предлагаешь мне, боевому офицеру, бросить свою любимую женщину во время боевых действий? В тот самый момент, когда твоей жизни будет угрожать опасность, я, по-твоему, должен оставаться в стороне и отправиться в мир, где мне ничего не грозит? Тата, ты за кого меня принимаешь? За подлеца? За труса? — Его голос зазвучал на повышенных тонах.

— Но это не твоя война... Не твой мир...

— Всё, что связано с тобой — война это или морская прогулка — имеет ко мне непосредственное отношение в любом мире, запомни это! — Гневно сказал Алексей, глядя ей в глаза. Тата не ожидала от него такого напора.

— Алёша, я думала..., - растеряно начала она, но он не дал ей договорить.

— Ты не можешь принимать решение за меня в таком серьёзном вопросе. В этой Славтушэни вашей чёрте что творится! И ты думаешь, я оставлю тебя на растерзание вашим колдунам!? Ну, допустим, в магии я прафан, но война — это стратегия, и в ней-то я поднатаскался, будь уверена. К тому же на войне могут быть использованы не только ваши шаманские штучки, а вполне себе боевые действия. — Он говорил резким тоном, не терпящим возражений. Потом погладил её по щеке и уже более мягко добавил:

— Татка, пойми — ты не только частичка этого мира, ты ещё и моя частичка. Разве могу я допустить, что б с тобой что-то случилось? Разве я могу оставить тебя в трудный момент?

— Прости, — Таня обняла его за шею, — я слишком долго жила одна и привыкла сама принимать решения и полагаться только на себя. — Она поцеловала Алексея.

— И как долго ты полагалась только на себя?

— Десять лет.

— Ты в разводе?

— Я вдова. Мой муж был милиционером и погиб при задержании опасного преступника. Я осталась с сыном-подростком на руках... Конечно, родители помогли... У меня чудесные родители, они тебе понравятся.

— Ну, думаю, с прапорщиком я легко найду общий язык. А ты отвыкай, пожалуйста, полагаться только на себя. Теперь у тебя есть я, и полагаться ты будешь на меня.

— Слушаюсь, герр офицер!

— Значит, уже вчера ты знала, что останешься?..

— Нет. Я обещала Лекбушу подумать. Насильно меня здесь никто не оставит. В Славтушэни незыблем закон воли свободного человека.

— Что это означает?

— Воля свободного человека священна и никому не позволено нарушать её. Если я изьявлю волю уйти, меня не смогут задержать.

— Тогда, знаешь что?.. — Взгляд у Алексея стал жёстким. Он потёр рукой висок, обдумывая что-то. — Ты сможешь сделать так, что б все решили, что мы уходим, а мы останемся, но только об этом никто, слышишь, никто не должен знать?

— Даже Лекбуш?

— Да.

— Могу. Я скажу, что мы уходим, мы пойдём к порталу, а там я сделаю нас невидимками — это простое заклятье — и мы вернёмся, никем не замеченные. Но почему никто не должен знать?

— Мне кажется, у вас тут засланный казачок. Ну, свой среди чужих.

— Да я поняла, Алёша. Только вернуться нам надо будет к кому-то. Мы же не сможем скрываться до тех пор, пока на Славтушэнь нападут.

— Вот к Лекбушу и вернёмся. Порадуем старика. Но сначала — полное впечатление нашего ухода. Даже он ничего не должен знать... И ещё... Ты должна как-то закрыть наши мысли магически, что б никто не смог прочесть наш план.

— Алёшка, — Таня смотрела на него глазами, полными любви, — как же я раньше без тебя жила?..

— Ну, как? Как? Думаю, не жила, а мучалась, — притворно вздохнул Алексей.

— Ах, ты... — она схватила подушку и ударила ею смеющегося мужчину. Какое-то время они возились, как дети, смеясь и уварачиваясь от шутливых ударов. А потом Алексей перехватил подушку и, откинув её в сторону, стал осыпать Татьяну поцелуями.

Глава 9 часть 1

СЛАВТУШЭНЬ (продолжение)

— Какое восхитительное утро, — потёрлась Таня о плечо Алексея. — Алёшка, пошли, искупаемся.

— Тат, вода холодная.

— А мы нырнём и сразу вынырнем! Просто такое утро чудесное, как тогда в Гимолах, когда ты подкараулил меня купающуюся голышом, — она хитренько посмотрела на него.

— Тогда я первый раз поцеловал тебя, — Алексей погладил её по щеке. Она поймала его руку и поцеловала ладонь: сначала дотронулась губами, а потом провела языком.

— Татка, если ты так будешь делать, то купание у нас состоится ближе к обеду.

Татьяна засмеялась и хотела перебраться через Алёшу, что бы встать, но он схватил её в тот момент, когда она занесла ногу над ним, и посадил себе на бёдра.

— А, может, ну его это купание?! — Он пошевелил бёдрами, и она ощутила, как наливается мужской силой его плоть.

— Алёшка, — томно сказала она и тоже качнула бёдрами, наклонилась к нему и провела языком по мочке уха, — ты нетолько ненасытен, ты ещё и неутомим...

— Я же говорю, что мне никак тобой не насытиться, не нацеловаться, не налюбоваться на тебя. К тому же, разве можно утомиться, доставляя наслаждение своей жене? — Целуя в ответ и сжимая её упругие ягодицы, шептал он.

Когда они, наконец, смогли оторваться друг от друга, селение уже проснулось. Пение птиц перекликалось с голосами взрослых, визгами детей и лаем собак.

— Какой позор! Мы с тобой, действительно, к обеду встаём. Ну, что, идём на реку?

— Идём, — согласился Алексей, легко вставая с постели, — только прямо сейчас, поедим после купания.

— Хорошо, — Таня накинула платье на голое тело и положила в холщёвую сумку, в которой Мэнуола принесла банные принадлежности, нижнее бельё и всё, что надо для утреннего туалета.

Алексею нравилось это село, окружённое лесом. По проулку они дошли до дороги. Таня остановилась около одного дома и спросила у женщины, развешивающей бельё, где лучше спуститься к реке, что бы окунуться. Женщина приветливо ответила ей, махнув рукой за небольшой дом чуть в стороне от дороги. Погода действительно была чудесная. Солнце ласково пригревало, и ветра не было.

— А в Славтушэни климат намного теплее, чем в Карелии, — сказал Алексей, срывая голубой цветок, похожий на розу и отдавая его Тане.

Поровнявшись с домом, на который указала женщина, они увидели тропинку, стремящуюся вниз. Спустились по ней через пролесок и вскоре оказались на песчаном пляже.

— Как здорово! Песочек такой тёплый, — сказала Таня, скинув лёгкие шлёпки и наступив на песок. Она одела трусики, быстро сняла платье и одела бюстгальтер. Встретив удивлённый взгляд Алексея, сказала:

— Алёша, ну мы же не в лесу, что бы голышом купаться. Мы же в селе. В любой момент кто-то может появиться. — С этими словами она протянула ему борцовки.

— Тебе-то трусы просто необходимы. Ты и в одежде взгляд притягиваешь, представляю,

что случится с добрыми женщинами Славтушэни, если они увидят тебя обнажённым.

— Лъстишь? — Алексей быстро одел борцовки.

— Восхищаюсь! — Игриво сказала Тата и пошла по песку к воде. Дно в реке тоже было песчаным. И вода оказалась не холодной, а освежающе прохладной. Течение было не такое сильное, как в Карелии. Вроде и лес тот же, и река, вот только мир другой. Они с Алёшей с удовольствием поплескались в реке, а когда вышли на берег, то увидели возле одежды большого белого волка.

— Мушэм, хороший мой, охранитель-защитник мой, — ворковала Таня на языке Славтушэни, поглаживая большую лобастую голову волка. Она присела рядом с ним на корточки и сказала, показывая на Алексея:

— Охраняй и защищай его бдительней, чем меня. Физически он силён, но в магии не понимает ничего. Если вдруг ему будет угрожать опасность — зови меня. Хорошо?

Волк ткнулся в губы Татьяны и, подойдя к Алексею, лизнул руку.

— Погладь его и поблагодари за вчерашнее спасение.

— Разве он понимает наш язык?

— Мысленно. Просто произнеси его имя и дальше думай по-русски. Кстати, если тебе будет угрожать опасность, просто подумай о нём, и он придёт на помощь или позовёт меня.

— А тебя я так не могу позвать?

— К, сожаленью, нет. В этом мире всё через охранителей происходит. Охранитель-защитник просматривает ситуацию и зовёт меня только в том случае, когда сам помочь не может.

— Понятно, шаманов по пустякам просьба не беспокоить, — пошутил Алексей.

— Именно так, — серьёзно кивнула Тата.

Алексей погладил волка по голове и почесал за ухом. Мушэм издал тихое ворчание.

— Ему это нравится, — ответила Татьяна на вопросительный взгляд Алёши.

Таня подошла к ним, погладила волка и сказала:

— Будь рядом с Ксеем так, чтобы никто не замечал твоего присутствия, ты это умеешь, Мушэм.

Волк посмотрел сначала на неё, потом на мужчину и ушёл по тропинке в село.

— Надо же, волки по селу, как собаки разгуливают.

— Если ты заметил, то они с собаками не конфликтуют. И это не просто волки, это служители при шаманах, помощники и охранники.

— У каждого шамана свой волк?

— Да. И не только у наших шаманов, но и у тех, кто живут в полях и пригорье. И, кстати, не всегда один.

— Так Славтушэнь большая?

— Конечно. Это целый мир, а наше село его маленькая часть.

— Как ты сказала — наше. Слово мы тут живём.

— Я же говорила тебе, Алёша, что я частичка этого мира. И отношусь к нему, как к своему.

Они уже оделись, и, неторопясь, поднимались в село.

— А ты могла бы здесь жить?

— Могла бы, почему нет? Только не хочу. В нашем мире у меня мои родители, мой дом, мой сын...

Алексей остановился:

— Я так мало про тебя знаю, Тата, но это абсолютно не мешает мне тебя любить. — Он обнял её и поцеловал.

— Пойдём, — Тата взяла его за руку, — нам ещё надо поесть и ты обещал помогать на стройке, помнишь? А про себя я ещё успею рассказать.

— А чем займёшься ты?

— Пойду к Лекбушу. Он обещал показать Святилище.

Они вышли из пролеска на просёлочную дорогу и направились к дому, который на время прибытие в Славтушэни стал их. По дороге их окликнула Мэнуола.

— Фатуэла, Лекбуш просил найти тебя и передать, что он вернётся только к полудню.

— А сейчас сколько времени?

— Десять утра. Хочешь с нами по грибы, пока он занят? — Рядом с Мэнуолой стояли две девушки.

— Но мы ещё не завтракали, — растеряно проговорила Таня. — Вы прямо сейчас идёте?

— Мы можем тебя подождать.

— Отлично! Я с удовольствием пойду с вами. Я очень люблю собирать грибы.

— Тогда подходи через час к дому Фиозы, — и Мэнуола показала на дом с красивыми резными ставнями.

После завтрака Таня проводила Алексея к строящемуся дому.

— Соу лэ! — Поприветствовал он подошедших к нему мужчин, слегка наклонив голову. «Отлично. Он уже начал учить язык Славтушэни и нормы поведения», — подумала Таня. Она тоже поздоровалась с мужчинами лёгким кивком, а они опустились на колени и приложили руку к сердцу. По законам этого мира мужчины так всегда приветствовали шаманок. Передавая кувшин с молоком Шэтуолу, она спросила, как освоился Ксей. Шэтуол сказал, что Ксей всем очень понравился: сильный, расторопный и дело знает, а что не знает, схватывает на лету, к тому же очень улыбочивый и старается учить их язык. Таня поцеловала Алёшу в щёку и пошла к дому Фиозы. Она никак не могла понять почему, но на душе у неё было беспокойно. Она мысленно обратилась к Мушэму с просьбой присмотреть повнимательней за Ксеем и позвать её в случае опасности. И тут же почувствовала, как на мгновение сжало и отпустило виски — это Мушэм дал понять, что услышал её. Когда Таня подошла к дому Фиозы, то среди девушек увидела Безолу и кивнула ей в знак приветствия. Та кивнула в ответ, глядя исподлобья. Мэнуола протянула Тане корзину и девушки отправились в лес. Мэнуола шла рядом с ней и по дороге рассказывала, как они зарабатывают русские деньги и преобретают на них в России то, чего нет в Славтушэни. Она рассказывала про то, что многие уроженцы Славтушэни живут на Руси и помогают своим землякам. Это Таня и так знала, но для поддержания разговора спросила:

— А как к этому Совет и шаманы относятся?

— Ну, ты же знаешь закон свободного человека? Каждый вправе сам решать, где и с кем ему жить. Кстати, ваших тоже у нас много. Мы ведь все братья-славяне. Просто, когда христианство стало уничтожать нашу культуру, шаманы с помощью Духов природы создали параллельный мир. Славтушэнь существует давно и нам нравится именно такая жизнь, где мы понимаем природу, а природа понимает нас.

— А какие товары вы преобретаете в нашем мире?

— Кофе. Он у нас не растёт. И какао. Ну и конфеты шоколадные, шоколад. Мы,

женщины, любим ваше нижнее бельё и колготки. Последнее время приобретаем металл.

— А как вы продаёте свой товар, что бы наши деньги получить?

— У нас есть люди из наших сородичей, которые всё забирают: и ягоды, и грибы, и шерсть, и ювелирные изделия и платят.

— А как вы всё передаёте?

— Шаманы говорят время открытия и закрытия порталов, и мы отправляемся в ваш мир.

— А откуда шаманы узнают, когда портал откроется?

— От Духов Небес.

— А повлиять на открытие портала шаманы могут?

— Нет. Всё от Духов зависит. Шаманы могут только между внутренними мирами порталы строить и перемещаться по желанию, а ваш мир внешний. От проникновения в него и из него защиту поставили ещё наши предки, но так как связь с родом теряться не должна, портал иногда открывается и шаманы про это знают.

— Ты же тоже шаманка.

— Я ещё молодая и силы большой не имею. Ты же сама знаешь, что знания передаются у шаманов по крови, а вот сила приходит только со временем. А всякую мелочь, вроде того, что бы тесто поднялось, да соленья не испортились я чуть ли не с детства делаю.

— А у тебя кто в семье шаман?

— Бабка.

— А родители?

— Нет, — засмеялась девушка. — Сила на папе отдохнула, так бабушка говорит.

— Эй, вы тут грибы собираете или сплетничаете? — Подошла к ним Безола.

— А мы и то, и то успеваем, — Таня заметила, что Мэнуола словно сжалась под взглядом молодой шаманки.

— Ну, ну, — хмыкнула Безола и пошла к двум осинам, под которыми виднелись красные шляпки грибов.

— Тебе надо её опасаться, — одними губами сказала Мэнуола, дотронувшись до Таниной руки. — Она хочет завладеть твоим мужем.

Таня не стала говорить, что одна попытка уже была.

— Каким образом?

— Колдовством.

— Не получится. Я намного сильнее её.

— Она может с кем-нибудь объединиться.

— С Сэтуэлом?

— Может и с ним, ведь они родственники.

Танино беспокойство вдруг вернулось. Она остановилась, словно к чему-то прислушиваясь.

— Что с тобой? — Встревожилась Мэнуола.

— Зов... Меня зовёт Мушэм! Держи корзину, — и Таня, всучив грибы девушке, устремилась в глубину леса.

Алексей с удивлением оглядывался по сторонам. Он не понимал, как очутился в этом глухом лесу. Он помнил, что пошёл с кувшином к колодцу за водой. По дороге он встретился взглядом с Сэтуэлом и... всё... Дальше пробел в памяти. И вот теперь он стоит в ельнике напротив Сэтуэла.

— Что это значит? Зачем мы здесь? — Спросил Алексей, с опозданием подумав, что Сэтуэл вряд ли его понимает.

Лицо шамана исказила злоба. Он быстро и эмоционально заговорил на языке Славтушэни, затем сказал по-русски:

— Ты выполнил свою миссию. Ты доставил Фатуэлу ко мне в Славтушэнь. Теперь ты не нужен.

— Что значит — к тебе? Вы разве знакомы?

— Фатуэла должна быть моей женщиной. Не следует шаманке тратить себя на селянина. — С презрением сказал Сэтуэл.

— Я не селянин. Если ты забыл, то напомню: я — воин.

Сэтуэл рассмеялся.

— Может, в своём мире ты и воин, но тут ты пустое место.

Алексей стремительно шагнул в его сторону, но шаман вскинул правую руку и сделал пальцами едва уловимое движение. Барс почувствовал, как невидимая петля затягивается вокруг шеи. Он схватился за горло, но ничего не ощутил под пальцами, кроме собственной кожи. Сэтуэл стал вращать пальцами, как бы притягивая его к себе. На лице шамана играла торжествующая улыбка. Алексей чувствовал, как всё сильнее нечто невидимое сжимает его горло. Он задыхался. Как не пытался, но он не мог освободиться от невидимой верёвки. Силы оставляли его. Сэтуэл сделал резкое движение рукой и Алексей, держась за горло, упал на колени. В глазах потемнело.

— Теперь ты не сможешь помешать мне, и я доведу задуманное до конца. Хороший воин — мёртвый воин, кажется, у вас говорят что-то в этом роде. — Он поднял руку, собираясь сделать последний жест, но не успел. Что-то белое и большое метнулось стрелой в его сторону, и в руку Сэтуэла вцепился огромный волк. Шаман взвыл и попытался сбросить волка, но упал на землю под тяжестью зверя. Мушэм отпустил руку шамана и тут же сжал челюсти на его горле, а мощными лапами наступил ему на руки, таким образом, предотвратив любое движение. Между елей мелькнуло синее платье, и рядом с Алексеем оказалась Таня.

— Держи его крепче, Мушэм! — Крикнула она волку, опускаясь на колени рядом с задыхающимся мужчиной. Она дотронулась ладонями до его шеи, и Алёша почувствовал, как ослабевают невидимая удавка. Он вздохнул полной грудью, но тут же застонал: и грудь, и горло пронзила острая боль. Он закашлялся. Казалось, лёгкие сейчас разорвутся. Татьяна прижала его голову к своей груди и положила ладони ему на спину.

— Сейчас, мой хороший, сейчас всё пройдёт, — шептала она, глядя его по спине.

Алексей чувствовал, как от её ладоней исходит жар и растекается по спине, горлу и затылку. Этот жар снял боль, и ему стало легче дышать. Он поднял голову и посмотрел Тане в глаза.

— Вот и ты спасла меня от смерти, Татка.

— Я же говорила, что в моём мире ты можешь положиться на меня, — сказала она, вставая, и помогая подняться Алексею.

— Отпусти его, Мушэм, — обратилась она к волку. Как только зверь отпустил его, Сэтуэл ощутил неведомую силу, которая поставила его на ноги, а по рукам зазмеились невидимые верёвки.

— Как ты посмел напасть на моего мужа!?! — Гневно обратилась она к шаману.

— Он стоял между нами! Ты же сама сказала, что если бы не было Ксея, то ты была бы моей.

— Да, всё верно. Только я говорила, если бы его не было, а не если бы ты его убил. Ты трактуешь мои слова так, как тебе выгодно. Я не призывала тебя убивать Ксея!

— Можно подумать, ты первый раз убиваешь своего мужа чужими руками.

— Ты о чём?

— Не изображай невинность! — Презрительно фыркнул шаман. — Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. К тому же Ксей уже выполнил свою миссию.

— Какую миссию!?

— Он должен был доставить тебя сюда.

— Для чего?

— Не буду больше говорить. Не хочу.

— Не хочешь — не надо. — Таня вспомнила слова Мэнуолы, что шаманы могут строить порталы внутри своего мира и решила попробовать.

Стоило ей только подумать о том, что она должна вместе с Алёшей и Сэтуэлом увидеть Лекбуша, как голубое марево закружило вокруг них и, когда оно исчезло, все оказались на большой поляне. В середине поляны, к удивлению Тани, стоял дольмен, вокруг него в виде знаков лежали камни большие и маленькие. Она стала оглядываться по сторонам. Потом негромко позвала:

— Лекбуш... Лекбуш, ты очень нужен.

Одна стена дольмена отодвинулась, и из него вышел старый шаман. Таня, приложив руку к сердцу, поклонилась ему.

— Извини, что побеспокоила тебя, но дело очень серьёзное и не требует отлагательств.

— Что это? Как это всё понимать? — Лекбуш указал на связанного заклятьем Сэтуэла.

— Он хотел убить Ксея посредством магии. Посмотри на его шею. — Она кивнула на Барса. — Если бы я не приставила Мушэма оберегать его, то мой муж был бы сейчас мёртв!

— Ты можешь это как-то объяснить, что бы оправдать себя? — Обратился Лекбуш к Сэтуэлу.

— Могу. — Сэтуэл повернулся к Тане. — Игорь Омельянов.

— Причём здесь мой погибший муж? — С удивлением спросила она.

— Притом, что он не погиб, а ты его убила.

— Чтооо? — Глаза Тани округлились, брови поползли вверх. — Что за бред? С какой стати мне убивать своего мужа и отца своего ребёнка!?

— По принципу «не доставайся ты никому». Сколько раз он просил у тебя развода? Сколько раз молил, что бы ты его отпустила!?! А что ты ему отвечала? Забыла?

Таня опешила от этого беспочвенного обвинения и даже не нашла, что сказать.

— А я тебе напомню. Ты сказала, что скорее убьёшь его, чем отпустишь.

— Сэтуэл, кто наговорил тебе этих глупостей? Мой муж никогда не просил у меня развода. Напротив, это я хотела от него уйти, когда узнала, что у него есть любовница, да к тому же ещё и беременная! — В запале Таня перешла на русский язык. — Я никогда, слышишь, никогда не стала бы терпеть измену своего мужа! Мысль о том, что он делит постель с другой женщиной, вызывала у меня отвращение и брезгливость.

При этих словах Алексей вздрогнул. Значит, действительно, её холодность по отношению к нему в походе объяснялась именно тем, что он женат. И дело было даже не в Юре. Ведь он, как оказалось, не был Таткиным мужем. Таня заметила, как при этих словах Барс переменялся в лице и снова заговорила на языке Славтушэни.

— Я увидела приворот на Игоре и смогла по запаху отследить, куда он ведёт. Он привёл меня к образу очень молоденькой девушки. Я просто не поленилась и проследила за своим мужем. Я видела их свидание и поняла, что она ждёт ребёнка. Всё! Для меня этого было достаточно, что б развестись. И я бы обязательно развелась, можешь мне поверить, но Игорь погиб. И я не имею к этому отношения! Хотя... Подожди... Тебе что за дело до Омельянова?

— У его, как ты говоришь любовницы, случился выкидыш, когда она узнала о смерти своего любимого мужчины. Она не смогла пернести эти потери и покончила с собой.

— Надо же... Бедная девочка... — пробормотала Таня. — Мне жаль, что так случилось..., но какое отношение ко всему этому имеешь ты?

— Она моя сестра. А вскоре умерла моя мать, не пережив этого горя. Все эти годы я

жил мыслью о мести.

— О мести!? А за что ты собирался мне мстить? За то, что твоя сестра хотела разбить мою семью, увести у меня мужа, а у неё это не получилось?

— За то, что ты убила Омельянова, вместо того, что бы отпустить его и явилась косвенной причиной смерти моих самых близких людей.

Татьяна задумалась на долю секунды, а потом подняла руки:

— Дух Правды и Дух Колдовства! И вы, Духи восьми ветров и семи цветов! И вы, Духи Воды, Земли и Неба! Открываю вам своё сердце, душу, намерения и поступки. Призываю вас в свидетели правдивости моих слов: я, Фатуэла, шаманка Славтушэни из рода Весталины никогда не применяла магию для убийства вообще и Игоря Омельянова в частности! Мгновенно, сию минуту подтвердите это или опровергните! Признайте мою правду или уличите во лжи!

И в то же мгновение вокруг Татьяны закрутился разноцветный смерч, из-под земли забили разноцветные струйки воды, воздух наполнился ароматом цветов и маленькие разноцветные птички, кружась над её головой, засвистели-защебетали весёлую мелодию. Из ладоней её заструился золотой поток. Алексей смотрел на это волшебство в полном недоумении. «Страна чудес какая-то!»- мысленно восхитился он, любуясь необычным действием, и даже забыл на мгновение про саднящее ещё горло. Сэтуэл был поражён не меньше его, только поразила его не красота происходящего, а значение: Духи подтверждали невиновность Фатуэлы.

— Как же так... Как же так, ведь он говорил ей, что ты не отпускаешь его...

— Кто говорил? Игорь? — Сэтуэл кивнул.

— Сэтуэл! Ну ладно твоя сестра молодая влюблённая девочка, но ты же взрослый человек! Ты должен был понимать, если мужчина обманывает одну женщину, то ему ничего не стоит обмануть другую. А раз он обманывал её и не просил у меня развода, значит, у меня не было необходимости убивать Омельянова. Ты согласен?

— И я всё это время жил с мыслью о мести, — горько усмехнулся шаман, — я считал тебя виновной в гибели моей семьи, а он постоянно подогревал её во мне и подталкивал к... — тут он запнулся и, что называется, прикусил язык.

— Кто подогревал твои мысли о мести? — Насторожилась Таня.

— Мой энергетический двойник. — Быстро ответил Сэтуэл.

«Пожалуй, слишком быстро ответил, словно заготовку выдал» — подумала Таня.

— Что ему грозит, Лекбуш?

— Отправка в Шандушен после лишения магической силы.

— Не слишком ли суровое наказание за глупость?

— Глупость!? — Взвился Лекбуш. Таня никогда не видела шамана в таком гневе. Глаз его метали молнии, а из ладоней струился алый дым. — Он нарушил сразу несколько законов Славтушэни! Закон гостеприимства — раз, Закон о неприменении магии к несведующему — два, Закон о нападении на человека из другого мира — три, а уж покушение на убийство — это вообще запредельное преступление! В нашем мире не было убийств более полувека. И ты считаешь это наказание слишком суровым!?

— Лекбуш, но он ведь считал и меня убийцей.

— Тогда почему не тебя, а Ксея он решил убить?

— Правда, Сэтуэл, почему Ксей?

— Ты очень его любишь и я хотел, что бы ты, потеряв любимого человека, страдала так

же, как и я, потеряв своих родных.

— Лекбуш, я не хочу такого наказания для него. Всё же обошлось!

— Твоего «не хочу» слишком мало.

— Что надо ещё?

— Для начала, его должен Ксей простить и не доводить дело до Совета Старейшин и шаманов.

Таня подошла к Алексею.

— Что-то вы много говорили про меня и какого-то Омельянова.

— Омельянов — мой бывший муж, который погиб. Алёшенька, я очень прошу тебя — прости Сэтуэла. Я потом переведу тебе наш разговор и всё объясню.

— Это поможет нам в случае войны? — Спросил он так тихо, что бы его слышала только Тата.

— Да, думаю. Мне кажется, я знаю, кто казачок. Осталось только узнать, как он согласился на предательство. — Так же тихо сказала она.

Ксей показал глазами на Сэтуэла, и Тата чуть прикрыла веки в знак согласия.

— Хорошо. Что я должен для этого сделать?

— Сейчас узнаю. — Таня повернулась к шаманам. — Ксей согласен. Как должно выглядеть прощение?

— Согласен!?! — В один голос воскликнули шаманы: Лекбуш — возмущённо, а Сэтуэл — недоверчиво.

— Да, согласен. Только прежде я побеседую с Сэтуэлом наедине. В тоже мгновение голубой вихрь подхватил Тату и шамана, а когда через мгновение он развеялся, то на поляне остались Ксей и Лекбуш.

— Как это понимать?

— Пусть побеседуют. Я так понял, что Фатуэла непревзойдённая шаманка. Она понимает и знает этот мир так, словно родилась и прожила в нём всю свою жизнь. И уж если она решила что-то обсудить с Сэтуэлом наедине, значит, у неё есть на то причины.

— А вдруг ей угрожает опасность?

— Не волнуйся. Её силы хватит на то, что бы противостоять сотне таким, как он.

Они находились в невидимом, звуконепроницаемом коконе.

— Я смотрю, ты быстро и легко освоилась в нашем мире.

— Ну, это же и мой мир тоже, — Татьяна водила руками вокруг головы Сэтуэла, вдоль плеч, шеи и спины.

— Ищешь морок? — Усмехнулся он. — Неужели ты думаешь, что я бы не почувствовал чьего-то воздействия?

Таня, не обращая внимания на его слова, закрыла глаза, и руки её стали двигаться намного медленнее.

— Ну, здравствуйте, малыши! Кто же вы такие, милые, и кто ваш хозяин? — Её руки замерли на уровне лба и затылка Сэтуэла. Он почувствовал лёгкое головокружение, потом тянущую тупую боль и...словно щелчёк в голове.

— Смотри! — Тата показала ему руку. На её ладони лежало несколько чёрных пушистых маленьких горошин. Она легонько подкинула их и когда они оказались в воздухе, то вспыхнули зелёным пламенем и сторели дотла. — Это ещё не всё. Наберись терпения. Она снова поднесла руки к шаману, но теперь уже на уровне горла и снова на её ладони оказались такие же горошинки. Уничтожив их, она проделала всё то же самое на уровне сердца, солнечного сплетения и колен. Каждый раз, как Тата извлекала из него инородные тела, Сэтуэл ощущал лёгкую боль и головокружение.

— Ну, что, может, теперь расскажешь мне, кто подогревал в тебе такое долгое время мысль о мести?

Шаман молчал. Казалось, он до сих пор не может отойти от потрясения.

— Как же я не ощутил воздействия? Как такое могло случиться!?

— Сэтуэл, пожалуйста, расскажи мне всё, что происходило после смерти Игоря очень подробно, — с этими словами Таня провела рукой вдоль его тела и верёвки, державшие его, исчезли.

— Как я уже рассказывал, Омельянов сказал Алёне, что ты не даёшь ему развода и скорее убьёшь, чем отпустишь. Алёнка приехала к матери и застала меня в гостях. Портал, как раз, был открыт. Она просила меня о помощи. Хотела, что бы я сделал отворот, ну, что бы ты к Игорю отвращение стала испытывать и сама от него ушла. Ты же знаешь, что даже в нашем мире это не приветствуется, а тут в чужой влезать... Я не отказал ей, а пообещал, что по возвращению в Славтушэнь всё сделаю. Она успокоилась вроде. Я через день в наш мир вернулся, а она в Питер уехала. Потом через два месяца, когда я мать навещал, узнал, что несколько дней назад Омельянов был убит, и я подумал, что ты осуществила свою угрозу, а у сестры на нервной почве случился выкидыш и она в больнице. Мать собиралась к ней, хотела её домой привезти, да не успела. Алёнка в окно выбросилась. Похоронили её здесь, я всё время с матерью и отчимом находился, потом через некоторое время домой вернулся. Втечении года навещал их, конечно. Очень хотел мать забрать сюда, у неё проблемы серьёзные с сердцем начались из-за всего. У нас бы её целители-шаманы быстро на ноги поставили, но она без отчима не соглашалась вернуться, а он в наш мир не хотел. Ну, а через полтора года она умерла, сердце всё-таки не выдержало. Я сначала на золотые рудники пошёл, знаешь, говорят, физический труд помогает от душевной боли избавиться. Чувствую, это не спасает. Надо что-то такое, что б от усталости с ног валился и в сон проваливался.

Вот и пошёл в каменоломни, что у подножья Чёрных гор. Через некоторое время Фэтуш там появился. Для всех невидимый. Говорит, больно смотреть, как я страдаю. Страдания мои, мол, даже в Фэшгупали ощущает. Стал расспрашивать, что да как. Видимо, тогда он и подсадил ко мне своих лазутчиков, потому что я рассказал ему всё, сам не знаю, почему. Начал мне про месть говорить, а я так горем был раздавлен, что не почувствовал ничего и все его мысли за свои принял. Вот тогда он и предложил мне, своего рода, сделку. Обещал мне найти жену Омельянова, из-за которой я семью потерял, в обмен на мою попытку примирить наши миры. Вроде, идея-то с перемирием неплохая. Мы же много лет добрыми соседями были. Я и согласился. Очень уж мне хотелось за гибель сестры и смерть матери отомстить. Вот сейчас, когда ты лазутчиков убрала, понимаю, как бредово всё это выглядело, а тогда просто уверен был, что ты виновата и тебя надо наказать. Я думаю, он через них постоянно управлял мной. Иначе, как бы я столько лет о мести думал и не остывал. Найти тебя трудно было, у тебя же фамилия другая. Ну и постепенно от перемирия он подвёл к захвату Славтушэни. Мне место Лекбуша обещал.

— Вот как? А Лекбуша куда? В Шандушен?

— Сначала так и было, а вчера он сказал, что всех шаманов Славтушэни придётся уничтожить. И не только шаманов, но и учеников. И как только во мне всё возмущаться стало, он через своих помощников быстро в моей голове бунт подавил. Фатуэла, я вот сейчас своей головой думаю, оглядываюсь на прошедшие годы и просто в ужас прихожу от того, что чуть не натворил... — Сэтуэл обхватил голову руками. — Сначала тебя убить хотел, потом Ксея чуть не убил... Как же теперь жить-то?.. А вдруг он опять?..

— А вот теперь, когда я знаю силу Фэтуша и его способы воздействия, я так же знаю, как от них защититься. Я смогу поставить защиту и кинуть обманку, что бы он ничего не понял в отношении тебя, и ничего не смог сделать шаманам и ученикам.

— Откуда же в тебе такая сила?

Татка хотела сказать, что она не просто шаманка, а Стражница, но вовремя остановилась. Как любил поговаривать её папа: «Никогда не открывай свои планы врагу, даже накануне победы». И хоть Сэтуэл был уже не враг, но другом она пока назвать его тоже не могла. Поэтому с показной беспечностью отмахнулась:

— Я же правнучка Весты, а, говорят, она была сильнее Лекбуша. Теперь, Сэтуэл, когда многое прояснилось, нам пора возвращаться. Про твой сговор с Фэтушем ты сам расскажешь на Совете Старейшин и шаманов. Ксей должен присутствовать обязательно. Он воин, воинскую стратегию знает, и раз нас ждёт битва, думаю, его знания могут пригодиться. Кстати, сколько у нас времени?

— Не много. После убийства Ксея я должен был связаться с Фэтушем. Как только ты начала бы паниковать, что его нигде нет, и стала бы его искать, он со своими шаманами внезапно напал бы на нас. Эффект неожиданности должен был привести шаманов Фэшгупали к победе, а потом...

— Когда ты должен был...рассправиться с Ксеем? — Сказать «убил» у Татьяны не повернулся язык.

— Не позже полудня.

— Тогда у нас действительно мало времени. Любое промедление может заставить Фэтуша заподозрить неладное.

— Фатуэла, — шаман встал перед ней на колени и взял за руку, — я очень виноват перед тобой... Смогу ли я заслужить когда-нибудь твоё прощение? И как мне это сделать? —

Он припал губами к её руке.

— Сэтуэл, послушай, сейчас не время расшаркиваться в извинениях. Раз наш мир, — она выделила ударением «наш», давая понять ему, насколько дорога ей Славтушэнь, — в опасности, надо думать о его спасении. Главное, скажи мне, могу ли я полностью доверять тебе и готов ли ты искупить своё предательство кровью, если это потребуется?

Сэтуэл взял щепоть земли:

— Клянусь всеми Духами, что окружают нас в данный момент, всеми живыми существами, что слышат и видят нас сейчас, лесом и рекой и Матушкой — сырой землёй, вскормившей весь род человеческий, что ты можешь полностью доверять мне и рассчитывать на поддержку и защиту, как в мирной жизни, так и в трудный час битвы! — С этими словами, согласно обычаю, он съел землю, что была у него в руке. Тата знала, что это самая страшная клятва, которую произносили шаманы. Если клятва нарушалась, то шамана в этом мире ждала смерть.

— В таком случае, нам надо поспешить на поляну. Ты готов предстать перед Советом, всё рассказать и повторить клятву в присутствии шаманов и Старейшин?

Как только шаман кивнул, Татьяна перенесла их обратно на поляну с дольменом.

Иринка открыла глаза — Коли рядом не было. Она вскочила с кровати и побежала в ванную комнату — пусто. Ира села на кровать, поджала ноги к груди и закуталась в одеяло. Неужели он её бросил? Нет, он не мог оставить её одну так далеко от города. К тому же они собирались вместе к Таниным родителям. Он не мог с ней так поступить после всего, что между ними было! «Только без паники! Он, наверно, вышел в кафе», — успокаивала себя Ирина. Панические атаки, когда она оставалась одна в незнакомом месте в замкнутом пространстве, у неё начались после того, как на курорте её на ночь запер в номере муж, а сам ушёл в ресторан с новыми знакомыми. Тогда к ней в номер ломались подвыпившие парни, и она очень испугалась, позвонила администратору и вызвала охрану. На её счастье, в тот момент, когда они выломали дверь, вышли разбуженные шумом соседи и подоспел охранник. Муж, когда узнал о случившемся, устроил ей скандал, говоря, что она сама виновата в этом. Правда, почему — так и не объяснил. Сказал только, раз ломались к ней, а не к кому-то другому, значит, спровоцировала. А каким образом — так и не объяснил. И вообще, пока она жила с ним, всегда и во всём, чтобы не случилось, он обвинял только её. Именно поэтому она так боялась сделать или сказать что-то не то Николаю. От этих воспоминаний у Иры похолодела спина. В этот момент дверь открылась, и в номер вошёл Коля с подносом. Увидев сжавшуюся на кровати Иру с глазами, полными ужаса, он поставил поднос на стол и бросился к ней.

— Что случилось, маленькая?

— Я проснулась, а тебя нет...

— Неужели ты подумала, что я тебя оставил одну?

— Я просто испугалась, что может войти кто-то чужой... — Ире было стыдно признаться, что она на какое-то мгновение засомневалась в нём.

— Ну, зачем кому-то чужому заходить в наш номер? — Коля обнял её. — Или так уже было однажды?

Иринка кивнула.

— Маленькая моя! Теперь ты со мной, а я никому не позволю тебя обидеть. Просто я хотел, что бы ты проснулась от запаха кофе. Помнишь, как в рекламе? — Ира улыбнулась. — Будешь кофе?

— Ты специально для меня ходил за кофе?! — Радостно удивилась Ирина.

— Конечно, — Коля встал с кровати, взял поднос с кофе и круассанами и, поставив на прикроватную тумбу, сел рядом с ней. — Правда, я не знал, с чем ты любишь выпечку и взял один с сыром, другой с шоколадом.

— Коленька, — голос Иринки дрогнул от переполняющей её нежности и благодарности: ведь никто и никогда так о ней раньше не заботился, — ты принёс мои самые любимые круассаны!

Она поцеловала его в щёку и тут же опустила глаза, застеснявшись своего порыва. Коля поцеловал её в ответ, но не в щёку, а в губы. Его руки скользнули под одеяло. Он гладил её по спине, по плечам, мгновенно возбуждаясь от того, что Иринка обняла его за шею и страстно отвечала на поцелуй.

— Ирочка, — шептал он, целуя её шею и опускаясь к груди, — Ирочка... я хочу тебя, маленькая... — Его язык коснулся упругого соска девушки, а пальцы, скользнув вниз живота,

нашупали нежную плоть. — Я хочу тебя... А ты?..

Он отстранился от неё и увидел, что её щёки покраснели.

— Ириша, тебе нравятся мои прикосновения? — Николай, продолжая ласкать её плоть, слышал, как бешенно колотится её сердце.

— Да... — выдохнула она.

— Ты хочешь, что бы я поцеловал тебя сюда снова?

— Да... — со стоном повторила она.

Покрывая поцелуями тело девушки, он опускался всё ниже до тех пор, пока губы его не коснулись набухшего бугорка. Волна наслаждения более яркая, чем вчера, накрыла Ирину. Она переживала уже знакомые ей с предыдущей ночи эмоции, буквально купаясь в тех восхитительных ощущениях, которые испытывала от его ласк. Она не только стонала: боясь, что нежная ласка может прекратиться раньше, чем она достигнет пика наслаждения, который уже был ей знаком, она шептала: «Пожалуйста, ещё... Пожалуйста...» Тело её содрогнулось в чувственной судороге, и она громко вскрикнула. Через мгновение она почувствовала, как Николай прижимается к ней своим мускулистым телом. Она приоткрыла глаза и встретила с его взглядом, полным желания.

— Ирочка... Любимая моя... — шептал он, медленно погружаясь в неё и увлекая в водоворот такой страсти, что на фоне её все краски мира казались тусклыми...

После бурной разрядки Иринка лежала в лёгкой дрёме и ощущала нежные прикосновения рук Николая. Она взяла его руку и прижалась губами к ладони. Потом приподнялась на локте и посмотрела в глаза.

— Мне так хорошо с тобой... так сладко... — прошептала, смущаясь. Никогда и никому она не говорила таких слов.

— Ты не представляешь, маленькая, как мне приятно это слышать, — он погладил её по спине, — а ещё приятней мне доставлять тебе радость. И я бы с удовольствием продолжил наше с тобой милование, но, Иришка, нам надо вставать. Через полчаса нас будет ждать Юра.

— Тогда давай завтракать, — Ирина села на кровати, — ой, а кофе-то остыл...

— Ничего, Иринка, мы сейчас всё соберём быстренько и пойдём в кафе. Там и кофе попьём, и Юру подождём.

— Сколько нам до Таниных родителей ехать? — Спросил Коля, когда Юра присоединился к ним в кафе.

— Я думаю, часа три — три с половиной.

— Тогда звони им и скажи, что мы будем у них часа в два. Кто — мы, не уточняй и ничего не говори по телефону, сразу же вешай трубку.

— Спасибо, Коля!

— А-а-а, — Коля только рукой махнул, вставая из-за стола, — поехали, я за тобой.

В машине Ира сказала:

— Коля, можно я не пойду в дом к Таниным родителям? Я не могу на чужое горе смотреть.

Николай погладил её по щеке, взъерошил волосы, потом притянул к себе и поцеловал:

— Конечно, Ириша, подождёшь меня в машине. — И, улыбнувшись, добавил, — какое счастье, что ты у меня есть...

— А ты у меня, — и она потёрлась носом о его щёку.

— Поедем сразу к ним, не заезжая домой, — сказал он, заводя машину.

Юра позвонил Таниной маме и, по совету Николая, сказал:

— Здравствуйте, Людмила Петровна. Это Юрий, мы будем у вас часа через три, — сразу отключил телефон и выключил, чтобы не перезванивали и не задавали вопросов.

Когда они подъехали к дому Таниных родителей, Коля поцеловал Иринку в щёку и спросил:

— Точно не пойдёшь? Мы там можем надолго задержаться, разговор-то не из приятных.

— Точно, Коленька. Я тебя в машине подожду.

Николай и Юрий поднялись по ступеням и вошли в прихожую, где вкусно пахло выпечкой. На стук в дверь вышла моложавая женщина со словами:

— Танюша, почему стучишь?

Она хотела ещё что-то сказать, но удивлённо глядя на мужчин, запнулась.

— Юра? — Она посмотрела на Николая.

— Нет, Людмила Петровна, я Юрий. — Он выступил вперёд.

Коля мысленно удивился: как это тёща своего зятя не знает? Юра так и не сказал им, что с Таней они не женаты.

— А где же Таня? — Женщина, вытянув шею, заглядывала за их спины.

— Можно, мы в дом войдём?

— Да, да, конечно, проходите.

Пройдя через прихожую и миновав маленький коридор, они оказались в просторной кухне. На диване сидел коротко стриженный полноватый мужчина в тельняшке и тренировочных брюках с газетой в руках и курил «Беломор». Он выглянул из-за газеты, измерил взглядом сначала Юру, потом Николая.

— А где моя дочь? — Спросил он, складывая газету.

— Так получилось, Вадим Сергеевич... Понимаете... Впрочем, она... Ну, как бы сказать... — и Юра ступешался под грозным взглядом мужчины.

Вадим Сергеевич встал с дивана — он был коренастый, чуть ниже Юры — подошёл к нему и гневно сказал:

— Что ты там лопочешь?! Где моя дочь, я спрашиваю!?

— Она пропала, — прошептал Юрий.

— Что значит — пропала!? — Взревел бывший прапорщик. — Как это — пропала? В лесу, что ли, заблудилась? Я с тобой свою дочь отправил, я тебе доверил её, а ты мне сейчас говоришь, что она пропала!!

— Вадим Сергеевич, послушайте... — Николай попытался придти на помощь Юрию.

— А это ещё кто тут у нас такой!?

— Майор Бурмистров.

— Майооор... — протянул Танин отец и пристально посмотрел на Кэпа. — Какие войска, майор?

— Спецназ.

— Ну, тогда рассказывай ты, майор, а то из этого гражданского слова не вытянешь.

Людмила Петровна смотрела испугано, то на Николая, то на Юрия.

— Мы фотографировались на утёсе. Вид был очень красивый: недалеко от водопада, берега скалистые, пара песчаных отмелей... Впрочем, так получилось, что Татка...

— Что? Как Вы её назвали!? — Встрепенулась Танина мама.

— Татка... А что?

— Вы звали её Татка? — Она, прижав руки к груди, стремительно подошла к

Николаю. — Тогда почему Вы здесь, а не с ней?

— Простите... Я не совсем улавливаю связь, — растерялся Коля.

— Ну, это же Вы называли её Таткой?

— Вообще-то, нет. Её так называл мой друг, у меня почему-то сейчас вырвалось...

— Люся! Дай договорить человеку! Какая разница... Татка... Таня?!

— Так вот: Таня стояла на краю скалы и, вдруг камень под ней откололся, и она упала в реку вместе с ним, а Алексей за ней прыгнул...

— Алексей?.. Это тот самый Ваш друг, который называл мою дочь Татой?

— Да, да. Алексей прыгнул за ней, и мы все видели, как он вытащил её на берег. Правда, на противоположный берег... Мы все видели, как они были на берегу, а потом... Понимаете, в это трудно поверить... Но мы все видели это... — он посмотрел на Юру, словно призывал его в свидетели произошедшего, — небольшое голубоватое облако словно наплыло на них, а когда растаяло — их уже не было на берегу. Извините, что говорю нескладно... Вот так как-то...

— Что за ерунду Вы тут несёте? Вы что там покурили, майор? — Закипая, спросил Вадим Сергеевич.

— Подожди, Вадим, — Людмила Петровна сделала нетерпеливый жест в сторону мужа. — Офицер, можно Вас на минутку? — И она кивнула в сторону двери, ведущей в другую комнату. Вышла первая, а Коля последовал за ней.

Вадим Сергеевич измерил Юрия тяжёлым взглядом и сказал:

— Садись и объясни всё толком.

Юрий послушно сел и пока он подробно рассказывал о случившемся, Людмила Петровна беседовала с Николаем в небольшой комнате с аквариумом.

— Офицер, я бы не хотела, чтобы наш с вами разговор слушал Юрий, возможно, ему это будет неприятно... Скажите, у Вашего друга было что-то с моей дочерью?

Коля смотрел на неё удивлённо:

— Вообще-то Ваша дочь там со своим мужем была. Не думаете же Вы, что она...

— Майор, с каким мужем?! Она уже десять лет, как вдова.

— Как это — вдова? А Юра?

— Это он Вам сказал, что она его жена?

— Да. При первой же встрече. Это не так?

— Офицер, я думаю, он таким способом решил оградить себя от возможных неприятностей.

— Пожалуйста, зовите меня по имени. Николай, если помните.

— Да, да, хорошо. Давайте оставим этого Юру. Николай, поймите, это не праздный, это очень важный вопрос. Возможно, благодаря Вашему ответу я буду знать, что с моей дочерью всё в порядке. Почему он называл её Татой? Она попросила?

— Нет, он сам.

— И как он это объяснил?

— Ну, вроде, только он так будет её называть, больше никто. Она не возражала.

— И он прыгнул за ней в воду?

— Да, сразу же, не раздумывая.

— Значит, между ними что-то было... Николай, я не сплетни собираю, — взмолилась Людмила Петровна. — Вы поймите, от того, что Вы расскажете, я буду знать, живы они или нет.

— Алексей из-за неё голову потерял, — сдался Николай. — Помните, как у Высоцкого «я на неё всю глядел, как смотрят дети...»? Вот и он с ней глаз не сводил. И мне показалось, что Барс... простите, Лёша ей тоже нравился, но она ведь не одна была, а с Юрой. Лёшке дала понять, что неприлично устраивать ракировку в таком узком кругу, да ещё так далеко от цивилизации. Мне кажется, она Юру не хотела унижить.

— Да, это очень на неё похоже. Интриги — это не про неё. За спиной никогда ничего не делала. Ну, а в такой поездке это могло привести, так сказать, к расколу в рядах.

Коля с удивлением смотрел на Людмилу Петровну. Испуг и растерянность ушли из её глаз, она даже улыбалась.

— Значит, он её спас... Это хорошо. А потом это голубое облако, да?.. — Людмила Петровна задумалась на долю секунды. — С ними всё в порядке, Николай. Они живы. В этом мире он спас её, в том мире она будет ему защитой.

— Простите, в каком — том? На том свете, что ли?

— Офицер, то, что я Вам расскажу, может повергнуть Вас в шок. Дело в том, что моя дочь и Ваш друг попали в параллельный мир под названием Славтушэнь. Наши корни идут оттуда, то есть мои и Танины. Моя бабка родом из того мира. Да не смотрите Вы на меня, как на умолишённую! Я знаю, что говорю! Мы из династии шаманов. Вот, пожалуйста, — и она протянула Коле левую руку ладонью вверх. — Что Вы видите, майор?

— Это не обман зрения? — Удивлённо проговорил Коля, разглядывая ладонь Таниной мамы. — Я вижу линии, которые создают иллюзию глаза...

— Это наш родовой знак. Знак династии шаманов Славтушэни по линии Весталины. Я думаю, они просто оказались на том берегу во время открытия портала и синий туман тому доказательство.

— Вы шутите?.. — Растерялся Коля.

— Тогда объясните мне сами, что всё это значит. — Спокойно сказала она, пожимая плечами. — Не можете? Так вот, бабка моя, Веста, была шаманкой Славтушэни, а полюбила парня из Карелии, который нечаянно прошёл через портал. Он тоже её полюбил, и они ушли жить в наш мир. И Веста передала все знания рода Татке. И так её называла только она. И ещё говорила, что тот мужчина, который сам захочет её Татой называть и будет её судьбой. Юре это знать не надо. Он расстроится. Получается, что он сам того не зная, её другому мужчине вез... Впрочем, Николай, Вы меня обрадовали.

— Хорошо. Допустим они в другом мире, как там... Славтушэни? Но когда они вернуться?

— Только тогда, когда портал снова откроется, а это известно только шаманам, увы...

— Они могут пропасть на несколько лет?

— Нет, что Вы. Пара-тройка месяцев самое большое... Ну, по крайней мере, так было раньше... Николай, у Вас нет повода сомневаться в моих словах. Хотя бы потому, что я абсолютна спокойна.

— А что я начальству скажу!? У Барса через неделю отпуск заканчивается...

— Скажите то, что похоже на правду: пропал без вести, заблудился в лесу...

— Ага, офицер спецназа заблудился в лесу! — Развёл руками Николай. — Как Вы себе такое представляете?

— Видите ли, лес лесу рознь... А Вы в официальный розыск подали?

— Конечно.

— А ничего из ряда вон выходящего, там, в Карелии не произошло?

— Погодите... Ну, да, конечно! Там побег из тюрьмы был.

— Вот. Скажите начальству, что добровольно приняли участие, а... Барс, да?.. пропал.

— Так и было. Мы их даже с собаками искали.

— Вот и держитесь этой версии, офицер! А сейчас пойдёмте на кухню чаю попьем. Я пирогов напекла, а вы, наверно, с Юрой проголодались. Только ради Бога, молчите при Юре, не говорите ему ничего, не огорчайте парня. Я сама найду, что сказать. — Он шагнула к двери. — Ну что же Вы медлите, Николай?

— Понимаете, — Коля смутился, — я не один. В машине моя девушка.

— Коленька, так зовите её скорее к столу! Кстати, почему она не пошла?

— Не хотела видеть Ваших слёз.

— Идите и успокойте её, и приведите в дом!

Коля пошёл к машине.

— Иришка, пойдём, нас зовут чай пить.

— Чай!? В такой момент и чай?

— Танина мама обещала рассказать нечто такое, что нас успокоит.

— Значит, она не плачет? — Выходя из машины, уточнила Ира.

— Нет. А знаешь, чему она обрадовалась больше всего из моего рассказа? Тому, что Барс назвал Таню Таткой. Она считает это хорошим знаком.

Они подошли к дверям дома, Коля пропустил Иру вперёд:

— Проходи. Там налево кухня. Пошли, пошли, — он взял девушку за руку.

В кухне была странная обстановка: Людмила Петровна, что-то напевая, накрывала на стол и на все вопросы мужа говорила одно:

— Сейчас Коля со своей девушкой придёт, и я всё объясню.

— Вот, знакомьтесь. Это — моя Иришка, — Николай приобнял Иру за плечи.

— Здравствуйте, — смущённо сказала Ира.

Танина мама поразила её своей элегантностью: домашние туфли на небольшом каблучке, узкие бирюзовые брюки и рубашка в бело-голубую крупную клетку. Ира, как работник индустрии красоты, сразу отметила ухоженные руки с неброским маникюром, лёгкий, едва заметный макияж и уложенные волосы. Эта уже немолодая женщина даже дома выглядела так, что хоть сейчас в свет выходи. К тому же она излучала какую-то всеобъемлющую доброту и покой. Иринке сразу стало уютно в этом доме.

— Как Вы похожи с Таней, — невольно воскликнула она.

— Внешне?

— Нет, вот тут, — и Ира приложила руку к сердцу.

— Какая милая у Вас девушка, Николай. Значит, Иришка? А я Людмила Петровна, а это вот Вадим Сергеевич. Присаживайтесь, прошу вас. Вадим, Юра, ну что же вы в стороне от стола?

Когда все расселись и чай был налит по чашкам, Танина мама сказала:

— В свете рассказа товарища майора, могу сказать одно: нет повода для волнений.

— Люся, ты что говоришь!?

— Вадим, не перебивай. Коля мне описал то место, где Таня с Алексеем упали в реку и рассказал, что все видели, как они выбрались на берег. Так вот, место это очень похоже на то, где в глубине леса располагается одна деревня. Просто ребята туда дошли, а спасатели нет. Может, шли в другую сторону, может не стали так углубляться в лес. Потом, искать ведь их начали только на следующий день, а за сутки далеко уйти можно. А, попробуй, найди,

когда не знаешь, в какой стороне люди. Поэтому, пейте чай и не волнуйтесь, ребята скоро найдутся. Она говорила так уверенно, что Ира с облегчением вздохнула:

— Как хорошо, Людмила Петровна, что Вы не расстроились и смогли все объяснить доходчиво.

Но, похоже, отец Тани не согласился с данным предположением.

— Люся, ну какая деревня в лесу! Что ты бред несёшь!? К тому же зачем им в лес-то углубляться!? Они должны были вдоль реки по берегу идти.

— Вадим, не дескриптируй меня перед людьми. Вот когда они вернутся, тогда и узнаешь, зачем в лес углубились. Ира, почему пироги не едите? Вот с капустой, а эти Танины любимые — с грибами.

— Спасибо большое, Людмила Петровна, — допивая чай, сказал Коля, — но мы уже поедим. Действительно, хорошо, что Вы так всё объяснили, я вот успокоился...

— А я нет, — рявкнул Вадим Сергеевич.

— Вадим, — строго сказала Танина мама тоном, не терпящим возражений, — я потом тебе ещё раз всё объясню, и ты тоже успокоишься. Так вы пирогов и не поели совсем! — Всплеснула она руками, обращаясь к ребятам. — Сейчас я вам с собой дам.

— Ну, что Вы, спасибо. Не надо.

— Надо, надо. Для кого я готовила? — И с этими словами она быстро встала из-за стола, подошла к кухонному шкафу, достала пластиковые контейнеры и ловко упаковала в них пироги. Подала Ире три контейнера, а Юре один.

— Сейчас домой уставшие приедете и покусаете.

Отказаться было неудобно. Ира и Юра со словами благодарности взяли угощение и, попрощавшись, направились к дверям.

Они вышли в тёплый сентябрьский день. Юра быстро простился и уехал, не считая нужным обсуждать услышанное. Николай упаковывал контейнеры в сумку.

— Пирог, конечно, хорошо. Спасибо Людмиле Петровне, но вот дома у меня хоть шаром покати. Я, когда уезжал, даже холодильник отключил. Давай в магазин заедем и продуктов купим. А лучше полуфабрикатов, что б ты, уставшая, у плиты не стояла.

— Мы к тебе поедим, да?

Коля почувствовал напряжение в её голосе.

— К нам. Я думал, что ты останешься со мной... Ир, если ты не готова со мной жить... — он заглянул ей в глаза и увидел, что они блестят от влаги.

— Ириша, ну что случилось? Ты не хочешь ко мне ехать, а сказать боишься, чтобы не обидеть?

— Нет, Коленька, я... Я просто боюсь.

— Чего ты боишься, маленькая? Я ведь с тобой.

— Боюсь, что ты можешь передумать со мной жить, и я останусь без тебя, — почти прошептала Ира.

— Ну, какая же ты у меня глупенькая! — Коля обнял её и поцеловал в макушку. — Это я должен бояться, что ты передумаешь со мной жить. Ты молодая, красивая. Тебе, наверно, хочется проводить время весело, в кино, в театры ходить. А у меня такая работа, что среди ночи могут поднять, командировки разные... И это мне надо бояться, что когда-нибудь тебе станет скучно со мной, и однажды я вернусь в пустую квартиру...

— А знаешь, что надо, что б мне не стало скучно, и квартира никогда не была пустой?

— Наверно, ты знаешь, — он прижал её к себе сильнее и опять поцеловал. Она кивнула. — Тогда скажи, и я тоже буду знать.

— Надо, что бы в ней были детки, — и Ирина робко взглянула на Николая.

— Ну, конечно! Как же я сам не догадался! Я ошибался, маленькая моя, называя тебя глупенькой. Ты у меня очень умненькая. Это даже Балу заметил. Только знаешь, что? Давай к операции «детки» приступим завтра, а сегодня купим шампанского и отметим начало нашей совместной жизни. Ты какое шампанское любишь?

— Брют.

— Отлично! Я тоже люблю брют. Давай, моя хорошая, садись в машину, и поехали домой.

Они зашли в «Перекрёсток» около дома Николая. Он вёл Ирину между стеллажей с продуктами к прилавок с полуфабрикатами.

— Смотри, вот этот салат очень вкусный, если ты, конечно, печень любишь. И «сельдь под шубой». Берём? — Ира кивнула.

— Девушка, — обратился он к продавщице, — будьте добры нам вот этот салат, этот, да... и вот этот ещё, — он называл салаты, а симпатичная блондинка всё взвешивала, упаковывала и выставляла на прилавок.

— А свои любимые котлетки из индейки будете брать? Или лучше котлеты по-киевски? — Спросила она кокетливо.

— Солнышко, ты что будешь?

Ирина бросила недобрый взгляд на продавщицу, которая кокетничала с её мужчиной.

— Я рыбы хочу. Ты против рыбы не возражаешь? — Она улыбнулась Николаю.

— Нет, конечно. Нам, пожалуйста, треску под маринадом и... вот это что?

— Лосось с грибами и сыром.

— Отлично. Его тоже.

— А ещё я хочу торт, — Ира и сама не понимала, откуда в ней вдруг появилась эта смелость.

— О, тут продают потрясающий торт «Лапландия». Ела когда-нибудь?

— Нет, даже не слышала.

Николай забрал покупки с прилавка, обнял Иришку за талию и они пошли в кондитерский отдел. Теперь уже продавщица зло посмотрела им в след. Она заприметила этого интересного мужчину ещё полгода назад. Он приходил всегда один, был вежлив, если она шутила — отвечал шуткой. Прочёл её имя на бейджике и обращался к ней по имени. Одет он был всегда аккуратно и создавал впечатление доброго мужчины с мягким характером. Иногда они говорили ни о чём, а один раз даже кофе пили. Лариса, так звали продавщицу, закончила свою рабочую смену в тот день рано. Выходя с работы, она увидела, как этот мужчина заходит в кафе «Буше». Лариса поспешила за ним и, как бы невзначай, столкнулась с ним у прилавка. Коля угостил её кофе с пирожным, и они мило поболтали о разных пустяках. Лариса так надеялась на продолжение... И вдруг эта брюнетка.

А Ирина мучалась то страхом, то ревностью. Ну, страх — это понятно, а вот ревность откуда? Наверно, тоже от страха. Вон как эта продавщица на её Колю смотрела, и кассирша ему мило улыбалась... Ира раньше и не замечала, сколько симпатичных женщин вокруг. Вдруг кто-то из них Коле понравится больше, чем она. Когда она жила с Аркадием ей такая мысль даже в голову не приходила. Всё равно было. А теперь не всё равно. И Колю она потерять боится не только потому, что он её любит, а потому, что она... Что она? Любит его? Николай рассчитался и стал собирать пакеты со стойки.

— Давай я что-нибудь возьму.

— Возьми самое вкусное и нежное — торт, — и Коля подал ей коробку.

Иринка вышла за ним из магазина под впечатлением своего открытия. Она никак не могла поверить, что такое прекрасное чувство, как любовь, посетило и её. Ей казалось, что Коля просто нравится и она благодарна ему за его нежное отношение, и боялась, что если он уйдёт, то вряд ли найдётся другой мужчина, который будет с ней так же нежен и заботлив. А выходило, что она любит его и именно поэтому боится потерять.

— А куда мы идём? — Спросила Ира, когда они прошли мимо машины.

— Домой. Вот мой дом.

— А вещи?

— Заберём вечером или завтра. У нас же праздничный ужин впереди.

Квартира у Николая оказалась большой.

— Сколько у тебя комнат? — оглядывая просторную прихожую, в которой стоял встроенный шкаф, тумба под обувь и маленький диванчик.

— Четыре. Садись.

Ирина села на диванчик, который оказался очень удобным, и стала осматриваться по сторонам. Коля опустил перед ней на корточки, и начал развязывать шнурки на кроссовках.

— Что ты, зачем!?! — Ира растерялась.

— Мне приятно, — улыбаясь, он встал и достал симпатичные, пушистые, абсолютно

новые тапочки и одел их Иришке на ноги. Помог снять куртку, разделся сам и, подхватив пакеты с продуктами, сказал:

— Маленькая, пошли на кухню. Сейчас включу холодильник, разложу продукты и покажу тебе квартиру.

Через небольшую комнату, в которой стояла мягкая мебель и телевизор, они прошли на очень уютную кухню в серо-голубых тонах с маленьким диваном около стеклянного стола и небольшой барной стойкой с тремя высокими стульями. Николай включил холодильник и стал разбирать сумки. Первым делом он положил шампанское в морозилку.

— Ириша, включи чайник, пожалуйста, — он кивнул в сторону электрочайника, — или кофе сварить? Ты что хочешь? Он положил последний контейнер на полку и закрыл холодильник.

— Тебя, — шагнула к нему Ира, и снова испугалась собственной смелости и нескромности.

— Тогда к чёрту кофе! — Николай взял её за руку и быстро повёл из кухни.

— Куда мы?

— Сюда, — сказал он, открывая дверь и включая свет.

Ярко вспыхнули лампы, на какое-то мгновение ослепив Ирину. Затем Коля повернул выключатель, и комната наполнилась сереневым цветом.

Ирина стала осматриваться. Комната, в которой они стояли, была метров тридцать. Слева горел искусственный камин, в котором «потрескивали» дрова. Видно, он включался автоматически вместе со светом. Перед камином лежал светлый ковёр с высоким ворсом. Большой диван, на котором лежал плед цвета кофе с молоком, занимал весь угол комнаты. Изящный стеклянный столик рядом с диваном был украшен композицией в виде дерева. У противоположной стены стояли стеллажи с книгами. Всё это Ирина не успела хорошо рассмотреть, потому что Коля подхватил её на руки и отнёс на диван.

— Повтори, что ты сказала на кухне?

— Я сказала, что хочу тебя, — прошептала Ира, глядя ему в глаза. Он с лёгкостью освободил её от одежды и быстро разделся сам.

После той ночи в гостинице, где Николай показал ей, насколько может быть восхитительной близость между мужчиной и женщиной, все предрассудки, которые ей внушались в семье, отступили. Теперь она знала, что нет ничего постыдного ни в самых откровенных ласках, ни в наслаждении, которое они доставляли друг другу. И что стоны, которые она издавала, являются ни чем-то постыдным, а естественным проявлением чувств. Тогда она скрывала своё тело под одеялом и стеснялась смотреть на обнажённого Колю. Сейчас же она любовалась его крепким, хорошо сложенным, накаченным телом.

— Ты такой красивый... — она провела рукой по его плечу, груди и коснулась живота. Затем рука её скользнула ниже и она с трепетом дотронулась до его возбуждённой плоти. — Тебе так приятно? — Смущаясь, спросила Ира и стала гладить осторожно, словно боялась сделать ему больно.

— Очень, — прошептал Николай.

— А так? — И она, набравшись смелости, коснулась губами его мужского достоинства.

— А так не просто приятно, а сладко... — простонал он.

Боясь, что разрядка наступит слишком быстро, Коля подхватил Ирину и поднял к себе.

— Иди ко мне, маленькая...

— Будет так же хорошо, как в гостинице?

— Нет, будет гораздо лучше, я тебя обещаю, — сказал он и приник губами к её влажному бутону.

Потом, когда они оторвались друг от друга и смогли спокойно дышать, Коля спросил:

— Против шампанского не возражаешь?

— Нет. Только я не знаю, чего хочу больше — пирогов или торта, который ты так хвалил.

— Лежи, маленькая, я принесу и то, и другое.

Он легко встал с дивана и пошёл на кухню. Иринка укуталась в восхитительно мягкий плед. Ей нравилась эта комната. Вроде, просторная, но такая уютная. Она посмотрела на камин, на ковёр перед ним... Где-то она уже видела такое... Во сне! Она видела эту комнату во сне в походе. Ей ещё Коля на палец кольцо одел, а она потом расстроилась, что сон не

хороший. А, может, наоборот, очень хороший. Она услышала какой-то звук и села на диване. Николай заходил в комнату со столиком на колёсах, на котором стояла бутылка шампанского, два бокала, тарелка с пирогами и торт. Он подкатил столик к дивану.

— Оставим всё на нём или переставим на этот? — Он кивнул на стеклянный стол.

— Давай переставим, так будет красивее.

Коля сел рядом с ней, открыл бутылку и разлил шампанское по бокалам.

— Я хочу выпить за тебя, Ириша! Я так рад, что ты согласилась со мной жить и, поверь, я сделаю всё, что в моих силах, что б ты не пожалела о своём решении. — Он приподнял бокал, но Ира покачала головой.

— Нет, я не хочу, что бы мы пили за меня. Я хочу, что б мы выпили за нас. Потому что... я очень хочу, что б мы всегда были вместе.

— Это замечательный тост, хорошая моя. Я тоже очень хочу этого. — Они чокнулись бокалами и выпили. Ира взяла кусок пирога с грибами.

— Какой изумительный вкус! Надо же какое воздушное тесто. Прямо во рту тает, — пробормотала она и зажмурилась от удовольствия. — Ты только попробуй, Коленька.

— Ириша, нам надо многое с тобой обсудить, — сказал Николай, когда они пили кофе.

— Да, я слушаю тебя, — голос Иры был напряжён. «Неужели я рано обрадовалась и Николай, так же как Аркадий будет говорить, что мне делать, как и когда? И опять я вынуждена буду неукоснительно соблюдать все правила, которые мне будут предписаны?»

— Во-первых, нам надо решить вопрос с твоей одеждой. Если ты хочешь, то самые любимые вещи мы можем забрать из твоего дома, но я не буду возражать, если ты решишь полностью поменять свой гардероб, напротив, буду рад. Смотри, у меня ещё четыре дня отпуска и мы можем завтра поехать к Андрею, ты заберёшь то, что сочтёшь нужным, а послезавтра мы вместе пойдём покупать тебе всё, что ты захочешь или наоборот: сначала покупки, потом к брату. Ещё надо решить с твоей работой. Если тебе далеко ездить в свой салон, может, ты устроишься где-то поближе? Ну, если вообще работать хочешь.

— А как же без работы? — Ирина облегчённо вздохнула. «Когда же я смогу избавиться от страхов прошлой жизни? Как же крепко они во мне сидят!»

— Ну, будешь ходить в спотрзал. Заниматься домашним хозяйством...

— Нет, нет, Коленька, я хочу работать.

— В своём салоне?

Ира кивнула.

— А он далеко от нашего дома?

— Не очень. На Ветеранов.

— Это же тебе больше часа добираться. Я, к сожаленью, не всегда смогу тебя встречать. Ты же поздно будешь возвращаться? Может, что-то поближе посмотришь? Я буду волноваться за тебя.

— Хорошо. Я пройду завтра или послезавтра около нашего — как ей нравилось говорить «нашего!» — дома и посмотрю, что за салоны есть в округе.

— Может, сейчас, пока ещё не поздно, пойдём тебе купим что-нибудь: платье, джинсы, туфли... Что ещё тебе надо?

— Я даже не знаю...

— Ну, а в чём ты послезавтра вокруг дома будешь ходить? И в чём ты завтра к Андрею поедешь? Давай-ка, собирайся. Время всего восемь, а торговый комплекс рядом с домом работает до десяти. Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

— Коля... — Иринка замялась, — понимаешь... ну, у меня денег нет с собой.

— Маленькая, я дам тебе карту и трать, сколько надо. Одевайся и пошли.

— Коля, но мне неловко брать твои деньги...

— Ириш, раз уж мы живём вместе, то это не только мои, но и твои деньги, зайка. А если тебя смущает, что я неофициально твой муж, то мы пойдём в ближайшее время и подадим заявление. Паспорт у тебя с собой или у Андрея дома?

— С собой, только... Я пока не могу выйти за тебя замуж... — тихо сказала Ирина.

— Почему? — Голос у Николая дрогнул. — Ты не хочешь быть моей женой?

— Хочу, Коленька! Правда, очень хочу. Я даже не думала, что после всего... ну, ты понимаешь?... захочу замуж. А за тебя хочу, — Иринка обняла его и, заглядывая в глаза, сказала, — просто я обещала Тане, что позову её на свадьбу, а они с Алексеем ещё не вернулись... Может, подождём, когда они найдутся?

— А когда ты ей обещала? — Его удивлению не было предела.

— Ещё тогда, когда мы с ней посуду мыли, и ты мне ногу осматривал. Представляешь, она уже тогда говорила мне это... Как знала, что мы будем вместе...

— Согласен. Давай сыграем свадьбу сразу после их возвращения. Тем более, раз ты обещала...

На самом деле он хотел, что б свидетелем на их свадьбе был его самый близкий друг — Барс, но думал, что свадьба очень важна для Иры, а раз так... можно и подождать.

Они быстро оделись и буквально через несколько минут были в торговом комплексе. Иришка примеряла те вещи, которые выбирала себе сама или которые советовала продавщица, а Коля либо восторгался, либо отрицательно качал головой, смешно морща при этом нос. В итоге Иринин гардероб пополнили джинсы, юбка, две блузы, пуловер, платье, пара туфель чёрного и красного цвета, а так же полусапожки и плащ цвета индиго, который очень подходил к Иринкиным серым глазам. Ира была удивлена тем, с каким удовольствием Николай ходил с ней по магазинам, помогая выбирать одежду, и при этом ни разу не поторопил её и не выказал недовольства. Когда они подошли к магазину с женским бельём, он предложил ей сделать покупки без него, на свой вкус. Иринка выбрала два комплекта белья: один голубого, другой изумрудного цвета, а так же очаровательный халатик из чёрного шёлка с алыми маками. Они вернулись домой, и продолжили свой праздничный ужин с салатами и шампанским. Когда же Иринка продемонстрировала своё нижнее бельё — Николай подхватил её на руки и отнёс в спальню. Каждый из них считал, что попал в сказку и каждый думал о том, как было бы хорошо, если бы сказка не кончалась...

На следующий день, предварительно созвонившись с Андреем, они отправились к семье Ириноного брата в гости. Иринка знала, что любят её племянники, поэтому выбор подарков Николай полностью доверил ей. Он очень давно не общался с детьми и из-за этого немного нервничал. Марина, жена Андрея, приготовила праздничный обед, замариновав три вида шашлыка и сделав пару салатов. Торт, вино и фрукты пообещала привезти Ирина. Марине не терпелось познакомиться с мужчиной, который сумел вылечить израненое сердце Иришки. К сестре брата она относилась с нежностью. Зная неприятную историю с разводом, которая спровоцировала нервный срыв у столь юного существа, Марина жалела эту хрупкую девушку, и была благодарна ей за то, что Ира взяла домашнюю готовку на себя. А иногда забирала детей на несколько дней в дом отдыха, позволяя им с Андреем наслаждаться друг другом. Она даже соскучилась по Иринке за те дни, что не видела её. Племянники радостно встретили любимую тётю. Они с визгом бросились ей на шею, стали её целовать и обнимать, а уж когда Коля вынул из пакета подарки, то и он был зацелован благодарной малышнёй. Марине он очень понравился. Она была рада, что рядом с Иринкой оказался взрослый мужчина, который не скрывал своего нежного отношения к ней, крепко стоял на ногах и, судя по тому, во что была одета девушка, имел хороший доход. Нет, Марина не была корыстной, просто она очень боялась, что Иринке попадётся какой-нибудь лентяй, который сядет ей на шею. К тому же считала, что мужчина должен быть ответственным, если собирался создавать семью, и финансовое положение в данном случае играло не малую роль в пользу избранника. Так как у Николая был выходной и на следующий день, то он позволил себе выпить немного коньяка с Андреем, а женщины с удовольствием выпили вино из Абхазии, которое Ира нашла в магазине. Ближе к вечеру Андрей затопил баню, а Марина приготовила на втором этаже комнату для Коли и Иринки. Она искренне радовалась за неё: наконец-то и Иришке улыбнулось счастье после всех её разочарований. Достаточно было перехватить Ирин взгляд на Колю, как сразу становилось ясно, что она любит его. Николай же смотрел на свою избраницу с такой неприкрытой нежностью и любовью, что у Марины даже в горле запершило. «Господи, пусть же она будет счастлива всю свою жизнь так же, как сейчас» — думала она, украдкой наблюдая за ними. Выходные удались: и погода не подвела — дни стояли тёплые и солнечные — и компания была хорошая.

В свой первый рабочий день Коля стоял навтыжку перед полковником Майским.

— Бурмистров, я не знаю, что я с тобой сделаю! Как боевой офицер с такой высочайшей подготовкой мог заблудиться в лесу!? Как, чёрт возьми!? А ты ещё официального подтверждения хочешь!

— Да не совсем официального, а для Юли. Просто бумагу из канцелярии, что пропал во время операции...

— Да что ты мне за бред здесь несёшь!? Какой ещё операции?

— Я же говорил Вам, в Себеже сбежали преступники. Кстати, именно благодаря Барсу они были задержаны! И бумага мне эта на всякий случай нужна. Может, она захочет подтверждения моих слов. К тому же он действительно пропал. Мы три дня на поиск потратили, с собаками искали. Потом в розыск официально подали. Я просто хочу, что бы Вы подтвердили, что он там по долгу службы находился.

— Вот почему я должен за него отдуваться!? Давай будем бороться с неприятностями по мере их поступления. Если Юля потребует подтверждения, тогда и подумаю, а пока нечего поперёк батьки в пекло...

Коля смотрел на начальника такими глазами...

— Ладно, — сдался Майский, — придумаю что-нибудь. Он кивнул Николаю на стул. — Садись и ещё раз всё медленно и по порядку.

— Мама, ты представляешь, вместо Барсова нас Коля будет встречать! — Возмущённо сказала Юля. — Я уже устала от всех его выходов! Неужели нельзя было на работе договориться. Он же не каждый день жену в аэропорту встречает.

— Юленька, ну что ты сердисься. У него работа такая...

— Нет, это он мне так мстит за то, что из полиции тогда вытащил. Проучить меня решил!

— Юля, может, ты остепенишься. Тебе уже 30 лет, а ты себя, как малолетка какая-то ведёшь. Мало того, что в Питере, так ещё и тут из баров не вылазила. С Никитой этим закрутила...

— Не вздумай только Лёше ляпнуть. К тому же, что значит — закрутила!? В чём ты меня подозреваешь? Подумаешь, по ресторанам походила с ним, да ночью по набережной погуляла...

— Непристало замужней женщине по ночам с посторонним мужчиной шастать.

— Мам, ну вот хватит нотаций, а? Барсов и тот понял, что меня не переделать, рукой на меня махнул и принимает такой, какая я есть, а ты всё пытаешься меня изменить. — Говоря это, Юля поправила на себе лёгкий сарафан на тонких бретелях, подкрасила губы и стала обуваться.

— Вот куда ты собралась, на ночь глядя?

— Последний выход, мам. Завтра уже в Питере в это время будем.

— А чемодан?

— Ма, ну, давай ты сама... — и Юля, оставив шлейф дорогих духов, выскочила за дверь.

Николай при Ольге Павловне не стал рассказывать о случившемся. От Барса он знал про её больное сердце и решил не расстраивать. Пусть лучше Юля сама это как-то помягче преподнесёт своей маме. Он отвёз домой Алёшину тещу, помог ей с чемоданом. Когда они подъехали к дому Юли и Барса, он предложил Юле помочь с багажом.

— Такое чувство, что всё это время в квартире никто не жил, — сказала Юля, входя в коридор. — Я не поняла: Барсова, что, дома вовсе не было?

— Да, Юля. Его не было. Ты сядь, пожалуйста. Я кое-что должен тебе рассказать.

— Это я вдова теперь, что ли? — Выслушав рассказ Николая, спросила она скорее агрессивно, чем расстроено.

— Почему вдова? Пока тело не найдено, он считается без вести пропавшим.

— А если тело никогда не найдут? И, в конце концов, я же должна получать что-то по утере кормильца? Ну, компенсацию какую-то должна получать? Ведь он не на прогулке, он во время выполнения задания пропал! — Юлька распалаясь всё сильнее. — Нет, ну это же надо гадство какое — пропасть без вести!

— Пока нет официального подтверждения о его гибели, ты ничего получать не должна, — стараясь не стукнуть её, сквозь стиснутые зубы повторил Николай. — А раз не

должна, значит, не будешь.

— Ну, зашибись! — Сказала Юля. — А я вот пойду и всё уточню у юриста!

— Иди, ангел мой, уточняй. — Только воспитание и природная деликатность не позволили Коле плюнуть с презрением на пол. Да как же это Барс вляпался!? Ничего удивительного, что друг решил развестись. Коля был поражён тем, что Юля расстроилась не потому, что с её мужем случилась беда. Она, похоже, по настоящему разозлилась на Барса за то, что он пропал без вести и за то, что ей не положено денежное содержание от государства. Он встал и направился к дверям.

Славтушэнь (продолжение)

Как только Сэтуэл с Таней появились на поляне, Алексей сразу бросился к ней:

— Всё в порядке, милая?

— Да.

— А почему он свободен? — Кивнул в сторону Сэтуэла Лекбуш.

— Потому, что мы нашли и устранили причину его поступков, и теперь у меня нет повода ему не доверять. К тому же мне теперь известны планы Фэтуша. Нам надо срочно собрать Большой Совет.

— То есть, должны присутствовать Старейшины и шаманы всей Славтушэни?

— Да, Лекбуш и как можно скорее.

— Таак... Таак... Таак... Разгадала, значит, мой ребус! — Раздался вкрадчивый голос.

Они обернулись на этот голос. В нескольких шагах от них стоял высокий черноволосый мужчина лет шестидесяти, а, может, старше, но назвать его стариком не повараживался язык. Он был статен, хорошо сложен, в чёрных волосах отсутствовала седина. Взгляд чёрных глаз был насмешлив. Сомнений не было — перед ними стоял сам Фэтуш.

— Чёрт! — В полголоса выругалась Таня. Она так торопилась донести скорее информацию о возможной атаке со стороны шаманов Фэштупали, что забыла поставить защитный купол.

— Так вот ты какая, отродье Весталины! Я-то думал, мне предстоит встретиться с грозным противником, а тут сопливая девчонка! Если бы я знал, что встречусь с такой «всесильной» шаманкой, — он измерил Таню презрительным взглядом, — то пришёл бы один, без поддержки.

За ним, чуть в стороне, стояли пять молодых шаманов и одна шаманка, пожалуй, лет пятидесяти. Одеты они были в чёрные брюки и в плотно облегающие тело красные куртки. На шаманке было чёрное длинное платье. От неё исходила сила ничуть не меньше, чем от Фэтуша. Татьяна была неприятно удивлена красотой мага Фэштупали. «Ну, почему зло так красиво!»- мысленно вздохнула она.

— Что? Не нравлюсь? — Усмехнулся шаман.

— Наоборот, нравишься.

— Воот как!? — Удивлённо протянул он в ответ.

— Да, так. Поэтому жалко будет тебя убивать.

— А ты и не убивай!

— Не убью, если сдашься.

— Ну, надо же, какая самоуверенность!

Татьяна прекратила пикировку с Фэтушем, быстро накинула невидимый купол и сказала шаману Славтушени:

— Лекбуш! Забирай Ксея, уходи с ним в портал, и собирай всех шаманов. Сэтуэл, как думаешь, продержимся вдвоём против семерых хотя бы минут десять-пятнадцать?

— Не сомневайся, продержимся! — Бодро воскликнул шаман, хотя сомнение в его душе присутствовало.

Лекбуш шагнул было к Ксею, но Барс, хоть и не знал языка Славтушэни, понял, что Татка решила убрать его с поля боя. Он грозно посмотрел на шамана:

— Даже не думай! — Прорычал.

В это время огненные стрелы пробили защитный купол. Лекбуш решил не спорить с Ксеем и быстро переместился без него к степным собратам. Сэтуэл и Таня вступили в неравный бой. И тут началось такоооо! Алексею казалось, что он участвует в съёмках какого-то волшебного блок-бастера. Огромные шары голубого, красного и чёрного цвета, посланные шаманами друг в друга, летали по воздуху. Некоторые взрывались, не достигая противника, так как их уничтожали в полёте. Тата периодически ставила защитные стены, но они пробивались огненными копьями, котрые появлялись ниоткуда в руках шманов Фэшгупали. «Мушем, где же ты!? Ты так нужен своей хозяйке! А туа тэ...» — но Алексей не успел закончить фразу, как на поле боя появились три огромных белых волка. Они смело вступили в неравный бой, бросившись на помощь Сэтуэлу и Фатуэле. Один из них был пронзён огненной стрелой в тот момент, когда прыгнул на молодого шамана. Раненый зверь придавил его своим могучим телом и из последних сил разорвал ему горло. Потом издал предсмертный стон и умер вместе с поверженным врагом. Два других зверя бросались на противников. Шаманы откидывали их движением рук, бросали в них огненные шары, но они вставали и, окровавленные, опалённые огнём, снова бросались в бой. «Откуда здесь защитники? Ведь я не звала их!?» — Татьяна, успевая отражать атаки летящих в неё копий, быстро оглянулась по сторонам.

— Ксей! Какого чёрта!? Ты почему не переместился?

— Тата, слева!! — Крикнул Барс. Она тут же подняла левую руку и копьё, летящее в неё, упало на землю.

— За дольмен, быстро! — Она бросила пылающий взгляд на него. — Ты погубишь нас!

Алексей замер: не было никакой любящей и нежной Татки. Перед ним стояла грозная шаманка Фатуэла с тяжёлым взглядом горящих глаз. Да, с такой не поспоришь! Он послушно отступил к дольмену, понимая, что если она будет думать о его безопасности во время битвы, то может потерять бдительность и погибнуть. Шаманы, как и простые люди, смертны и этот факт нельзя было отрицать. Фатуэла услышала, как вскрикнул Сэтуэл. Той доли секунды, что она отвлеклась на Барса, было достаточно, что бы она пропустила удар и не успела прийти на помощь шаману, который сдерживал натиск шести сильных магов. «Внака! — Зазвучал в голове голос прабабки. — Ты же не просто шаманка, ты — Стражница! Вспоминай заклятье полёта, обратись к Духу воздуха!» Как только голос пропал, Фатуэла вскинула руки, развела их в стороны, словно пытаясь обхватить всех шаманов разом и, громко крикнув, «Эда ло тэуэ!» начала произносить заклятье шёпотом. В это время руки её поднимались вверх, а вслед за ними в высоту взлетели два шамана. Они взлетали выше и выше, и шаманка Фэшгупали, отвернувшись от поля битвы, пыталась вернуть их на землю. Два других замерли на месте от удивления. Никогда они не встречали такой магии, которая могла поднимать людей в воздух. Даже Фэтуш на долю секунды замешкался, глядя, как его товарищи парили на уровне верхушек деревьев. Это была непростительная ошибка врагов: той самой доли секунды хватило на то, что бы два волка бросились на растерявшихся магов, а Фатуэла воспользовалась их замешательством и с силой резко опустила руки ладонями вниз. С криком ужаса два шамана упали с огромной высоты и остались недвижимы. Раненым зверем взвыла Чёрная шаманка и яростно бросилась на Фатуэлу, но та уже успела набросить защитный кокон на себя и Сэтуэла. Фэтуш, взбешённый тем, что Фатуэла обладает незнакомой ему магией и такой силой, решил подбежать к ней, разбить защиту, а дальше без всякого колдовства повалить её на землю и уничтожить физически, просто задушить. Чёрная

шаманка помогала ему пробить кокон огненными стрелами и, в тот момент, когда маг подбежал к Фатуэле — защитный кокон рухнул. Фэтуш с ненавистью набросился на молодую женщину, шипя ей проклятья в лицо. Фатуэла и не думала сдаваться: ловко увёртываясь от ударов шамана, она стала произносить заклятье, но маг, изловчившись, со всей силы ударил её кулаком в подбородок. «Нокдаун» — всплыло в голове знакомое слово. Она пошатнулась и упала на землю. Сэтуэл вскинул руки, но тут же огненный шар опалил ему их, и одежда на нём вспыхнула. Фэтуш опустился на колени рядом с упавшей Фатуэлой, и уже схватил её за горло, как вдруг над его ухом раздался гневный окрик:

— С женщиной справился, да!? — Это были последние слова, которые Фэтуш услышал в своей жизни. Маг ощутил, как его голову сжали стальные тиски, раздался хруст шейных позвонков и Главный шаман — сильнейший маг Фэшгупали — свлился замертво на землю.

— Вот так как-то, — выдохнул Ксей и тут же склонился над своей любимой.

— Тата, ты как, девочка моя? — Он слегка ударил её по щеке, приводя в чувство. Она открыла глаза.

— Ну, ты как, солнце?

— Алёша!? Ты почему здесь?

— А ты думала, я за дольменом буду отсиживаться, пока тебя убивают? Запомни: я никому не позволю тебя убить, всегда буду защищать, даже ценой собственной жизни.

Говоря это, он помог ей подняться и вдруг почувствовал опасность. Ему хорошо было знакомо это ощущение — холод тонким ручейком побежал вниз, по позвоночнику. Алексей и сам бы не смог объяснить, почему он поменялся с Таткой местами, загородив её собой от дольмена. В тоже мгновение он непроизвольно вскрикнул от обжигающей боли под правой лопаткой и, посмотрев на свою грудь, увидел остриё стрелы, которая поразила его в спину и вышла насквозь. В глазах потемнело, силы стали покидать его, и он начал медленно оседать на землю. Сэтуэл бросился к ним, и помог Татьяне бережно положить на землю теряющего силы мужчину. Алексей посмотрел на него из-под опущенных ресниц и прошептал:

— Береги её, шаман... Не дай... убить... Защити...

Таня боковым зрением уловила, как за дольменом мелькнула тень. Скорее всего, это и был убийца Барса. Положив голову своего любимого себе на колени, она мысленно обратилась за помощью к защитнику, и тут же Мушэм бросился за тем, кто скрывался за дольменом. Тата стала водить рукой над раной, но ладони не отзывались, оставаясь холодными. Перед ней встало лицо бабы Весты: «Нет, внака, не ты. В таких сложных случаях нужен целитель, а ты воин». Чёрная шаманка, связанная заклятьем Сэтуэла, злобно хохотала, выкрикивая проклятья в их сторону. Вдруг поляна наполнилась людьми, разными по возрасту и одеянию. К Фатуэле подбежал Лекбуш:

— Девочка, всё в порядке?

— Нет! Нет! Ничего не в порядке! — Прокричала она, давась слезами. — Кто-то убил Ксея!

Лекбуш повернулся к стоящим в стороне людям:

— Натушан! Без твоей помощи не обойтись!

К нему на зов поспешил очень худенький, невысокого роста мужчина, которого издали можно было принять за подростка, и вместе с ним два крепко сложенных молодых человека.

— Можно мне без церемоний...

— Что? — Всхлипнула Фатуэла.

— Говорю, руку Вам, Всесильная, можно потом поцелую... как-нибудь в другой раз... потом... А сейчас позвольте мне с раненым разобраться. Пока бьётся сердце, есть надежда... Куда можно с ним переместиться, что б никто не мешал спасенью? — Это он уже у Лекбуша спросил.

— В мой дом.

— Катущэт, придержи его, а ты, — он обратился ко второму мужчине, — мёртвую и живую воду, настойки, масла и порошки к Лекбушу в избу! Быстро!

И тут же все вместе с Ксеем исчезли, словно их и не было.

— Кто это?

— Наш шаман-целитель. Ты же знаешь, мы не лекари. У нас другие задачи.

— Ты хочешь сказать, что действительно есть надежда?..

— Я просто уверен. А теперь, девочка, соберись с силами. Вам с Сэтуэлом придётся предстать перед Большим Советом. Ведь мы так и не знаем, что произошло, — сказал Лекбуш, обводя взглядом поле сражения. — Вижу только, что вы управились и без нас.

— К чёрту Большой Совет! — Фатуэла вскочила на ноги, не обращая внимания на боль от ожогов и ран. — Надо найти того, кто стрелял. Сэтуэл, ты со мной?

— Конечно. Лекбуш, — повернулся он к старому шаману, — хотели убить Фатуэлу, но Ксей закрыл её собой. Мушэм преследует нападавшего. Нам надо задержать убийцу.

Лекбуш отступил в сторону, давая понять, что не будет препятствовать им. Фатуэла прислушалась и, уловив зов защитника, кинулась в сторону леса за дольменом. Молодой шаман последовал за ней.

Среди густого ельника мелькнула белая тень.

— Вон они! — Фатуэла прибавила шаг. Она раздвинула ветки и увидела, что волк держит за горло... Безолу.

Когда Безола уже стояла на ногах, связанная заклятьем, Фатуэла спросила:

— За что ты хотела меня убить? Чем я обидела тебя?

— Ты недостойна Ксея! — Злобно прошипела юная шаманка. — Он должен был быть моим. Один раз ты уже помешала нам. Если бы он только испытал мою любовь, то сразу же отказался бы от тебя. Я любила бы его жарче и слаще, чем ты!

— Опять жарче и слаще! — Покачала головой Таня. — И тебя не смущает, что ты убила своего возлюбленного? — В горле у неё встал комок, как только она вспомнила посиневшие губы на бледном лице Алексея.

— Я не виновата, что он оказался настолько глуп, что закрыл тебя своим телом. Это ты, а не я виновница его смерти.

— Ничего не напоминает? — Таня посмотрела с усмешкой на Сэтуэла. — Как под копирку, да?

С этими словами она стала водить руками над головой, вдоль шеи и лица Безолы, как тогда у Сэтуэла. И, как тогда, на её ладонях снова появились мохнатые чёрные горошинки. Таня подкидывала и сжигала их в воздухе. Сэтуэл тоже попробовал снять лазутчиков с шаманки, но у него ничего не получилось.

— Это какой-то фокус? — Шаман подозрительно уставился на Таню. — Ты обманывала меня?

— Нет. Простому шаману это не под силу.

— А тебе?

— Мне — под силу. Я не просто шаманка, Сэтуэл, я — Стражница.

Сэтуэл припомнил битву, и сразу всё встало на свои места. Действительно, то, что делала Фатуэла, было невозможно для простого шамана. Тогда, в пылу сражения, ему некогда было об этом задумываться, но сейчас он осознал, что многое из того, что делала она, было не под силу даже Фэтушу.

— Так когда ты встречалась с Фэтушем? — Обратилась она к Безоле, снимая с неё заклятье обездвиженности.

Безола беззвучно шевелила губами. Она была в шоке после того, как с неё сняли морок шамана Фэшгупали, и она осознала до конца всё то, что произошло. Она подняла глаза, полные слёз, на стоящих рядом с ней, и с ужасом прошептала:

— Неужели я убила Ксея? — Слёзы катились из её глаз. — Нет, нет! Этого не может быть! Да, я хотела его соблазнить при помощи морока, но убить... Я любила его, любила! Я не хотела смерти ни тебе, ни ему! Поверь мне!..

— Я знаю. Только скажи, как давно ты встречалась с Фэтушем?

— Я никогда не встречалась с ним.

— Тогда, может, ты припомнишь что-нибудь необычное за последнее время?

— За какое именно время?

— Ну, может, за день-два до нашего появления, а, может, и уже тогда, когда мы появились в Славтушэни.

— Вроде, ничего необычного... Хотя... Когда мы собирали грибы, и ты вдруг куда-то внезапно побежала, ко мне подошёл Лекбуш. Это меня очень удивило. Ведь он никогда не приходил ко мне или к своим ученицам сам. Если я или кто-то из нас был ему нужен, то он звал, и я... мы сами являлась на зов. К тому же, он предупредил, что будет в Святилище. Помню только, что он выказал сожаление о том, что ты отказала Сэтуэлу в любви из-за Ксея, и что любви Ксея заслуживаю я, а не ты. А дальше... не помню, — она беспомощно развела руками, переводя растерянный взгляд с Сэтуэла на Таню.

— Даааа, Фэтуш был силён в мороках! Да, и, вообще, был очень сильный шаман.

— Причём здесь Фэтуш?

— Вы, что, не поняли? Это же он принял обличие Лекбуша. Решил подстраховаться на тот случай, если ты, Сэтуэл, не сможешь убить Ксея. Неизвестно, смогла бы я его победить, если бы Ксей не убил его.

— Что теперь будет со мной?

— Не знаю, — Тата пожала плечами. — Это Совет решит. Нам надо вернуться на поляну, Сэтуэл. Нас там ждут. Правда, не мешало бы передохнуть...

— Мы выпьем укрепляющей настойки и, как говорят в вашем мире «Словно заново родимся». Ну, и попросим несколько минут, что бы привести себя в порядок, а то выглядим, словно люди, тушившие пожар. — Он провёл рукой по опалённым волосам и дотронулся до обгоревшего платья Фатуэлы.

Стоя перед Большим Советом, Фатуэла яро защищала Сэтуэла. Она припомнила все его заслуги, припомнила душевную боль после потери близких ему людей и произнесла речь, типа: «Кто безгрешен, пусть первый кинет в меня камень». Её пламенные слова произвели впечатление на Совет, особенно то место, в котором она описывала его бесстрашное и самоотверженное поведение во время боя. Она убедила Совет в том, что любой маг мог в горе не заметить воздействия и пропустить морок, тем более что все присутствующие прекрасно знали, насколько был силен Фэтуш. И шаманы Славтушэни сдались: Сэтуэлу оставили его силу и не стали применять к нему никакого наказания. Безолу она тоже защищала, и главным аргументом защиты была молодость шаманки. Но того пыла, с которым она защищала Сэтуэла, не было. Шаман оказался под воздействием Фэтуша, будучи в горе, а Безола, ещё до воздействия, применила морок к чужому мужу. И если за Сэтуэла она просила, то судьбу шаманки полностью отдала на решение Совета, напомнив, что Безолу уже однажды наказывал Лекбуш.

Прежде, чем приступить к следующему, не менее важному вопросу, а именно о дальнейшей судьбе Фэштупали — ведь Славтушень вышла победительницей из этой битвы — Фатуэла попросила перерыв для того, что бы навестить Ксея. Да, она знала, что предстоит долгая и трудная встреча со Старейшинами побеждённого мира, да, она была шаманка, да, она была Стражница, но первоначально — она была любящей женщиной и жизнь любимого волновала её гораздо больше, чем все миры, вместе взятые.

— Чем я могу отблагодарить тебя? — Опускаясь перед ней на колени и целуя ей руку, спросил Сэтуэл, как только они покинули Большой Совет.

— Убеди Совет, что б меня избавили от принятия любых решений, связанных с дальнейшей судьбой Фэштупали. Я человек своего мира, и вряд ли мои советы могут быть полезны вашему. Призови на свою сторону Лекбуша. С ним я тоже поговорю. Я хочу быть рядом с Ксеем, а не решать судьбы миров. И приведи главный аргумент: как только он поправится, мы вернёмся домой.

— Ты не хочешь остаться в Славтушэни?

— Нет. Я, видимо, и появилась тут только для того, что б всё уладилось между Фэштупалью и Славтушэню. Я очень рада, что помогла своему роду, мне нравится тут, но жить я хочу в своём мире. А сейчас, пожалуйста, навестим Лекбуша. Я хочу знать, что с моим мужем.

Алексей лежал на широкой кровати такой же белый, как и простыни. Тата подошла к нему, присела на кровать, взяла за руку:

— Не смей, ты слышишь, Алёшка, не смей бросать меня! Как я буду жить без тебя, как!? Опять не жить, а мучаться? Я так не хочу... Если тебя не станет, зачем мне жить? — Не замечая, что по её лицу текут слёзы, она прижалась щекой к его щеке и стала шептать на ухо:

«Я не могу без тебя жить.

Мне и в дожди без тебя — сушь.

Мне и в жару без тебя — стыть...» — и вдруг слабый голос, почти шёпот в ответ:

«Мне и Москва без тебя — глушь».

Таня посмотрела на него и встретила с его взглядом.

— Алёша... Алёшенька... Слава Духам Земли и Неба! Ты живой... Живой... — она целовала его щёки, лоб, глаза, прижимала безвольную руку к своей щеке и снова целовала.

— Люблю... — одними губами сказал он и снова провалился в беспамятство.

— Всесильная, — Натушан дотронулся до её плеча, — должно ещё пройти время прежде, чем Ксей окончательно придёт в себя и встанет на ноги, но поверь, опасность для жизни уже миновала.

— Значит, он будет жить!? Ты смог? У тебя всё получилось!?

— На самом деле невозможного для нас мало... — целитель пожал плечами и скромно так скосил глаза в сторону.

— За какие-то три часа ты смог вернуть его к жизни! — Восхитилась Таня.

— Он был жив, просто я помог ему собраться с силами. Вот только...

— Что!?

— Стрела была отравлена. Яд попал в кровь. Интоксикация организма...

— Это опасно?

— Яд — это всегда опасно, Всесильная, но ведь мы не зря свой хлеб едим. Он молод и силен. Он хочет жить. Он справится.

— Сколько ему потребуется времени на восстановление?

— Думаю, не больше двух-трёх недель. Надо вывести яд из крови, почистить сосуды, почки, печень... Не волнуйся, он поправится. Можешь смело заниматься делами Славтушэни, пока я буду поить его отварами и настойками, и натирать его тело лечебными маслами. Как там говорят в вашем мире? Обратись к профессионалу, да? Так вот, ты к нему уже обратилась.

— Я не буду заниматься делами Славтушэни. Я буду сама ухаживать за своим мужем. Надо будет переместить его в наш дом. И я не отойду от него до тех пор, пока он не встанет на ноги.

— Но, Всесильная, — целуя ей руку, возразил Натушан, — за ним буду ухаживать я. Или ты не доверяешь мне?

— Я очень благодарна за ту честь, которую ты готов оказать мне, ухаживая за Ксеем, но в нашем мире жёны сами ухаживают за своими мужьями.

— Они не доверяют вашим лекарям?

— Доверяют, но лучше любого лекарства лечит любовь и забота близкого человека. Я ни в коем случае не хотела обидеть тебя недоверием, я просто хочу быть рядом с ним и быть ему нужной. А ещё я хочу, что бы он, открыв глаза, увидел меня...

Почти неделю Таня исполняла все указания Натушана. Первое время он приходил каждый день, что бы поддержать её и узнать, как себя чувствует его подопечный. Видя, как Фатуэла исполняет в точности все его рекомендации, он совершенно успокоился. Она не только растирала его маслами, омывала тело водой, но даже брила его. Алексей всё чаще приходил в себя. Раньше он почти сразу терял сознание снова, но последние дни взгляд его дольше обычного задерживался на Тане. Через некоторое время целитель разрешил поить его куриным бульоном.

— Ты можешь не поверить, но куриный бульон — это первое, что дают в нашем мире больному, — улыбнулась она, выставляя на видном месте баночки с приправами для бульона, которые принёс с собой целитель.

— Ну, почему не поверю — поверю. У нас ведь одни корни. Все мы братья-славяне.

— Почему он до сих пор не пришёл в себя окончательно? — Татьяна с волнением смотрела на Алексея. Он очень похудел. Правда, был уже не такой бледный, как раньше.

— Терпение, Всесильная, терпение. Как там у вас говорят? «Всё приходит во время...»

— ...для того, кто умеет ждать», — продолжила Таня, — а ещё говорят «Терпеливый получает всё».

— Вот и отлично. Помни об этом.

Алексей открыл глаза. За окном темно. Комната слабо освещалась голубыми и серенывыми шарами света. Те самые цвета, которые так любила Татка. «Что-то произошло... Что?..» Память услужливо стала подсказывать ему последние минуты перед тем, как в него вошла стрела. Как только он увидел решительное выражение на перекошенном злобой лице Фэтуша, то почему-то сразу понял его намерение. Если в магии Фатуэла превосходила его, то, как женщина, безусловно, была слабее. И вот это желание мага физически уничтожить Татку Алексей и прочёл в его глазах. Чёрная шаманка сдерживала Сэтуэла, не давая ему прийти на помощь Фатуэле. Фэтуш, приближаясь, закидывал защиту огненными стрелами, которые сначала отскакивали от кокона, а потом стали пролетать сквозь него, иногда опалая огнём Фатуэлу. Шаманы Фэштупали так были увлечены своей целью уничтожить шаманку Славтушэни, что не замечали ничего вокруг. Поэтому Алексею не составило большого труда выскочить из-за дольмена и поспешить на помощь любимой. Он помнил хруст шейных позвонков, помнил, как привёл в чувство Тату, помнил, как его пронзила стрела, и... темнота. «Выходит, местным шаманам удалось то, что не удалось бы даже самой скорой помощи в нашем мире». — Подумал Алексей. Он повернул голову и увидел спящую рядом с ним Тату. Протянул руку, дотронулся до её волос. Она тут же вскинула голову.

— Алёшенька... Слава всем Духам Славтушэни, ты пришёл в себя! — Она взяла его руку и прижала к губам

— И как долго я был не в себе?

— Почти две недели, милый.

— Ого! — Алексей даже на локте приподнялся. — А ты в это время что делала?

— Ухаживала за тобой, — она погладила его по щеке. — Что же я ещё могла делать?

— Ну, не знаю... Может, решала проблемы миров...

— Этим есть кому заняться и без меня. У нас и шаманы, и Старейшины. Миры без руководителей не останутся.

— Это ты спасла меня?

— Нет, милый. Я, к сожалению, не целитель. Спас тебя лекарь Натушан, а я только ухаживала за тобой, поила лекарствами, натирала маслами, которые он изготавливал. Он даже травы специальные для бульона принёс... Алёшенька... — Таня гладила его по щеке, по плечам, — милый мой... Как же я ждала, когда ты придёшь в себя окончательно...

Она целовала его, нежно касаясь губами груди, стараясь не задеть бордовый шрам. Алексей приподнял её и положил на себя. Он, как и Тата, был обнажённым. Прижал к себе, поймал губами её губы.

— Сладкая... Какая же ты сладкая, Татка... — со стоном выдохнул он. — Больному срочно требуется прививка любви...

— А больному после прививки плохо не станет?

— Больному плохо станет, если он не получит прививки от жадной сестры милосердия...

— Почему это жадной?

— Потому что одной маленькой прививочки пожалела...

— Алёшка, ты же ещё до конца не поправился!

— Вот заодно и проверим, поправился или нет...

Алексей встал уже на следующее утро. После завтрака они, первым делом, направились к Лукбушу. Шаман был дома. Пил свой любимый заварной кофе. Увидев гостей, он радостно встал им на встречу, и обнял сначала Фатуэлу, потом Ксея. И лишь после этого крикнул в сторону маленькой комнаты:

— Шатуся, скорее иди сюда. Посмотри, кто к нам пришёл!

Шатуся, увидев гостей, всплеснула руками и поспешила, так же, как и Лекбуш, обнять их. Алексей взял её пухлую ручку и поцеловал тыльную сторону ладони. Она о чём-то в смущении заговорила с Фатуэлой. Та, кивая ей в ответ, улыбнулась, погладила по плечу, и что-то сказала.

— Я сделал что-то не так?

— Просто, Алёшенька, в этом мире руку целуют только шаманкам. Ну, так принято. Вот она и смутилась. Думала, что ты перепутал и её тоже за шаманку принял. Я объяснила, что у нас это знак уважения к женщине любого статуса и возраста.

Шатуся заговорила, обращаясь сначала к Лекбушу, потом к Тане.

— Нас приглашают на обед. Шатуся спрашивает, хочешь такое же мясо, как при первой встрече?

Получив положительный ответ, Шатуся сварила гостям кофе и удалилась хлопотать по хозяйству. После кофе Таня с Алексеем решили прогуляться по деревне, пообещав через пару часов вернуться к обеду.

— Давай до реки догуляем, — предложил Алексей.

— Не устанешь?

— Нет, солнце. Я так долго лежал, что хочу двигаться. Тем более погода просто чудо! Солнце такое тёплое... У нас в это время уже прохладно и идут дожди.

Все, кто попадался им на встречу, радостно приветствовали не только Фатуэлу, но и Ксея. Известие о том, что спасая жизнь своей жены, он голыми руками убил сильного и опасного врага, сделали Ксея в Славтушэни героем. Около строящегося дома они остановились, что бы поздороваться с Шэтуолом. К ним вышел не только он, но и все, кто помогал в строительстве. Преклонив колена, мужчины поприветствовали шаманку, а потом уже стали здороваться с Ксеем. Шэтуол о чём-то быстро говорил с Таней, кивая в сторону её мужа. Таня качнула головой в знак согласия, отвечая ему и, раскланявшись с селянами, они пошли в сторону реки.

— Что он хотел?

— Алёшенька, к сожалению, портал откроется только через два месяца, поэтому мы вынуждены здесь находиться. Он просто спрашивал, сможешь ли ты, когда поправишься окончательно, обучать их борьбе. Помнишь, ты обещал при первом знакомстве?

— Послушай, — помолчав некоторое время, сказал Алексей, — раз у нас нет выбора, и мы всё равно задержимся здесь, давай я буду тренировать всех желающих, вплоть до детей и женщин. — Татка хмыкнула. — А почему нет!? — С энтузиазмом воскликнул он. — Я терпеть не могу бездельничать, а тут у меня появится что-то вроде спортивной школы. Свои ученики... Мы и соревнования можем устроить, и призы придумаем. Что скажешь?

— А я и не знала, что ты тщеславен! Своя спортивная школа... — засмеялась Таня.

— Ты что-то имеешь против? — Набычился Алексей.

— Надо же, ты не только тщеславный, но ещё и обидчивый! — Таня покачала головой. — Хватит дуться, Алёшка! Если честно, то идея прекрасная. Мне нравится! — Она прижалась к его груди.

К удивлению Алексея, в Славтушэни не было ничего связанного со спортом. Они гуляли и обсуждали, что нужно для того, что бы открыть пусть не школу, а хотя бы спортивный кружок. Обязательно помещение, маты. Ещё Алексей, будучи отличным боксёром, предложил сделать боксёрские груши и самые элементарные перчатки. Татьяна тут же предположила, как можно проще сшить маты и к кому за этим обратиться. В Славтушэни жизнь была организована очень чётко: швеи, ювелиры, скорняки, охотники, рыболовы... Каждый клан занимался своим делом. Каждый человек ещё с детства знал, что и как он должен делать, что б помогать своей семье. И это не считая того, что все селяне с удовольствием занимались своими огородами. Когда они пришли к Лекбушу на обед, и выдали свои идеи, он только покачал головой:

— Вот вы неугомонные люди с той стороны!

— Лекбуш, мы, правда, не привыкли без дела находиться. Ты только представь: почти два месяца ничего не делать! Это же смерти подобно для таких активных людей, как мы. А знаешь, как Ксей загорелся!? Он уже себе группы всех возрастов представил, кому, что будет показывать и кого чему учить. Скажи, такой вопрос на Совет Старейшин выносить надо?

— Нет, достаточно просто в известность поставить. Они же должны знать, для чего вам дом понадобится.

Тата выступила на Совете уже на следующий день, объяснив, что спорт — вещь не только нужная, но ещё и интересная, и нарисовала перспективы, как она выразилась «занятости и воспитания молодёжи и населения». Против спорта Совет не возражал, тем более, что в их обществе спортивных кружков никогда не было, а всё то новое, что помогало физическому развитию и укреплению здоровья — Тата смогла убедить их и в этом — Совет одобрял. Им выделили дом, и Тата с Алексеем принялись осуществлять задуманное. Она обратилась к портнихам и уже через четыре дня были изготовлены шесть матов и пять боксёрских груш. Так же были изготовлены боксёрские перчатки разных размеров по эскизам Алексея. Сам он при помощи молодых людей, которых рекомендовал Шэтуол, сделал два ринга. Через неделю спортивный клуб принял своих первых спортсменов. К середине октября половина мужского населения с удовольствием занималась боксом и рукопашным боем. За это время Алексей стал неплохо общаться на языке Славтушэни, а многие его ученики старались объясняться на русском. Он отобрал самых перспективных мужчин и занимался с ними больше, чем с другими для того, что бы они потом смогли продолжить, как он сам говорил, тренерскую работу.

За те две недели, что Алексей пребывал в беспамятстве, Фештупаль и Славтушэни объединились. Мир, находившийся под властью Фэтуша, с радостью принял предложение об объединении от своих миролюбивых соседей. По решению Большого Совета Старейшин Сэтуэл был назначен Главным шаманом Фэштупали, где он и жил теперь со своей молодой женой Вилесой. С ним вместе туда перебрались Безола и Мэнуола, а так же ещё два очень талантливых ученика Лекбуша Нэлот и Тазеф. Фатуэла, ознакомившись с подростковым поколением шаманов в Славтушэни, выделила трёх девушек и двух юношей наиболее перспективных для развития силы и увеличения знаний, и с удовольствием занималась с ними. Самым талантливым из них оказался четырнадцатилетний Эришэн. Ему она и уделяла

больше всего времени. Иногда, по просьбе Сэтуэла, навещала и к ним в Фэшгупаль, чтобы помочь в освоении малознакомых техник молодым шаманам. Но не только Тата была востребована в Фэшгупали. Молодые люди и зрелые мужчины, узнав о спортивных занятиях в Славтушэни, попросили Ксея тренировать их тоже. Поэтому они часто перемещались туда вместе.

Иринка очень боялась знакомства с Колиными родными. Ей казалось, что она им не понравится, а Коля, послушав их мнение, уйдёт от неё. Коля даже не догадывался о её страхах, но понимая Ирино волнение, предложил ей пригласить на дачу — именно там должно было состояться знакомство с родителями и сестрой — Леночку, с которой Ира сдружилась после похода. Но не только для поддержки Иринки он предложил ей позвать Лену. Дело в том, что Марат не раз спрашивал у Коли, общаются ли девушки. Такое настойчивое любопытство удивило его, и Марат был вынужден признаться, что неравнодушен к Лене, а телефон её попросить постеснялся. Про то, что на дачу приглашены Марат и Балу, Иринка не знала. Она попросила Лену поехать с ней и та с удовольствием согласилась. Во-первых, ей действительно нравилась Ирина, и она была рада за них с Колей, во-вторых, вот уже больше двух недель, с того самого момента, как они вернулись в Питер после экспедиции, Стас не звонил ей, и она была рада отвлечься от томительного ожидания его звонка. На самом деле, Коля предложил позвать Лену больше для того, что бы помочь другу решить свои сердечные дела. Коля был очень счастлив с Иришкой, и ему хотелось осчастливить весь мир. Они договорились, что заберут Леночку в пятницу вечером — благо, живут не далеко друг от друга. Марат и Балу должны были приехать в субботу утром.

Несмотря на то, что Николай с девушками приехали поздно вечером, их ждали все, даже его семилетняя племянница. Двор был красиво освещён невысокими фонариками, которые стояли вдоль дорожек по всему участку. Мама Николая вышла на крыльцо. Глядя на подходящих девушек, она пыталась понять, какая же из них покорила сердце её сына. Почему — то, выбор её остановился на коротко стриженной брюнетке. Она была хрупкой, изящной, как статуэтка, очень женственной и было в ней что-то неуловимо трогательное. Такую девушку хотелось защищать, оберегать, заботиться о ней — как раз то, что так нужно было Николаю. Они поднялись на крыльцо и, Коля, обняв именно эту девушку, сказал:

— Вот, мама, познакомься, это — Ирочка моя, — и поцеловал её в висок. — А это моя мама — Елена Николаевна. Привет, мамуля, — и он чмокнул в пухлую щёку невысокую полную женщину.

— Здравствуй, моя хорошая, — Елена Николаевна заиграла ямочками на щеках и обняла Иру. Потом повернулась к Леночке. — А Вы кто?

— Я Ваша тёзка и Ирина подруга. — Лене очень понравилась эта симпатичная женщина, от которой веяло добродушием. «Похоже, повезло Иринке с будущей свекровью», — мысленно порадовалась она.

В доме на просторной кухне их ждал накрытый стол. Высокий, статный мужчина поднялся им навстречу. Сходство с Колей было настолько очевидным, что сомневаться не приходилось — это его отец.

— Здравствуйте, милые девушки. Давайте знакомиться. Меня зовут Евгений Николаевич. А, Вы, наверно, и есть Ирина? — Протянул он руку Иришке.

— Да, — смутилась она. — А как Вы догадались?

— Элементарно, Ватсон! Коля держит за руку Вас, а не другую девушку.

— Давайте, гости дорогие, присаживайтесь, — Елена Николаевна сделала приглашающий жест рукой к столу, — я тут пару салатиков приготовила. Голодные, наверно, после работы?

— А меня Настя зовут, — сказала Колина племяшка.

— Какое у тебя имя красивое, — улыбнулась Ира. — Можно, я с тобой рядом сяду?

— Садись, — кивнула девочка и постучала ладошкой по дивану рядом с собой. Потом посмотрела на Колю и поджала губки: — А гостинцы мне? Забыл?

Коля хлопнул себя ладонью по лбу:

— Представляешь, в машине оставил! Сейчас принесу... — и он направился к двери.

— Леночка, Вы присаживайтесь, не стесняйтесь. Можете вот сюда, к Ирине.

— Можно я тут, — Лена указала на стул, — с Иринкой, наверно, лучше Коле сесть.

В дом с пакетом вошёл Николай.

— Так. Во-первых, у нас для девочек шампанское и сок, для мальчиков коньяк за знакомство, — и он поставил на стол спиртное, пакеты с соком и лимонад; во-вторых, для моей любимой племяшки вот такая книга с картинками и конфеты.

— Ух, ты, здорово! — Настя взяла ярко оформленную книгу и показала Ире. — Ты не думай, я умею читать и знаю, что эта книга про фей и эльфов. Красиво, правда?

— Очень красивые картинки, — согласилась Ирина.

— А ты считаешь мне перед сном?

— Конечно. Мы даже можем читать по очереди, раз ты уже умеешь.

— А ты Колина невеста?

Иринка замешкалась.

— Да, Настюха, Иринка — моя невеста.

— А когда у вас детки будут?

— Настя! — Елена Николаевна покачала головой.

— А мне Коля обещал, что как только он женится, то у меня появится братик или сестричка. Что же получается, он меня обманул!?

— Нет, Настюша. Коля никогда не обманывает. Просто мы ещё не женаты.

— А почему?

— У тебя есть подруги? — Девочка кивнула.

— А ты их обманываешь?

— Нет! Обманывать не хорошо, — назидательно сказала Настя. — Так и мама, и бабушка, и Коля говорят.

— Правильно говорят. И я тоже не могу обмануть свою подругу. Помимо Лены у меня есть подруга Таня. Я обещала позвать её на нашу с Колей свадьбу. Она сейчас в отъезде. Я же не могу её обмануть и не пригласить на свадьбу, да? — Настя кивнула согласно. — Как только она вернётся, мы с твоим дядей сразу поженимся.

— А когда она вернётся?

— Ближе к Новому году.

— Ууу! Как долго ждать... — Протянула Настя.

— Ничего, время быстро пролетит, ты и не заметишь, — улыбнулся Коля.

— Ирочка, а кем Вы работаете? — Поинтересовалась Елена Николаевна, пока Коля открывал шампанское.

— Я парикмахер, — чуть смутившись, сказала Ирина. Она знала, что Колина мама и её сестра преподают французский язык в колледже.

— Вот только парикмахерши в нашей семье и не хватало, — с презрением на французском языке сказала Марина, — и где он только её откапал!?

— Чем Вам не угодили парикмахеры? Сожгли волосы химией или ужасно

подстригли? — На великолепном французском поинтересовалась Иринка. Произношение у неё было выше всех похвал. Марина покраснела, а Елена Николаевна испугано посмотрела на сына.

— Кстати, вам не говорили, что общаться на языке, который не понимают присутствующие, это мовитон? — Поинтересовалась Ира уже на русском.

Коля смотрел на свою любимую и не узнавал её. Куда делась робкая девушка? Перед ним сидела леди с прямой спиной и холодным взглядом, и ледяным тоном произносила слова.

— Что происходит!? Вы о чём?

— Всё в порядке, милый, — натянуто улыбнулась Ира, — просто твоя сестра хотела видеть рядом с тобой кандидата наук, наверное, или, в крайнем случае, учительницу, а тут парикмахер какой-то. Да, не повезло тебе... — Ира покачала головой и обратилась к девочке:

— Настенька, у тебя глазки слипаются, пойдём, моя хорошая, я почитаю тебе перед сном про эльфов. Лен, возьми бокал и лимонад, пойдём с нами.

— Конечно, — сразу же откликнулась Лена. Она понимала, что семейные разборки после высказывания Марины неизбежны, а присутствовать при них считала некорректным.

— Иришка...

— Всё в порядке, Коленька. Я почитаю сказку, а дальше будет видно. Показывай, Настя, где твоя комната.

Ирина встала из-за стола. Лена вместе с ней. В полной тишине девушки с ребёнком покинули кухню и поднялись на второй этаж. Именно там находилась Настина комната.

— Что ты сказала? — Таким тоном спросил Николай сестру, что ей стало не хорошо.

— Коль, ну я просто... Ну, высказалась, что она парикмахер...

— Значит так: или ты немедленно просишь у Иры прощение, или мы сейчас уезжаем. Эта девочка — сирота. За свою короткую жизнь она вытерпела столько, что тебе и не снилось! Я обещал ей, что она обретёт семью в лице моих родных, что ей будут рады и примут её как сестру и как дочь. И что получилось? Ты унизила её ни за что! Что толку в том, что ты — учитель с высшим образованием, если у тебя нет ни ума, ни такта.

— Сирота!? — Ахнула Елена Николаевна и прикрыла рот ладошкой.

— Маринка, ты, что себе позволяешь, чёрт возьми! — Евгений Николаевич стукнул кулаком по столу. — Твой брат, наконец, встретил женщину, которую полюбил, а ты что творишь!?

Коля встал из-за стола:

— Вобщем, я всё сказал, а ты думай.

С этими словами он отправился на второй этаж в комнату племянницы. Заглянув за дверь, Коля увидел лежащую на кровати Настю, которая держала Иру за руку и слушала сказку. Леночка смотрела в окно. Николай тихонько зашёл в комнату.

— Лен, почитай ты, пожалуйста, мне надо с Иринкой поговорить.

— Конечно, конечно, — Лена взяла книгу из Ириных рук и присела на кровать рядом с девочкой.

— Иришка, ну, что ты расстроилась, маленькая? — Коля обнял девушку, когда они вышли из детской и остановились на лестнице.

— Я не понравилась твоей сестре...

— С чего ты взяла, что не понравилась? Ну, сказала она глупость, с кем не бывает?

— Нет, Коля. Эта неприятная ситуация всегда будет стоять между мной и твоей семьёй... Я думаю, из-за неё мы не сможем быть с тобой вместе.

— Ириш, что ты говоришь такое! Я знаю, ты очень впечатлительная, но, поверь, эта не та ситуация, из-за которой мы должны расстаться. К тому же мне совершенно всё равно, кто и что думает. Я очень люблю тебя. Я своей жизни без тебя не представляю, маленькая...

— Я не хочу, что бы из-за меня ты ссорился со своей семьёй.

— А никто и не собирается ни с кем ссориться, поверте мне, Ирочка.

Ирина вздрогнула от неожиданности и прижалась к Коле. Занятые разговором, они не заметили, как к ним подошёл Евгений Николаевич.

— Дай мне с девушкой поговорить.

— Папа...

— Не обижу я твою красавицу, иди на кухню.

Из комнаты вышла Лена:

— Настя заснула.

— Вот и отлично. Коля, бери Лену и ступайте на кухню. Мы скоро спустимся.

— Ира, Вы не должны быть так категоричны в своих суждениях, — сказал Колин отец, как только они остались вдвоём. — Просто Наташа была Марининой подругой... Ну, и

Марина немного ревностно отнеслась к Вам.

— Кто такая Наташа?

— Коля Вам ничего не рассказывал? Странно... Наташа — жена Коли. Она погибла вместе с сыном... Их сбила машина. И вот уже восемь лет, как мой сын живёт один. На самом деле, мы все очень обрадовались, когда он сказал, что хочет познакомить нас со своей невестой. Извините, но я тут краем уха услышал, как вы говорили с ним про расставание... Пожалуйста, не принимайте поспешных решений. Если Вы его любите, то не торопитесь, прошу Вас.

— Его жена и сын погибли?.. Это ужасно... Как же он пережил?

— Очень тяжело. Поэтому, Ира, если Вы уйдёте, мне даже страшно представить, что будет с ним, да и с нашей семьёй. Он Марину точно никогда не простит, если Вас потеряет. Таким образом, Вы разрушите несколько жизней сразу. Уж Елена Николаевна точно с сердцем сляжет. Вы обещаете не торопиться?

Иринка кивнула.

— Тогда пойдёмте вниз...

— Только можно, я к столу не пойду? Вы, пожалуйста, Колю позовите.

Евгений Николаевич посмотрел на неё с волнением.

— Нет, не подумайте ничего... Я просто очень устала. Хочу лечь... Да и великий русский народ незря придумал поговорку «Утро вечера мудренее», — слабо улыбнулась Иринка.

— Хорошо. Пойдёмте, я покажу вашу с Колей комнату.

— Ирина в спальне, — сказал отец, заходя на кухню. Коля стремительно поднялся.

— Коль, а, можно, я тоже спать пойду? — Леночка поднялась из-за стола. Она неловко себя чувствовала в гнетущей тишине, которая образовалась за столом. — Ты покажешь мне комнату?

— Конечно, пошли.

— Ну, что, натворила делов? Радуйся! — Осуждающе посмотрел на дочь Евгений Николаевич, как только Коля и Лена вышли с кухни. Он налил себе стопку коньяка и выпил залпом.

Коля подошёл к сидящей на кровати Иринке. Присел перед ней на корточки. Обнял колени.

— Коленька, прости меня, — она тоже обняла его, и прижалась щекой к макушке.

— За что, маленькая!?! — Он посмотрел ей в глаза.

— За то, что чуть не натворила глупостей, чуть не поругалась с тобой. Я ведь... Я тоже не представляю своей жизни без тебя потому, что... люблю тебя... Очень люблю... — почти прошептала. До этого вечера она ни разу не говорила Коле о своей любви.

— Ирочка, маленькая моя... — Николай сел рядом с ней на кровать и обнял за плечи. — Как хорошо, что ты не расстраиваешься больше. И как я счастлив, что ты любишь меня. Как я счастлив...

Иринка проснулась, как обычно, рано. Коля ещё спал и она тихонько, что б его не разбудить встала с кровати и выскользнула из комнаты. Когда она вышла на кухню, то увидела Елену Николаевну, которая хлопотала у плиты.

— Доброе утро!

— Ирочка! Доброе. А что же ты встала в такую рань?

— Я всегда встаю рано. Что Вам помочь?

— Да, вроде, не надо ничего. Я вот сырники затеяла. Их все в нашей семье любят. А ты любишь?

— Я больше запеканку люблю, хотя и сырники ем с удовольствием... А давайте я напеку блинчиков с какой-нибудь начинкой.

— С какой?

— Ну, не знаю... Что у вас есть: фарш, грибы, может, варенье или сгущёнка?

— Точно! У меня же фарш есть, — Елена Николаевна решила дать Ире похозяйничать на кухне, что б хоть как-то сгладить вчерашний конфуз.

— Тогда я сейчас подготовлю начинку и разведу тесто. Елена Николаевна, — чуть смутившись, обратилась к женщине Ира, — а можно мне кофе? Я так люблю готовить и пить кофе...

— Ой, Ирочка, конечно. Сейчас кофемашину заправлю.

Колина мама поставила вариться кофе.

— Ира, а что случилось с твоим родителями? Коля сказал, что ты сирота, но ничего не объяснил. — Но, заметив, как переменялась девушка в лице, быстро добавила, — если не хочешь, то можешь не рассказывать.

— Два года назад умер отец от сердечного приступа, а потом... — Голос её дрогнул.

— Ирочка, Ирочка, не надо вспоминать, если так больно, — Елена Николаевна обняла её и погладила по плечу. — Ты прости, что я спросила. Я же не знала, что ты переживаешь до сих пор. Смотри, вот и кофе твой готов! Ты с молоком пьёшь или с лимоном?

— Лимон есть? Очень люблю с лимоном. — Иринка смахнула слезу.

— Что случилось!? Почему ты плачешь? — Коля вошёл в кухню и заметил покрасневшие глаза у своей девушки.

— Лук злой, — Ира кивнула на очищенную луковицу, которую приготовила для жарки. — Я хочу вас побаловать блинчиками с фаршем. Для этого нужно поджарить лук с морковью и отварить пару яиц, а что б мне веселей было готовить, твоя мама сварила для меня кофе.

— А мне моя мама сварит кофе? — Коля подошёл к матери, чмокнул её в щёку. — Доброе утро, мамуля.

Потом подошёл к Иришке, обнял её, поцеловал в шею:

— Доброе утро, маленькая. Ты так тихонько встала, что я и не услышал. Давно проснулась?

— Полчаса от силы.

Пока Ира готовила завтрак, проснулись Настя и Леночка. Елене Николаевне понравилось, как быстро и ловко Ира управляет на кухне. Блины она жарит сразу на двух сковородках. Лена вызвалась помочь начинять блины, Насте тоже было разрешено

участвовать в процессе готовки. Когда на кухню зашла Марина, то застала там полную идиллию: Настя, высунув язык от усердия, ложечкой накладывала начинку на блин, Лена заварачивала и укладывала блины на сковороду. На столе под салфеткой в большом блюде лежали сырники.

— Доброе утро! Я смотрю, вы так дружно управляетесь, что мне и заняться нечем.

— Как это нечем! Давай, на стол накрывай. Чашки, сметану, сгущёнку, — Елена Николаевна подала ей вазочку с конфетами, — на веранде накроем, относим...

В это время дверь на кухню резко распахнулась, и знакомый голос радостно пробасил:

— Незря ты, Марат, меня в такую рань поднял. Мы на завтрак успели... Ой, какие запахи!.. У меня аж желудок свело!

— Дядя Игорь приехал!! — Радостно взвизгнула Настя и бросилась к Балу на шею.

— Здравствуй, принцесса!

Он подхватил девочку на руки и закружил. Следом за ним на кухню зашёл Марат:

— Привет всей честной компании!

— Мальчики, какие вы молодцы, что приехали! Давайте на веранду, сейчас завтракать будем. — Захлопотала Елена Николаевна. — Настюша, — обратилась она к внучке, — беги, дедушку позови, он где-то в огороде.

Завтрак прошёл весело и шумно. Балу, как всегда, рассказывал разные истории, веселил всех анекдотами. Марина, улучив минутку, подошла к Ире:

— Ты прости меня за вчерашнее... Это я сдуру ляпнула... Виноват во всём мой снобизм... Мир?

— Мир, — Ира пожала ей протянутую руку.

— Откуда ты так отлично французский знаешь?

— Я ещё на трёх языках говорю и немного знаю испанский. Я за границей училась, потом тут, в России в универе на инязе.

— За границей?

— Да, отец мечтал из меня бизнесменшу сделать, а я вот в парикмахеры пошла...

— А кто твой отец?

— Он был бизнесменом, но я не вникала в его дела. Точнее, не успела вникнуть. Он умер два года назад.

— Значит, ты наследница. Неужели за два года не попыталась вникнуть?

— Там долгая история... Короче, всем владеет моя мама.

— Подожди... Коля сказал, что ты сирота.

— Да, это так. Мать вычеркнула меня из своей жизни после смерти отца, а я её — из своей. Мы с братом не поддерживаем с ней никаких отношений.

— Но ведь это не справедливо! — Возмутилась Марина.

— К сожалению, в жизни много несправедливости. Марин, ты извини, но мне неприятно об этом говорить...

— Это ты меня извини. Лезу, куда не надо. Не держи на меня зла, пожалуйста. Я, действительно, не хотела тебя обидеть...

— Да, ладно, нормально всё.

Они разговаривали и не замечали, как Николай внимательно наблюдает за ними. Увидев, что Иринка улыбается, и они мирно беседуют, он успокоился.

День выдался очень тёплый и после завтрака все, кроме родителей Николая и Марины, отправились прогуляться к озеру. Балу с Настей на плечах ушёл далеко вперёд. Он изображал лошадку, которая скачет галопом. Настя весело смеялась и покрикивала: " Но... Но моя лошадка!" Марина, уходя из дома, прихватила маленькую корзину и углубилась в лес в надежде найти грибы.

— Я рад тебя видеть, — Марат подошёл к Лене.

Она смущёно улыбнулась:

— Я тоже.

Они чуть приотстали от Иры и Николая.

— Ты ещё встречаешься со своим... другом?

— Почему тебя это так интересует?

— Потому, что ты мне очень нравишься, и я бы хотел встречаться с тобой... Ну, если, конечно, ты захочешь. Я не тороплю тебя с ответом, Лена. И настаивать ни на чём не буду, но завтра я уже хочу знать о твоём решении.

— И что я должна решить? — Лена остановилась. Зло посмотрела Марату в глаза. — Спать с тобой или нет?

— Ух, ты, как всё запущено! — Марат покачал головой. И вдруг, шагнув к ней, обнял, прижал к себе крепко, — плохо тебе, да, Ленка?

И как-то это так трогательно прозвучало, совсем не обидно, а с любовью и заботой, что ли, что вся злость куда-то испарилась, и Леночке стало неловко за её такой выпад. Она прижалась щекой к его груди:

— Теперь нет. Ты прости, что я на тебе сорвалась... Я так боялась, что не увижу тебя больше.

— А хотела?

— Хотела...

— И я очень хотел. — Марат отстранился, посмотрел ей в глаза и поцеловал. — Ну, вот и хорошо, — он погладил её по волосам, — давай ребят догонять, а то они нас потеряют.

И тут зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя. Марат, прочитав «Стас», сделал шаг в сторону, но Лена задержала его, взяв за руку. Она ответила, включив телефон на громкую связь.

— Привет, Ленчик! Соскучилась?

— Нет.

— Да, ладно, — хохотнул Стас. — Сердишься на меня, что давно не звонил? Так занят был. Сегодня я свободен, давай встретимся.

— Нет.

— Лен, ну, ты, что, обиделась?

— Нет. Просто мы с тобой больше не будем встречаться.

— Не говори глупости, — рассердился.

— Это не глупости. У меня другой мужчина, Стас. И поэтому мы с тобой расстаёмся.

— Какой мужчина!? Ну, что ты выдумываешь!? Это ты мне назло, да? — Стас продолжал говорить что-то ещё, но Лена отключила телефон.

— Марат, я плохо в технике разбираюсь... Сможешь этот номер занести в чёрный

список?

Марат кивнул, взял телефон, куда-то нажал и вернул Лене:

— Готово. Не пожалеешь?

— А это от тебя будет зависеть...

— Тогда точно не пожалеешь, обещаю.

С этими словами он вновь привлек к себе Лену и поцеловал в губы.

— Почему ты так долго не появлялся?

— Хотел понять, что ты для меня значишь — просто мимолётное увлечение или глубокое, серьёзное чувство. К тому же, тебе самой надо было время, что бы разобраться в себе. С прошлым всегда трудно расставаться...

Ирина оглянулась по сторонам.

— А где все? Где Марат и Лена?

— Не заблудятся, не волнуйся. Марат здесь каждую тропку знает. — Коля приобнял Иру за талию, увлекая за собой по дорожке. — Не знаешь, Марат ей нравится?

— Думаю, да. Она часто про него вспоминала.

— Ну, вот и хорошо. Надеюсь, им сегодня удастся всё выяснить и ещё один спасатель обретёт свою половинку. Какая же удачная у нас поездка получилась! — Коля поцеловал Иринку.

— Вот только Таня с Лёшей пропали...

— Не огорчайся, маленькая. Я склонен верить её маме, что с ними всё в порядке.

Коля не стал рассказывать Ире про другой мир. Решил, что когда Барс с Таткой вернуться, то всё расскажут сами... Если, конечно, захотят.

— А почему ты мне не сказал, что Марат приедет? Я бы Леночке не рассказала.

— Твои глаза сказали бы всё за тебя. И Лена сразу бы почувствовала, что всё не просто так. Ты же у меня такая искренняя... Маленькая моя, любимая... — Коля с нежностью стал целовать её в губы.

— Эй, эй, не в лесу! — Раздался весёлый голос Балугу. Они с Настей успели доскакать до озера и, не дождавшись никого, вернулись обратно. — Вот вас ни на минуту оставить нельзя! Кстати, а где Лена и Марат?

— Догадайся с трёх раз, — хохотнул Коля.

— Что, ещё одного истребителя подбили? Слушайте, возьмите уже меня в какое-нибудь путешествие, а!? Вы там счастье своё понаходили, только я один, как перст. Так не честно, ребята!

Когда всей компанией вернулись с прогулки, то их ждал не только обед, приготовленный Еленой Николаевной, но и протопленная баня.

После баньки все устроились на веранде. Настя принесла гитару и Коля с Маратом устроили, как они пошутили, бардовский вечер. Расходились ближе к полуночи.

Марат проводил Лену до её комнаты.

— Я зайду?

Она смутилась.

— Переживаешь, что о нас подумают?

— Да, как-то неудобно... Я ведь первый раз в этом доме...

— Если дело только в этом, — он обнял девушку, — то не переживай. Ну, так как? Можно?

— Заходи...

Как только дверь за ними закрылась, Лена сразу оказалась в объятиях Марата. Она и представить не могла, что этот сдержанный, серьёзный на вид молодой мужчина окажется таким страстным любовником. Едва они оказались в кровати, как Леночка была зацелована с головы до ног, в прямом смысле. Впервые в жизни она поняла, что такое жаркие поцелуи, от которых дрожит тело и прерывается дыхание. Эти поцелуи разжигали в ней ответную страсть, неведомую раньше. Волны жара окутали всё её тело, когда он раздвинул её бёдра и его губы коснулись возбуждённой плоти. Она с глухим стоном изогнулась ему навстречу.

Сладостные конвульсии охватили всё её тело, когда она достигла точки наивысшего наслаждения.

— Марат... иди ко мне...

Марат мгновенно оказался сверху, прижавшись к ней всем телом. Лена открыла глаза и встретила с его взглядом, полным любви.

— Леночка... Леночка моя...

Он мощным ударом вошёл в её влажную глубину. Она, подчинившись его ритму, обняла его за плечи, и они слились в одно целое...

Лена проснулась и посмотрела на спящего рядом мужчину. На какое-то время её охватил страх, а вдруг для него это окажется мимолётным увлечением? Она-то, похоже, влюбилась... Марат, словно почувствовав её взгляд, открыл глаза. Улыбнулся. Потянулся губами к её щеке.

— Доброе утро, любимая... Как спалось?

— Так сладко, как в детстве, — ответила Лена, мысленно вздохнув — страх оказался напрасным.

Однажды, когда Тата с Лекбушем были в Святилище, шаман, кивнув на её живот, спросил:

— Знаешь, да?

— Конечно, — ответила она, — ещё пару дней назад сомневалась, теперь знаю точно.

— А Ксею сказала?

— Нет ещё. Собираюсь.

— Так, может, останетесь?

— Нет, Лекбуш. Мы, всё-таки, люди нашего мира. В Славтушэни хорошо, но даже я не чувствую себя здесь дома, а Ксей тем более. Может, потом, через несколько десятков лет мы и будем рады перебраться сюда, но не сейчас.

По заведёному Лекбушем порядку, Тата и Алексей обедать приходили всегда к нему. Перед обедом Таня заходила за Алёшей в его спортивный клуб, и они вместе направлялись к шаману. Потом гуляли, потом расходились, как Тата шутила, по ученикам, потом она приходила домой — готовила ужин, и шла встречать Алексея после занятий. Магия ему была не подвластна абсолютно, и Татка встречала его с фанариками света, без которых вечером не обойтись.

Алексей заметил, что в последнее время его любимая была задумчива, слегка рассеяна и словно витала в облаках. Иногда он ловил её чуть грустный взгляд. Это всё очень волновало Барсова: вдруг шаманам и старейшинам удалось уговорить Тату и она хочет остаться в Славтушэни. Понятно, что без неё он не вернётся. Он просто не представлял своей жизни без этой женщины. Чем дольше они были вместе, тем сильнее он осознавал, насколько она дорога ему. Тата, наблюдая, с каким терпением и вниманием он занимается спортом с малышами, думала: «Если он к чужим детям относится с такой заботой, то уж своих малышей явно будет безумно любить». Алексей каждый день ждал, что Тата заговорит с ним о том, что хочет здесь остаться, но разговор на эту тему не поднимался ни разу. Когда до открытия портала оставалась всего неделя, произошло два случая, которые очень насторожили Алексея. Для начала, Таня переместилась в Фэштупаль на два дня с ночёвкой, чего раньше никогда не было. Потом был нарушен привычный распорядок — они ужинали не дома, а у Лекбуша. Шатуся суетилась больше обычного, бросая в сторону Ксея загадочные взгляды, а Лекбуш в сторону Фатуэлы вопросительные.

Уже дома, лёжа в кровати и обнимая Татку, Алексей не выдержал:

— Ничего не хочешь сказать?

— А должна?

— Да. Хочу, что бы ты мне объяснила, что происходит.

— Разве что-то происходит?

— Тата, не валяй дурака! Я же чувствую, что что-то не так...

— Ну, что может быть не так, милый? — Игриво сказала она, но от его взгляда не укрылось волнение, затаившееся в уголках её глаз.

— Тата!! — Взревел Барс, склоняясь над ней. — Чтобы не происходило, чтобы ты не задумала — я имею право это знать!

— Да, Алёша, конечно, ты имеешь право знать... Я сама до недавнего времени не знала точно, поэтому и не говорила ничего, а теперь уверена... Милый, у нас будет ребёнок.

— Ты... Ты беременна?.. — Таня кивнула. — Девочка моя... Сладкая... — он нежно коснулся губами живота Татки, потом прижался к нему щекой. — Счастье-то какое! Ты родишь мне дочку, такую же рыжеволосую и сероглазую, как ты! И у меня будет два солнышка.

— Алёша, что ты говоришь!? Никаких дочек! Только сын!

— Это почему? — Удивился Алексей.

— Потому, что я не позволю, что бы ты любил другую женщину! В твоей жизни может быть только одна любимая тобой — это я!

Алексей засмеялся:

— Никого и никогда не полюблю сильнее тебя, можешь не волноваться! Я чисто из эгоистических побуждений — хочу, что б рядом со мной было два солнышка! Ни у кого нет, а у меня есть! — Он прижал к себе Таню. — Люблю тебя... Больше жизни люблю... Ты в последнее время была такая задумчивая... Я боялся, ты подбираешь слова, что бы убедить меня остаться здесь.

— Ты же знаешь, что я хочу домой так же, как и ты.

— Твои, наверно, волнуются?

— Нет. Мама сразу поняла, что мы в Славтушэни, как только Юра рассказал ей о случившемся. Она прекрасно знает и про этот мир, и про порталы, открывающиеся в определённое время. Так, что они не переживают.

— Тата, а я смогу некоторое время пожить у тебя? Или нам лучше квартиру снять?

— Что значит «некоторое»?

— Ну, пока я решу вопрос с Юлей?

— То есть, до развода?

— Нет, до тех пор, пока она не освободит квартиру.

— Ты хочешь выставить её из вашей квартиры?

— Тат, зачем так грубо? Начнём с того, что это моя квартира. Она досталась мне от родителей. Потом, я не на улицу еёставляю. У них с мамой отличная трёшка на двоих. И даже если бы ей не куда было идти, то я лучше бы ей жильё купил, чем оставил своё родовое гнездо. Ведь там ещё мои дедушка и бабушка жили. Потом, я хочу сделать ремонт. Хочу, что б ты сама решила, какая будет кухня, что б ты выбрала, какая из комнат будет детская, что б обставила по своему вкусу нашу спальню.

— Знаешь, квартира, конечно, хорошо, но загородный дом для малыша лучше.

— Ты хочешь, что б мы дом снимали?

— Нет, Алёшка. Я хочу, что бы мы в моём доме жили. Ты забыл, что тебе досталась очень состоятельная жена? У меня квартира, у меня машина, у меня свой ресторан и свой дом. Правда, в доме я живу с родителями, а квартиры мы сдаём, но, поверь мне, с ними очень легко ужиться. К тому же, ты понимаешь, прапорщик против подполковника не потянет.

— Тата, мне кажется, пока малыш не родится, лучше жить в городе. Там и врачи рядом, и инфраструктура...

— Ладно, давай решим всё, когда вернёмся. Но квартиру точно снимать не будем. Для начала, у меня поживём за городом, а там видно будет, хорошо?

— Как скажешь, любимая, как скажешь... — Целуя её, шептал Алексей.

Оставшиеся три дня Таня в большей степени посвящала сборам домой, чем занятиям с учениками. Она прекрасно понимала, что в их мире в середине ноября уже зима, а они с Алексеем одеты по-летнему. В Славтушэни климат был очень мягкий, больше напоминал тот, что на Юге России, чем тот, что в Карелии. Она договорилась с Лекбушем и с его разрешения ей сшили норковую шубку, Алексею полушубок, изготовили для них зимнюю обувь и связали тёплую одежду. В подарок родным и друзьям она заказала несколько золотых изделий и модных меховых безрукавок. А ещё, по собственной инициативе, Лекбуш заказал ювелирам обручальные кольца для Фатуэлы с Ксеем. Они были украшены не только камнями, но и знаками шаманов Славтушэни. Таня с нетерпением ждала возвращения домой и старалась не замечать взгляды, полные надежд, которые бросали в её сторону шаманы и старейшины. То, что они с Ксеем вернуться в Россию даже не обсуждалось. Они должны были пройти через портал и оказаться в том месте, где их встречали жители Карелии, поддерживающие отношения со Слвтушэнью. Встречающие должны были помочь им добраться до Петрозаводска. А дальше на поезд и — в Питер! Провожали их не только все шаманы, но и селяне, и старейшины, и гости из Фэшгупали.

Миновав дождик из мыльных пузырьков, они вместе с несколькими селянами, среди которых была Фоза, оказались на поляне, где в августе встретили сбежавших заключённых. Лес утопал в снегу.

— Даже не верится, что мы дома, — Таня прижалась к Алёше.

— Пока ещё не совсем дома, но уже у нас, — он поцеловал её в щёку.

По проторенной тропинке они пошли вдоль реки и через некоторое время подошли к мосту, возле которого их ждала маршрутка. Когда они здоровались с водителем он, внимательно присмотревшись к Алексею, сказал:

— А я Вас знаю. Ваше фото у нас висит. «Ушёл в лес и не вернулся». Значит, в Славтушэни побывали?

— Побывали, — улыбнулся Алексей.

— И как?

— В гостях хорошо, а дома лучше.

— Надо же, вам память оставили, — удивился мужчина, — за своих приняли, значит.

— А мы и есть свои. — Улыбнулась Таня и добавила несколько слов на языке той стороны.

— Ух, ты! Правнучка самой Весты! — Восхитился водитель, который сам был с той стороны, но женился на женщине из Карелии и перебрался в другой мир.

— Что значит, память оставили? — Шепнул Алексей на ухо Татке.

— Обычно тем, кто побывает в Славтушэни, стирают воспоминания о той стороне. Человек всё помнит: и имя своё, и семью, всё, что в нашем мире происходит, навыки и жизненный опыт — всё при нём, а где пропал — сказать не может. Не помнит.

— Зачем?

— Пока та сторона скрыта от нашего мира, там покой и порядок. Сам знаешь, что все люди разные. Представь на минуту, что было бы, если б туда попали наши зеки.

— А разве их не смогли бы усмирить?

— Смогли бы, но ведь и кровь могла пролиться... Поэтому, Славтушэнь охраняют, как заповедник и шаманы, и старейшины.

Глава 12 часть 1

Первым делом, Алексей предложил заехать к Николаю, ведь свою машину он оставил у его дома. Потом хотел заехать домой, что бы сказать Юле о разводе, и уже потом к Таниным родителям.

— Послушай, но ведь вы так давно не виделись с другом. Вряд ли у тебя получится до Юли доехать.

— Получится, можешь не сомневаться. Просто я очень хочу как можно быстрее всё с ней решить. Для меня это важно. А для тебя? Разве для тебя не важно?

— Алёшенька, ну, конечно, для меня это важно. Я же не отговариваю тебя от визита к ней. Просто предлагаю перенести на завтра.

— Давай до Коли доедем, а там видно будет.

Когда промозглым ноябрьским вечером в доме Коли и Иры раздался звонок в дверь, они были на кухне. Ира готовила ужин, а Коля смотрел новости. С удивлением они переглянулись.

— К нам кто-то должен прийти?

— Вроде нет, — Коля пожал плечами и встал с диванчика. Звонок повторился. Что-то давно забытое почудилось ему в этом звонке. Он почувствовал непонятную дрожь в коленях. Стало трудно дышать. Ну, точно — так звонил только один человек. Коля бросился к дверям. Ира слышала, как он открыл дверь и дальше... тишина...

— Коленька, кто там? — Крикнула она из кухни. Опять тишина. Ира поспешила в коридор и, увидев происходящее, с радостным криком бросилась на шею Тане. Коля стоял в обнимку с Барсом.

— Ребята, вы нашлись! Вы вернулись... — по щекам Иринки текли слёзы радости. Она целовала то Таню, то Алексея.

Таня, целуя и обнимая её, радовалась:

— Значит, вы вместе!? Как здорово, что вы вместе...

— Как здорово, что, наконец, мы ВСЕ вместе! — Чуть хриловатым от волнения голосом проговорил Кэп. — Давайте, проходите на кухню. Иринка ужин готовит.

Алексей помог Тане раздеться, скинул свой полушубок.

— Ребята, у нас тут подарки для вас, — он приподнял довольно объёмный рюкзак.

Они прошли на кухню. Мужчины сели за стол и принялись делиться всем, что происходило с ними, пока они были в разных мирах. Иришка хлопотала у плиты, Таня ей помогала.

— А ты знаешь, что у вас будет малыш? — Таня внимательно посмотрела на Иру.

— Да? А я всё думаю, почему мне постоянно спать хочется?... Думаешь, из-за этого?

— Многие женщины засыпают буквально на ходу в первые месяцы. Неужели ты не догадывалась?

— Нет. Меня не тошнило. Я не поправилась. Чувствовала себя всё это время прекрасно. — Ирина посмотрела на сидящих за столом друзей. — Как думаешь, Коля обрадуется?

— Думаю, очень, — вспоминая радость Алёши при известии о её беременности, сказала Таня. — Иришка, я так за тебя рада! — Таня обняла девушку. — А когда вы собирались пожениться?

— Мы ждали, когда вы вернётесь. Я ведь обещала тебя на свадьбу позвать, а Коленька хотел, что б Барс был свидетелем.

— У вас всё хорошо?

— У нас просто замечательно. Знаешь, мне иногда кажется, что я сплю и вижу восхитительный сон... Танечка, я так тебе благодарна! — Ирина, как тогда, в походе, тоже обняла Таню и прижалась щекой к груди.

— Мне-то за что, Иринка?

— За то, что так тепло отнеслась ко мне.

Коля в нескольких словах рассказал Барсу о визите к Таниным родителям и поинтересовался, правда ли, что они попали в другой мир.

— Знаешь, Коля, я расскажу тебе обо всём чуть позже. Сейчас у меня очень важное дело. Мне надо съездить...

— Это какое же у тебя важное дело, если ты только что вернулся!? У тебя только одно дело — с друзьями пообщаться. Я сейчас парням позвоню.

Алексей остановил его, сказав другу, что хочет прямо сейчас поехать домой и всё обсудить с Юлей. Коля тут же решил поехать вместе с ним.

— Я подниматься не буду. Я в машине тебя подожду, — сказал он.

— Для моральной поддержки, что ли? — Пошутил Алексей.

— Если честно, то я ужасно соскучился и чертовски рад тебя видеть! И буду тут без тебя, как на иголках сидеть...

— Конечно, поехали, — Барс с благодарностью сжал локоть друга.

— Тата, мы сейчас быстро съездим с Кэпом... — вставая из-за стола, обратился он к любимой.

— Ты точно хочешь сейчас? Может, завтра? Вы так давно не виделись...

— Татка, ну мы же это уже обсуждали. Не хочу откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Да и Коля меня поддержал. — Он подошёл к ней, обнял, поцеловал в шею и шепнул. — Мы быстро... Ты соскучиться не успеешь.

— Коленька, но ведь ребята голодные и уставшие... Да, и поздно уже. Куда вы, на ночь глядя?

Коля тоже обнял Ирину и поцеловал в висок:

— Ещё не так поздно, всего десять вечера. Маленькая, не волнуйся, мы через час уже будем дома. А вы с Таней тут посплетничаете пока. И приготовьте вкусностей побольше — я позвоню Марату и Балу. Хорошо, что мы завтра выходные с тобой, да? — И он снова поцеловал её.

— Куда они, ты знаешь? — Спросила Ира, как только за мужчинами закрылась дверь.

— Да. Алёша хочет именно сегодня сказать жене о разводе и дать ей время съехать с квартиры.

— А ей есть куда?

— У них с мамой трёшка где-то на Ваське.

— Что же вы так долго не возвращались? Действительно заблудились?

Таня кивнула.

— Мы у твоих родителей были, и Людмила Петровна сказала, что вы в какую-то деревню попали, это правда?

— Чистая правда, Иришка. И вернуться из этой деревни мы могли только в

определённое время.

— Ты расскажешь?

— Конечно. Пока будем готовить.

Алексей вошёл в свою квартиру. Включил свет в прихожей.

— Юля, ты дома? — Крикнул он в сторону кухни, и только тогда заметил мужскую одежду на вешалке. Пока он с удивлением смотрел на незнакомые мужские ботинки, из кухни вместо Юли вышел крепко сбитый короткостриженный молодой мужчина. Одет он был в спортивные брюки и облегающую футболку, которая подчёркивала его развитую мускулатуру.

— Эй, мужик, ты кто?

Поигрывая бицепсами, крепыш пошёл на незванного гостя.

— Я-то муж. А вот ты кто, таинственный незнакомец?

— Как — муж? — Мужчина замер и с удивлением уставился на Алексея. — Так ты жив!? Ты не погиб при исполнении?

— Это, что, получается, Юлька меня похоронила? — Хохотнул Алексей. Кэп рассказал ему про Юлину реакцию на его исчезновение.

В коридор из дальней комнаты вышла Юля в лёгком домашнем халатике.

— Никита, сколько можно тебя... — И замерла, не договорив. — Барсов? — С нескрываемым удивлением она уставилась на мужа. — Ты живой?

— Конечно. С чего бы это мне помереть? Тебе же Коля сказал, что я пропал при поимке опасных преступников.

— Я ему не поверила. Я решила, что он жалеет меня и скрывает правду...

— Юль, ну, что ты ерунду говоришь! Ты же потом к Майскому ходила. Он тебе всё подтвердил. Ладно. Сейчас не об этом. Значит, Никита? Очень хорошо. Будет кому тебя утешить, если ты вдруг расстроишься. Хотя... Расстроишься ты вряд ли... Слушай, парень, слейся куда-нибудь минут на пять. Я хочу с женой поговорить.

— А, ты, это... Руки распускать не будешь? — Никита с тревогой посмотрел на атлетически сложенного хозяина дома.

— Ну, ты, что, Никита! Офицер женщину не обидет.

— Я тогда в кухне побуду, — и мужчина оставил супругов наедине.

— Лёша, что ты загадками говоришь? Почему меня надо утешать и из-за чего я должна расстроиться?

— Никаких загадок, Юля. Мы разводимся.

— Из-за этого, что ли? — Она кивнула в сторону кухни.

— Нет, Юль. Не из-за этого. Хотя, согласишься, это тоже может послужить причиной развода. Ты не раз говорила мне, что я тебя не понимаю, что тебе со мной не интересно, что я скучный и занудный брюзга. И я решил не портить тебе жизнь. К тому же несправедливо продолжать нам жить вместе, если это не устраивает нас обоих. Тем более, не только в твоей жизни произошли изменения, — он кивнул в сторону ушедшего Никиты. — В моей жизни тоже.

— Что — тоже?

— Произошли изменения. Я люблю другую женщину, она любит меня, и мы хотим пожениться. Так что развод неизбежен.

— Ты готов выкинуть меня из своей жизни?

— Ну, ты же выкинула. Даже похоронила ещё живого. Вывод только один — мы

приняли влюблённость за любовь. И если мы смогли так быстро и легко найти замену друг другу, то это только подтверждает, что любви между нами нет. Тогда какой смысл в нашем браке? Юля, у тебя три дня, что бы собрать свои вещи и уехать к маме. Я думаю, времени для переезда достаточно. Завтра я подам на развод.

Он прошёл в кабинет. Открыл сервант. Достал папку с бумагами.

— Так, где же оно?.. А, вот...

Алексей вынул из папки свидетельство о браке.

— Наш развод — вопрос решённый, — сказал он стоящей рядом с ним Юле.

— Я, значит, перееду, а ты в нашу квартиру свою бабу приведёшь!? И вы тут заживёте счастливо!? А вот тебе! — И Юля показала Барсу кукиш.

— Фу, как вульгарно, Юлька. Давай начнём с того, что квартира эта моя и, что я приведу сюда любимую женщину, а не бабу, а закончим тем, что ты сейчас в моей квартире находишься с другим мужчиной. Это тебя не смущает?

— А нечего было пропадать! Я, что, одна должна была остаться, по-твоему!?

— Юль, чувство такое, что селикон просочился в твой мозг. Ты несёшь такой бред... Никита, — позвал Алексей.

Мужчина вышел.

— Никита, я надеюсь, у тебя с Юлей всё серьёзно?

— А что?

— Я с ней развожусь и попрошу тебя, если, конечно, не трудно, помочь ей освободить квартиру.

— Что значит — освободить? А её на улицу?

— Нет, её к маме. Она на Васильевском острове живёт. Квартира трёхкомнатная, так что тесно не будет, даже если ты туда переберёшься. Смотри, Никита, я на тебя рассчитываю. — Строгим голосом сказал Алексей и покинул квартиру.

— Как всё прошло? — Спросил его Коля.

— Отлично! У Юли уже есть милый друг, так что она не очень расстроена нашим разводом.

— Ты, что, его в квартире застал?

— Да, и, похоже, он там давно обитает. Кстати, Юльчик сказала ему, что я погиб, прикинь?

— Тётъ Шур, так он же тебя похоронил. — процитировал Коля фразу из фильма «Любовь и голуби».

— Инфаркт микарда. Вот такенный рубец! — Продолжил шутку друга Барс.

— Слушай, а тебя не задело?..

— Веришь — нет. Я даже обрадовался. Подумал, раз у неё другой, то против развода она возражать не станет. Юля для меня давно чужой человек. А, может, и сразу чужой была...

— И она, правда, не возражала?

— Попробовала, но как-то вяло. Я думаю, её больше задело то, что я другую женщину полюбил, а, может, и то, что меня полюбила другая. Юлька же всегда повторяла, что со мной никто, кроме неё не уживётся.

— Ты ей сказал про Таню?

— Конечно.

— А с ней как это время уживался?

— Скажи, ты думаешь о том, как ужиться со своей рукой или шеей, или сердцем,

например? Нет. Ты просто живёшь и знаешь, что всё это — часть тебя. Так вот Татка — часть меня.

— Здорово ты сказал! Я с Иринкой себя точно так же чувствую. Действительно своей половинкой ощущаю... Кстати, пока тебя не было, я позвонил ребятам, попросил приехать. Сказал, дело срочное, но про тебя и Таню ни гу-гу.

— Сюрприз решил сделать?

Коля кивнул:

— Очень хочется посмотреть на их физиономии, когда они увидят тебя.

Когда раздался звонок в дверь, Таня с Ирой переглянулись:

— Коля, что, ключ забыл?

— Иди, открывай, ты же здесь хозяйка, а я пока соус доделаю.

Иринка ушла, а Тата стала прислушиваться к тому, что происходит в коридоре.

Раздались мужские голоса. «Нет, это не наши мужчины вернулись. Наверно, это те самые Балун и Марат, про которых, уходя, говорил Коля», — подумала она и тоже вышла в коридор.

— Опааа! Какая красота! — Глядя на неё с восторгом, воскликнул коренастый крепыш. — Ира, это твоя подруга? Что ж ты такое чудо от меня прятала!?

— Это не она прятала, это Барс, — улыбнулась Таня. — Вы ведь Балун, правда?

— Танюшка!! — Из-за спины статного блондина выскочила Леночка, и стала обнимать Татьяну.

— Значит, самые красивые женщины Питера прошли мимо меня прямо в объятия моих друзей! — Печально констатировал Балун. Покачал головой тоже печально, но в глазах его бегали озорные искорки.

— Значит, Вы и есть «та самая Татьяна», которая покорила сердце нашего друга? — Блондин, из-за спины которого появилась Лена, смотрел на неё очень серьёзно и внимательно.

— Да. И, так же, «та самая Татьяна», чьё сердце покорила он.

— Олег. Сослуживцы меня называют Маратом, но на гражданке предпочитаю своё имя. — Блондин подал ей руку. — Очень рад знакомству.

— Ребята, раздевайтесь и проходите на кухню, — Ира достала из обувницы тапки.

— Я босиком, у тебя всегда чисто, — Леночка поправила перед зеркалом волосы.

— А у вас с Барсом всё серьёзно? — Наклонился к Тане Балун.

— А, Вы, с какой целью интересуетесь? Вы не из милиции, случайно?

— Я смотрю, Барс посадил Вас на свою привычку говорить фразами из мультяшек и кино.

— Нет, у меня у самой была такая привычка, можно сказать, с детства. Мы так с папой частенько пикировались.

В это время входные двери открылись и на пороге появились Кэп с Барсом. Марат и Балун с радостными восклицаниями бросились обнимать друга.

— Да, подождите, братцы, дайте хоть раздеться, — притворно ворчал Алексей, обнимая товарищей.

Когда все прошли на кухню, стол уже был накрыт. Барс уллучил минутку и подошёл к Тане.

— Татка, солнце, боюсь, мы слишком поздно к твоим родителям сегодня приедем.

— Алёша, давай, раз такое дело, ты сегодня с друзьями посидишь, а завтра, как проснёмся — сразу к моим. Ну, что ты себя рвать будешь и на часы смотреть? Мы уже здесь, Алёшенька. Да и с ребятами выпить, небось, за встречу хочется. Не виделись сколько!

— Спасибо, моя хорошая, спасибо...

— Только, знаешь, Алёша, не хочу я про своё шаманство рассказывать. Давай скажем, что просто попали в параллельный мир и до открытия портала там находились, а?

— Как скажешь, солнце. — Барс поцеловал любимую.

Друзья засиделись за полночь. Коля не скрывал своей радости ещё и потому, что завтра же они пойдут с Ирой подавать заявление в ЗАГС. Таня была рада не только за них, но и за Леночку, которая в этой экспедиции тоже обрела своё счастье. В большой квартире Кэпа места хватало всем, поэтому домой никто не поехал, все разместились у него.

Утром девушки встали рано и, пока готовили завтрак, посплетничали о своём, о женском. Таня рассказала, что она, как и Ира, ждёт ребёнка, а Леночка рассказала ей, как у них всё сложилось с Олегом.

После бурной ночи на даче Олег отвёз Лену домой, в её съёмную квартиру. Лена наливала им чай, когда дверь распахнулась, и раздался голос Стаса.

— Ленчик, я пришёл. Мы с тобой не договорили, а дозвониться до тебя я не могу, — входя на кухню, сказал он и замер, увидев Марата.

— Вот значит как!? И ты со спасателем! А я смотрю, Вы, молодой человек, время даром не теряете.

— Лена, иди в комнату. — Марат встал и шагнул навстречу незванному гостю. — Иди, иди. Нам поговорить надо.

Лена испугано посмотрела на Олега.

— Иди. Разговор будет мужской.

Он слегка подтолкнул её к дверям. Лена ушла. Она не слышала, о чём говорили мужчины. Только когда разговор зазвучал на повышенных тонах, она осторожно подошла к кухне.

— А ничего, что эту квартиру я ей снимаю!? А ты тут расположился! — В запале кричал Стас.

— Я не расположился. Я приехал помочь Лене собрать вещи. — Не повышая голоса, сказал Марат.

— Что значит — собрать вещи?

— Это значит только одно — она переезжает ко мне. Мы собираемся с ней пожениться, так что на квартиру тебе больше тратить не придётся.

— Надкусанные яблочки подбираешь, — зло прошипел Стас и тут же вскрикнул — Марат слегка двинул его в подбородок.

— Ах, ты!.. — Стас вытер рукой струйку крови, которая потекла из уголка губ.

— Ещё раз скажешь про неё гадость — зубы выставлю, — спокойно сказал Марат.

Стас встретился с холодным взглядом мужчины и невольно вздрогнул: такой убьёт и не заметит. Марат посмотрел за его плечо.

— Лена? Ты зачем пришла?

— Вы очень громко разговаривали и...

— Лена. Всё нормально. Стас уже уходит.

— А ты хорошо устроилась. Рад за тебя, — глядя на Леночку со злостью, сказал её бывший возлюбленный. — Собирай вещи, и чтоб сегодня же тебя здесь не было. И ключи оставь, когда будешь уходить.

Лена растеряно посмотрела на Олега.

— Собирайся. Поедем ко мне.

— Понимаешь, он поступил, как настоящий мужчина, — воспоминания взволновали Лену. — Мало того, что он не позволил меня оскорбить, так ещё и ответственность за меня взял, не задумываясь. А ведь мы с ним и знакомы были всего ничего.

— Если заметила, то они все поступают, как настоящие мужчины. И знаешь — почему? Потому, что они и есть настоящие, — улыбаясь, сказала Таня. — Даже на такого балагура, как Балю, можно смело положиться в трудную минуту. А квартиру, что — действительно он снимал?

— Нет, это была квартира его знакомого, и он мне сдавал её за символическую плату.

— Ну и что? Ты переехала к Олегу в тот же день?

— Да. Он помог мне всё собрать и отвёз меня к себе. Правда, за один раз мы всё не увезли. Пришлось ещё два раза приехать. Так моя жизнь полностью изменилась меньше, чем за сутки. А через неделю после моего переезда к нему Олег сделал мне предложение. — С этими словами Лена показала изящное колечко.

— Девчонки, вот я забывашка! У меня же для вас подарки из Славтушэни! — Таня быстро пошла в коридор и принесла большой рюкзак.

— Точнее, не только у меня. Алёша тоже принимал участие в выборе.

Она извлекла из рюкзака две безрукавки: одна из голубой норки, другая из ореховой, а так же симпатичную маленькую сумочку. Безрукавки положила на диванчик.

— Примеряйте, кому какая нравится.

— Можно мне голубую? — Ирина робко взглянула на Лену.

— Конечно, можно, Иришка. Она очень подойдёт к твоим глазам. А мне всегда нравился цвет орех.

Пока девушки примеряли меха, Таня из маленькой сумочки достала два золотых браслета очень красивого плетения, один из которых украшали сапфиры, а другой изумруды.

— Изумруды тебе, Лена. Это твой камень. А тебе сапфиры, — подала она браслеты девушкам.

— Красота необыкновенная! — Подруги восхищённо рассматривали подарки.

— Дорого, наверно, да, Тань? — Ирина не могла налюбоваться на игру камней в то время как Лена, любуясь собой в мехах, не могла оторвать взгляда от зеркала.

— Это вам свадебные подарки.

— Слушайте, а давайте свадьбы в один день сыграем! — Предложила Лена. — Мы ведь только вашего возвращения и ждали.

— Мы не успеем. Ксею надо ещё развестись.

— Кому?

— Ой, это так Алёшу звали в том мире. Я иногда его по привычке тоже так называю. Так, что, девочки, сначала вы, потом мы.

— Доброе утро, красавицы! — На кухню вышел Балю. — Оооо! Как вкусно пахнет! Остальные ещё спят, что ли? Вот лежебоки!

— Кто это лежебоки? — Коля подошёл к Иринке и поцеловал её. — Доброго всем утречка.

— А где Олег с Алёшей? — Таня посмотрела за спину Кэпа.

— Марат на болконе курит и Барс с ним за компанию постоять пошёл.

— Вот опять на голодный желудок! — Покачала головой Лена.

— Поездка у нас интересная получилась, — говорил в это время Алексей Олегу. — Каждый из нас себе жену нашёл. Кстати, как тебе удалось Лену у Стаса отбить?

— Да, там отбивать нечего было. Он же женат. Девчонке восемь лет голову морочил: вот сын в первый класс пошёл, как же я уйду. Вот дочка в первый класс пошла. Вот сын уже

подросток, сложный возраст, ну и так далее. Всё обещал развестись. Первое время, пока она училась, помогал ей, хоть в этом мужиком оказался. Квартиру снимал. Потом, когда она институт закончила и работать пошла, стал появляться реже и помогать перестал. Но она молодец — его не винила, себя не оправдывала. Говорит, знала, на что шла. Я её, как в лагере увидел, так покой потерял, а телефон попросить не решился. Вообще, это Коле надо спасибо сказать за то, что мы вместе. Уже в Питере я у него спросил, общается ли она с его Ириной, а он уже выводы сделал и встречу нам устроил. У нас же с ней всё у него на даче сложилось. Я, правда, боялся очень, что она со мной только Стасу назло. Ну, что-то вроде мести ему. А Кэп мне говорит: «Не дури. Посмотри, какими глазами она на тебя смотрит!» Мы с ней сразу же жить вместе стали. Она моим понравилась очень. Быстро с ними общий язык нашла. Отца поразила кулинарными способностями, а маму покорила тем, что чудесно вяжет. А котяра мой, этот Вискас мерзкий, сразу к ней на руки пошёл, представляешь!?

— Так, бойцы! Вас долго ждать? Там Баллу уже от запахов еды скоро в голодный обморок упадёт. — Появился на балконе Николай.

Когда мужчины пришли на кухню, то Баллу вовсю уплетал завтрак.

— Доброе утро, — сказали Алексей и Олег.

— Никакой мужской солидарности, — глядя на Баллу, покачал головой Алексей и поцеловал Тату.

После завтрака Таня с Иришкиного телефона позвонила Глебу. Все её вещи вместе с телефоном после падения остались у Юры.

— Привет, сынок. Как вы тут?

Долгая пауза, потом крик в трубку:

— Мама, мамочка! Ты где?

— Я в Питере, сынок. Сейчас собираюсь к тебе. Ты на работе?

— Да, на работе. Где в Питере?

— У друзей.

— Почему у друзей? Почему не у меня?

— Вот сейчас еду к тебе. Ты бабушке позвони, только не говори ничего про меня.

Скажи, что ты приедешь. Пусть тесто на пироги ставит.

— Мама, это, правда, ты?

— Глебка, мы через пару часиков к ресторану подъедем. Ты с работы сможешь слинять?

— Мама, ну, конечно, я уйду с работы. А с кем ты приедешь? С Юрой?

— Нет, сынок, со своим будущим мужем и нашими общими друзьями.

— Мамочка, я жду вас, приезжайте скорее.

— Бабушке не забудь позвонить.

К ресторану они подъехали через полтора часа. По дороге заехали в ЗАГС, где Барс подал заявление о разводе, а Коля с Ирой и Олег с Леночкой о бракосочетании. Таня показала мужчинам, в каком месте лучше припарковать машины. Они въехали во двор и Таня удивлённо воскликнула:

— А моя-то машина тут откуда? Юра, что ли приехал?

— Очень хорошо, если приехал. — Сказал Алексей. — Сразу все точки над «и» расставим.

— Ребята, вся свадьба за мой счёт. — Подходя к ресторану, сказала Татьяна.

— Таня, но это же очень дорого, — смутилась Ирина.

— Это мой свадебный...

— Наш свадебный подарок, — поправил её Алексей.

— Да, Алёшенька, ты прав. Это наш подарок.

Они зашли в ресторан. Таня с волнением оглядывала зал.

— Татьяна Вадимовна, здравствуйте! — Поспешила к ней стройная блондинка, но её опередил темноволосый молодой человек.

— Мамочка! Мамочка! — Он обнял её, стал целовать лицо, волосы. — Мамуля, я так волновался, хоть бабушка и уверяла меня, что с тобой всё в порядке. Бабушка говорила, что до Нового года ты появишься...

— Сынок, познакомься, — сказала Таня, смахивая слёзы, — это Алексей, мой будущий муж, а это наши друзья, Коля и Иринка, Олег и Лена. У них скоро свадьба, и проходить она будет в нашем ресторане.

Глеб поздоровался с мужчинами. Ему понравилось крепкое рукопожатие Алексея. «Да, уж, Юре до него, как Васюкам до Парижа», — подумал сын, радуясь, что у его матери появился такой располагающий к себе мужчина.

— Мам, я от радости плохо соображаю. Когда свадьба? Завтра?

— Нет, что ты. Через месяц. Ты бабушке звонил?

— Да, сказал, буду к обеду.

— Давайте, может, кофейку? А потом в путь, — предложила Таня.

Пока пили кофе, несколько работников ресторана подошли поздороваться с Татьяной.

Глеб убежал то на кухню, то к бару.

— Я смотрю, посетителей много. Как ты справлялся всё это время? — Татьяна взъерошила сыну волосы.

— Да хорошо, мама. Правда, пришлось кое-кого уволить, но это так, мелочи.

Таня, зная, что Коля и Ира приезжали вместе с Юрой к её родителям, пригласила их к себе, уверяя, что мама будет рада. Она и Олега с Леной приглашала, но они отказались. Хотели вместе с его родителями отметить подачу заявления и поговорить о свадьбе. На том друзья и распрощались.

— Глебка, откуда тут моя машина?

— Ой, мама! Я совсем забыл сказать. — Он понизил голос, чтобы Алексей не услышал. — Юра приезжал и оставил. Там вещи, а ключ — вот. — И он протянул маме ключ с брелком.

Первым в дом вошёл Глеб.

— Бабуля, ты где?

— Она в погреб за грибами спустилась, — встал навстречу внуку Вадим Сергеевич. И вдруг увидел Колю с Иринкой.

— Ааа! Спецназ! Приветствую, — он подал Коле руку и замер.

— Танюха! Вот ведь... — Он обнимал дочь, тряс за плечи, снова обнимал, потом крикнул куда-то в сторону:

— Люся! Люся! Иди скорее!

— Ну, что ты так кричишь... — Людмила Петровна шагнула на кухню и выронила миску с солёными грибами. — Доченька! — Бросилась обнимать Таню.

Она целовала её, потом отстранялась, смотрела на неё глазами, полными слёз и снова целовала.

— Ой, майор! — Повернулась она к Николаю. — Рада снова видеть вас вместе с Иринкой, — и тоже обняла девушку. Потом посмотрела на Алексея:

— А, Вы, значит, и есть тот офицер, который спас мою дочь?

Алексей смутился, поцеловал руку Таниной маме:

— Барсов Алексей.

— Людмила Петровна, давайте я пока грибы-то с пола уберу и вытру всё, — предложила Иринка.

— Ну, что, Вы, Ирочка... что Вы...

— Я всё сделаю, — сказал Глеб, — вы пока на кухню проходите.

Обед плавно перетёк в ужин. Разговаривали много, весело. Вадим Сергеевич шутил Людмила Петровна одёргивала его, когда он наливал слишком полные стопки. В их семье Алексей чувствовал себя так уютно, словно был знаком с ними много лет.

— Алексей, а вы с Николаем служите?

— Да. И служим, и дружим.

И в этом доме они тоже засиделись далеко за полночь. Людмила Петровна приготовила комнату для Иры и Кэпа, Глеб пошёл спать в свою, а Таня с Алексеем в её комнату, в которой было застелено свежее бельё.

— Ждала тебя со дня на день, а всё равно неожиданно ты появилась, — обняла её мама. — Алексей-то твой мужчина подходящий, сразу видно — со стержнем.

— Мам, я потом тебе расскажу про то, что в Славтушэни случилось, — шепнула Таня маме на ушко.

— Да, я, дочка, поняла, что ты не хочешь про магические способности говорить при гостях. Ладно, ложитесь спать, у нас ещё буде время посплетничать.

На следующий день, после завтрака, Ира с Николаем собрались в город. Хотели заехать к Колиным родителям и рассказать о предстоящей свадьбе. Алексей тоже решил поехать с ними. Во-первых, ему надо было забрать машину от Колиного дома, во-вторых, съездить домой и забрать некоторые вещи, ведь завтра он должен был появиться на службе вместе с Кэпом и сослуживцами.

Когда Коля сказал родителям, что они с Ирой подали заявление в Загс и через месяц будет свадьба, Елена Николаевна стала обнимать Иринку и сына.

— Ну, наконец-то! — Сказал Евгений Николаевич. — А то я думал, не дожждёмся уже.

— Барс со своей девушкой нашёлся, что ли? — Поинтересовалась Марина.

— Ура! Свадьба! Свадьба! — Запрыгала вокруг дяди Настенька. — А у тебя будет белое платье? А фота будет? А платье будет длинное? — Засыпала она тут же вопросами Иринку.

— Настя, успокойся! — Марина покачала головой.

— Да, Барс с Таней вчера вечером объявились.

— Ириша, ты можешь пока родителям про возвращение Барса всё рассказать, а я с братом пошепчусь? Ладно?

Ирина кивнула, и Коля с сестрой ушли в комнату.

— Что ещё? — Насторожено спросил Коля, ожидая подвоха от сестры.

— Слушай, я, когда с Ириной в первый день знакомства разговаривала, она мне сказала, что мать-то её жива.

— Я знаю и что?

— А то, что невесту твою в прямом смысле слова обобрали. Я, когда узнала, что отец её был бизнесменом, по своим каналам пробила кое-что о нём. Согласись, фамилия Кагуани это не Иванов. Так что про его бизнес я ооочень много узнала. Он был крупнейшим поставщиком сантехники в нашем городе. У него не миллионы, у него миллиарды!

— И что?

— Брат, ты не догоняешь? Она же миллиардерша!

— Снова спрошу — и что?

— Да что ты, как попугай заладил! Я говорю, что девочку твою общипали, как липку. Ты бы поговорил с ней об этом...

— О чём и с кем Коля должен поговорить? — Появилась в дверях Иринка. Голос её был напряжён.

— Послушай, Ира. Только послушай спокойно, без нервов. — Марина шагнула к будущей невестке. — Я без вашего с Колей ведома навела справки о бизнесе твоего отца. Твоя мать полностью владеет всем тем, на что ты тоже имеешь право. Она забрала всё, понимаешь?

— Мне ничего от неё не надо, — ледяным тоном сказала Ира.

— Да, Иринка, пойми. Я говорю не про её долю, а про твою. И это не от неё, а от твоего папеньки! Ты же мне сама рассказала, что отец хотел из тебя сделать бизнесвумен. Для этого он и отправил тебя за границу образование получать. Значит, он хотел тебя приемницей сделать, понимаешь? Он на тебя рассчитывал! А ты по каким-то причинам без всего этого осталась. Или ты какие-то бумаги подписала?

— Марин, во-первых, с того времени прошло больше двух лет, и я вряд ли могу восстановиться в правах наследства, во-вторых, я ничего не подписывала, а, в-третьих, там такая грязная история, что я... что у меня... — губы у Иринки задрожали и на глазах появились слёзы.

— Марина, прекрати! Ириша... маленькая, — Коля прижал к себе дрожащую девушку, — успокойся... Успокойся, солнышко.

Но Марину не так-то легко было остановить.

— Может, тебе и неприятно вспоминать эту историю, но я это так просто не оставлю! Я не позволю обирать мою родственницу! Не хочешь думать о себе, подумай о брате, о своих племянниках, о своих будущих детях, в конце концов! Не хочешь слушать меня — послушай брата! Коля, ну что ты молчишь!?

— Марина, нам не нужны эти деньги. Я хорошо зарабатываю. Ира тоже...

— Вот вы... — Марина явно хотела сказать что-то оскорбительное, но лишь рукой махнула. — Деньги лишними не бывают, как вы не понимаете. И не важно, сколько вы зарабатываете! А, знаете что? Я вот Барсу на вас пожалуюсь. Кстати, у него с головой, в отличие от вас, всё в порядке. Он вам быстро мозги вправит!

— Барсу?.. — Ирина посмотрела на Колю. — Я лучше у Таты спрошу.

— Тата у нас кто? — Поинтересовалась Марина.

— Это будущая жена Лёшина.

— Она юрист?

— Нет, — Ира вдруг улыбнулась. — Она самая лучшая на свете... Она за справедливость. И если она скажет, что ты права...

— Так! Где там ваша Тата? Мне надо срочно с ней познакомиться.

Алексей подъехал к дому в тот момент, когда Юля с Никитой выходили из парадной. Никита направился к машине, а Юля — к Алексею.

— Ты зачем явился? — Пошла Юлька в атаку. — Ты сказал, у нас, — она подчеркнула «нас», — есть три дня... Или — что? Тебе твоя красотка от ворот поворот дала? А, может, по мне соскучился...

— Юля, Юля, успокойся! Я за вещами только. Мне завтра на службу. К тому же могу тебя заверить, что я не собираюсь посягать на ваши отношения с Никитой и по тебе уж точно не скучаю.

— Ты, как был мужлан неотёсанным, так и остался! Как только она тебя терпит!?

— Юля, ты что на человека бросаешься? — Никита подошёл к ним.

Юлька, поджав губы, демонстративно прошла к «Вольво».

— Никита, открой, пожалуйста, машину, — бросила через плечо.

— Что это она сердится на тебя? — Подозрительно спросил Никита.

— Расстроилась, что я не стал за неё бороться. Самолюбие... — Барс развёл руками и отправился в квартиру.

Телефонный звонок застал его, когда он сидел в машину.

— Дошло до меня, о, Великий шах, что Вы снова с нами, — пропел сладкий голосок в трубку.

— Маришка! Как я рад тебя слышать!

— А сам что не позвонил?

— Так только вчера из леса вышел, — хохотнул Алексей. — Сразу к Кэпу, а потом вот к будущим родственникам.

— Да. Слышала новость. Я всегда говорила, что Юлька не твоя пассажирка. Эта хоть нормальная?

— Эта тебе не по твоим острым зубкам. Этой палец в рот не клади!

— Ира говорит, она справедливая и добрая.

— Есть такое дело. А, Вы, с какой целью интересуетесь?

- Поговорить мне надо с твоей Татой.
- Маришка, раньше вторника никак — служба. А что случилось-то?
- Разговор очень важный. Насчёт Ирины. А дама твоя, я так поняла, для неё авторитет.
- Я надеюсь, ты против Иры ничего не задумала? Татка за неё горло порвёт...
- Нет, не против. Наоборот — за.
- Разговор при Ире состоится?
- И при ней и при Коле. Дело серьёзное.

В свой выходной Алексей вместе с Татой приехал к другу домой. Марина уже была у брата. Она вместе с Ирой и Николаем вышла в коридор, когда в дверь позвонили.

— Лёша! — Воскликнула она радостно и обняла мужчину.

— Привет, Маришка. — Он поцеловал её в щёку. — Вот знакомься: это — моя Тата, с нежностью в голосе проговорил Барс.

— Значит, это и есть мисс вселенская справедливость? — Марина внимательно осмотрела Таню с ног до головы.

— Да. Только поправочка — миссис.

— Ой, прошу прощения, — Марина сделала вид, что смутилась.

— Ничего. Каждый может ошибиться, — приободрила её Таня и похлопала по плечу. Потом повернулась к Иришке и поцеловала её в щёку. — Привет, моя хорошая, кивнула Коле и пошла на кухню со словами:

— Иринка! Как же вкусно пахнет пирогами!

— Барс, а она мне нравится! — Марина шутливо толкнула Алексея в бок. — Классная деваха! Поздравляю.

— А в разведку?

— Пошла бы с ней не задумываясь!

Уже сидя за столом и попивая чай, Марина изподтишка разглядывала Таню. Найдёт ли она поддержку в лице этой симпатичной рыжеволосой молодой женщины?

— Ну, что ж: чай попили, пироги поели, может, поговорим теперь о насущном? — Марина обвела взглядом присутствующих.

— Таня, тут сестрицу мою одна бредовая идея посетила...

— Коля, я сама могу всё сказать. Язык у меня, слава Богу, есть, — перебила она брата.

— Люблю бредовые идеи. Они самые лучшие, — улыбнулась Таня, заметив, как слегка побледнела Иринка.

— Ты знаешь, что произошло в семье Иры? — Марина говорила так, словно девушки тут не было.

— В общих чертах. Так... чуть-чуть...

— А я думала, у вас полное доверие, — разочаровано протянула Марина.

— Настолько полное, насколько Ира считает возможным... Марина, говори уже. Не тyani.

— Её обобрала родная мать. Лишила полностью наследства.

— А есть, что наследовать?

— Да. Наследство приличное.

— А тебя это почему заинтересовало?

— А я тоже за справедливость. Как и ты. Только одного понять не могу, почему Иринка так упорно от него отказывается.

Таня посмотрела на подругу:

— Что бы разобраться в этом вопросе, мне надо выслушать тебя. Сама по себе мысль о наследстве не так плоха. Тут я с Мариной согласна. Причину отказа я могу узнать?

— Да, — тихим, чуть дрожащим голосом сказала Ира, — только наедине.

— Не вопрос, Ириш. Ребята, мы вас ненадолго оставим, ладно?

Ирина рассказала подруге о том, о чём не решилась рассказать даже Коле. Оказывается, Аркадий поднимал на неё руку из-за малейшей, как ему казалось, провинности жены. Не так посмотрела на проходящего мужчину, не так разговаривала с его партнёрами по бизнесу, строила кому-то глазки, слишком громко смеялась... Да мало ли что!

Из её рассказа Таня поняла одно: этот человек специально ломал психику Ирины, запугивал с одной лишь целью — держать её в постоянном напряжении и страхе, полностью подчинив себе. Вот только для чего? Вывод напрашивался сам собой — что бы она и слова против не могла сказать ему, что бы он не сделал. Да что слова! Что бы мысли допустить не могла спорить с ним. Таня взяла подругу за руку:

— Успокойся, Иришка. Дыши ровно... Закрой глаза... Хорошо. Я сейчас дотронусь до твоего лба.

Она приложила ладонь к голове девушки, закрыла глаза и... замелькали картинки.

— Вот прав Андрюша — твари они. Ириша, я думаю, что твой муж и твоя мать вступили, как говрят наши правоохранительные органы, в преступный сговор. Отца кремировали, я правильно поняла?

— Да, — согласилась девушка, — только это тут причём?

— Притом, что они его, скорее всего, убили. Отец жаловался на сердце?

— Я редко его видела. А когда видела, то на тему здоровья мы не разговаривали. Но мать при каждом удобном случае напоминала мне, что ему последнее время нездоровится, что его сердце беспокоит.

— Поэтому, когда он умер, ты даже не сомневалась, что от сердечного приступа, да?

— Да...

— А как быстро твой муж ушёл от тебя?

— Не поверишь... На девятый день после смерти отца...

— На матери женат официально?

— Да.

— Я думаю, они давно запланировали это. И как раз для того, что бы ты даже не помышляла о том, что бы заявить свои права на наследство, он так над тобой измывался. Тебя же до сих пор в дрожь бросает от этой истории, правда? Ещё хорошо, что твоя психика это выдержала. Ириш, для них самое главное в этом мире — это деньги. И нет для них ничего страшней, чем эти деньги потерять. Марина права. Как там говорил Маугли? «Мы принимаем бой!»? Так вот, Иринка, мы принимаем бой!

— Тата, ну какой из меня боец! Я, как только кого-нибудь из них увижу, или расплачусь, или в обморок от страха упаду... Ты не согласишься, но я до сих пор вздрагиваю от воспоминаний о своей прежней супружеской жизни. Для меня жить с Колей равносильно тому, что жить в раю. Я даже не думала, что можно быть такой счастливой. Страшно подумать, что со мной будет, если Коля от меня уйдёт!

— Ириш, успокойся. Никуда он от тебя не уйдёт. Он ведь так любит тебя... И поддержит тебя во всём. — Таня обняла подругу. — А о матери и о бывшем не думай. Тебе не придётся с ними встречаться. Всё сделают юристы.

— Откуда они появятся?

— У меня зять в Москве не последний человек. И в друзьях у него не только чиновники, но и прокуроры, полицейские, адвокаты. Так что всё будет хорошо.

— Почему ты думаешь, что они станут мне помогать?

— Потому, что за свою работу они получают хорошие деньги. Пошли на кухню, нас уже заждались. К тому же мне очень интересно, что узнала о фирме твоего отца Марина.

Пока Ира беседовала с Таней, между Мариной и братом опять разгорелся спор, в котором Алексей был вынужден выступать судьёй.

— Кэп, ты, наверно, удивишься, но я согласен с Мариной. С какой стати твоя будущая жена должна дарить своей матери свою долю наследства?

— Ты не знаешь всей трагедии, — Коля покачал головой.

— Да, не знаю. И, судя по всему, мать очень жестоко поступила с Ириной. Так вот, я, как и Тата, за справедливость. А раз с Ирой поступили несправедливо, то надо приложить все усилия, что бы справедливость восторжествовала.

В это время в дверях кухни показались Таня и Иринка.

— Ну, как? О чём договорились? — Марина внимательно смотрела на вошедших.

— Мы пришли к выводу, что ты права. Надо заниматься наследством.

— Вот здоровый взгляд на предмет! — Воскликнула радостно Колина сестра.

— Я смотрю, вы все подсажены на знаменитые фразы из фильмов. Твоих рук дело? — Таня погладила Алексея по плечу.

— Это мы по молодости так развлекались. Кто-то говорит фразу, а остальные отгадывают, из какого она фильма. Ты знаешь, откуда эта? — Теперь Марина смотрела на Таню с любопытством.

— «Покровские ворота».

— Слушай, Барсик, она мне всё больше нравится. Есть предложение дружить семьями.

— Есть встречное предложение — дружить домами, — и Таня подняла чашку с кофе Марине навстречу.

Через несколько дней после этого разговора Андрею позвонили с неизвестного номера.

— Здравствуй, сын, — услышал он вкрадчивый женский голос.

— Вы ошиблись. У меня нет матери, — ответил Андрей и усмехнулся. Таня предупредила его о возможном звонке, но он не ожидал, что он раздастся так быстро.

— Андрей, прекрати ёрничать, — голос мгновенно изменился. — Это твоя мама.

— И что хочет моя мама? — Саркастически усмехнулся Андрей.

— Твоя мама хочет сказать, что Ира зря затеяла эту игру.

— Какую игру?

— Перестань прикидываться! Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю! Если она будет продолжать в том же духе со своими юристами, то я попросту объявлю её душевнобольной и она не то, что ничего не получит, она будет жить на моём содержании всю оставшуюся жизнь! Так и передай ей!

— Стесняюсь спросить, но на каком основании ты собираешься признать её душевнобольной?

— А на том основании, что она же лежала в клинике неврозов.

— Откуда у тебя такие странные ложные сведения? — Искрене удивился Андрей.

Но удивился он не словам матери, а прозорливости Тани. Она сразу сказала, что Дарья Александровна будет делать ударение на нервный срыв Иринки, и побывала в клинике неврозов. Главный врач клиники оказался её хорошим знакомым, и Таня при помощи купюр и гипноза убедила его и медицинский персонал убрать все записи о пациентке Ирине Кагуани.

— Как это — откуда!?! После того, как Аркадий ушёл от неё ко мне, она попала в больницу. Разве нет?

— Как говорят в Одессе: «Кто Вам сказал тех глупостей?» Дарья Александровна, я не знаю, кто и зачем Вам это сказал, но этот человек ввёл Вас в заблуждение. Ни в какой клинике Ира не лежала.

— Андрей, врать не хорошо! — Строго, словно маленькому, сказала она.

— Конечно, не хорошо. А ещё не хорошо выбрасывать на улицу, как старую ненужную вещь, собственную дочь. Хочешь узнать, что ещё не хорошо?

— Так, хватит! Я не для того тебе позвонила, что б ты мне морали читал! Я требую, что бы ты передал Ирине...

— Да пошла ты!.. Требует она, — рявкнул Андрей в трубку и отключился.

Разговор с матерью взволновал и расстроил Андрея. Иринка очень боялась, что мать начнёт её разыскивать после того, как в их с Аркадием офис пришли сразу несколько мужчин и заявили, что они представляют интересы обманутой наследницы Ирины Георгиевны Кагуани. Он очень переживал за Иру, а, судя по разговору с матерью, понял, что настроена она по-боевому. Именно поэтому он сказал, что муж Иринки не рядовой человек. Очень надеялся на то, что она испугается и не станет разыскивать дочь. Ирин номер телефона по совету Тани был оформлен на Колю, а прописана она была у Андрея с тех пор, как мать выписала её из квартиры отца.

Мать была зла на Андрея за то, что он отказался с ней говорить. Она так надеялась узнать от него о том, что надумала предпринять Ирина и очень расстроилась, когда поняла, что Андрей ничего ей не собирается рассказывать. Более того сын посоветовал не связываться с Ирой, мотивируя это тем, что муж её служит в силовых структурах и при желании сотрёт их с Аркадием в порошок. Дарья не для того терпела жадность бывшего мужа и столько лет мечтала освободиться от него, что бы потом делить его деньги ещё с кем-то. Это только казалось, что она купалась в роскоши. На самом деле Георгий был очень скупым. С его деньгами Дарья могла бы постоянно отдыхать на дорогих курортах или проживать в домах, купленных её мужем за границей. Как женщиной, Георгий ей тоже мало интересовался. Он относился к редкому типу мужчин, для которых существовала только работа. На работе он пропадал с утра до вечера, часто уезжал в командировки. Обычно, в таких случаях, мужья хотя бы откупались от жён подарками и деньгами, но это было Георгию чуждо. Владея огромным состоянием, он не баловал лишней раз жену.

— Нет, ну ты слышал, гад какой, а? — Возмущённо сказала Дарья, повернувшись к Аркадию. — Нет, я чувствую, он тоже в этом замешан, бизнесмен фигов!

— Слушай, Даша, мне, конечно, фиолетово, но за что ты так ненавидишь своих детей? — Прикуривая сигарету и откидываясь на подголовник сидения в машине, лениво спросил её муж.

— И этот вопрос задаёшь мне ты!? Человек, который так ненавидел своего брата, что два года издевался над его дочерью, а потом подстроил ему сердечный приступ со смертельным исходом?

— Сводного брата. Сводного! Я ненавидел его всю жизнь за то, что наш отец обманул мою мать. Он обещал уйти из семьи, жениться на ней, но так и не выполнил своего обещания. Всю любовь отдал Георгию, а про нас забыл тогда, когда мне было всего восемь лет! Представляешь, как долго я шёл к тому, чтобы уничтожить его?

— Насколько я помню, он даже не знал о твоём существовании...

— Зато я знал о его, и мне было этого достаточно. Представляю, как больно было моей матери слышать от меня постоянно вопрос, почему папа не приходит к нам. Потом, когда

мне было шестнадцать, она рассказала мне о его предательстве и обмане. Вот с тех пор я и жил мстью... Я нашёл Георгия и уже не выпускал его из поля зрения. Ну, ладно я, со своими детскими и юнешескими обидами за себя и мать, но ты совсем другое дело... Это же твои дети. Твоя плоть и кровь!

— Если бы ты знал, как меня эта плоть и кровь раздражала! Эти пелёнки, эти крики по ночам!.. Ты ошибаешься. Я их не ненавижу. Я их просто не люблю. Нельзя любить то, что ты изначально не хотел иметь, а тебе навязали. Что Андрюшин отец, что Ирин не дали мне сделать аборт. Я вынуждена была стать матерью.

— Тогда не понимаю твоё удивление. Если ты их не любила, почему они должны любить тебя? Ты ничего для них не сделала. Андрея отправила в интернат, Иру за границу. По-моему, тут всё прозрачно. Но меня удивляет то, что Ирка замужем. Я так старался отбить у неё охоту к мужчинам и к замужеству...

— Значит, плохо старался! — Жёстко сказала Даша. — Нет, Аркакша, я не могу позволить, что бы всё, что мы создавали годами, рухнуло в одночасье!

Да, действительно, лишить бизнеса мужа Дарья задумала давно, но смутно представляла, как это осуществить. К тому же одна она боялась что-либо предпринять. Можно сказать, что она была мозгом, но нуждалась в единомышленнике. И, вот на одном из пати она познакомилась с Аркадием. Это только в физике одноимённые заряды отталкиваются. В жизни же подобное притягивает подобное. «Свой свояка видит из далека» — совершенно справедливо гласит русская поговорка. Их потянуло друг к другу и через несколько дней они стали любовниками. А в скором времени план по отнятию бизнеса обрёл чёткие очертания. Аркадий так ненавидел сводного брата, что даже женился, согласно задуманному, на своей племяннице, лишь бы только осуществить мсть. Когда Ирина, по его мнению, была сломлена, план вступил в заключительную фазу. Он подстроил смерть брата, заменив одни таблетки на другие, и после его смерти развёлся с Ирой и женился на его вдове, чем добил Ирину окончательно. И вот теперь, когда они живут в своё удовольствие, над ними нависла опасность потерять это самое удовольствие.

— Ладно. Хватить нюни разводить! — Сказала Дарья. — Поехали в клинику неврозов.

Она была в этой клинике лишь однажды, когда сообщила Ире о том, что выписала её из квартиры. Впрочем, они с Аркадием приложили массу усилий для того, что бы у Иры и мысли не возникло о наследстве и тут вдруг такое!.. Дарья была готова лопнуть от злости.

— Дашенция, аккуратней! — Сказал муж, когда она слишком разогнала машину.

— Не учи отца... — хмыкнула в ответ супруга и затормозила на светофоре.

Едва загорелся жёлтый свет, как она, не дожидаясь зелёного, рванула вперёд.

— Даша!! Машина! — Успел прокричать Аркадий.

В тот же момент что-то огромное и чёрное врезалось в капот их «Мерседеса».

Андрей чертыхнулся, но трубку снял. Не любил он говорить за рулём, но с этого номера настойчиво звонили уже третий раз за последние пять минут. Номер, похоже, был тот, с которого звонила мать.

— Здравствуйте, — услышал он низкий мужской голос.

— И Вам не болеть.

— Простите, Дарья Александровна Кагуани кем Вам приходится?

— А, Вы, с какой целью интересуетесь?

— С той целью, что бы сообщить пренеприятное известие.

— Что? — Хохотнул Андрей. — К нам едет ревизор?

— Нет. Дело обстоит гораздо хуже. Несколько минут назад Дарья Александровна попала в ДТП, — не принял шутку собеседник.

— Секунду подождите.

Андрей, увидев свободное место, припарковал машину у тротуара.

— Простите, я за рулём... Сейчас... соберусь с мыслями... Дело в том, что мы буквально полчаса назад с ней разговаривали...

— Да, Ваш номер был последним, по которому она звонила. Вы Андрей?

— Да, Андрей.

— Так кем Вы ей приходиться?

— Я её сын. Вы сказали — ДТП... А Вы кто?

— Лейтенант Фетисов.

— Она жива?

— Да. Её только что увезла «Скорая помощь» в Александровскую больницу. А Аркадий Валентинович Крупенин...

— Это её муж. Что с ним?

— Его тоже увезла «Скорая». Они оба без сознания, но точнее Вы всё можете узнать в больнице.

— А как всё произошло? Вы можете сказать, товарищ лейтенант?

— Да. Она выехала на перекрёсток в тот момент, когда другая машина ещё не закончила движение. Попыталась избежать аварии и резко повернула руль. Сами знаете, что сейчас на дорогах творится после снегопада... Машину занесло, и она вылетела на встречную полосу, а тут ещё с другой стороны водитель не справился с управлением... Впрочем, картина не утешительная. Врачи не уверены, что довезут их живыми... Простите за дурные новости.

Андрей отключил телефон. В голове была только одна мысль: «Теперь Ире не придётся встречаться с ними, да и до суда дело не дойдёт... Теперь она — единственная наследница». Он прислушался к себе и с удивлением понял, что известие об аварии и о тяжёлом состоянии матери не тронуло его. словно это произошло с чужим человеком. Хотя, так и было на самом деле. Мать всегда была для него чужой. С самого детства.

Татьяна медленно просыпалась от нарастающего сладостного ощущения. Сквозь сон она чувствовала нежные прикосновения и поцелуи Алексея. Он часто будил её таким образом. Когда же он припал губами к её чувственному бугорку, она застонала и изогнулась ему навстречу... Когда они, наконец, смогли оторваться друг от друга, Таня мельком посмотрела

на часы и буквально подскачила на кровати.

— Алёшка! Ты же на службу опоздаешь! Я завтрак не успею тебе приготовить.

— Ну и что? Я чаю попью с бутербродом, — сказал он, привлекая к себе Татку. — Давай лучше ещё полежим чуть-чуть.

— Нет, милый. Давай ты в душ, а я кофе нам сварю и подогрею быстро мясо.

Алексей знал, что касаясь завтрака, с Татой спорить бесполезно. Она была твёрдо уверена, что завтрак — самое важное начало дня. Поэтому он послушно встал с кровати и отправился в душ. Она проводила его на работу и стала готовить плов — любимое Алёшино блюдо. В процессе готовки Таня пила чай и никак не могла справиться с чувством нарастающего волнения. Не тревоги, а именно волнения. То руки подрагивали, то сердце начинало колотиться. Она понимала, что должно что-то произойти, но что? Она вздрогнула от неожиданного звонка.

— Таня, не разбудил? — Услышала она голос Андрея в телефонной трубке.

— Нет. Сегодня Алёше на службу. Я всегда с ним встаю. Что случилось, Андрюша? Дети? Ира? Всё хорошо?

— Да. С ними всё в порядке.

— Тогда что? Ты мне просто так обычно не звонишь. По делу только.

— Да... Дарья в аварию попала. Сейчас в коме...

— Дарья? Это кто-то из вашей родни? Что-то я это имя от Ириши не слышала никогда.

— Ещё бы! Это наша, так сказать, мать.

— Ваша мать в коме?.. А каков прогноз? Что врачи говорят?

— Я ещё с врачами не говорил. Мне только что сообщили, что она в Александровскую доставлена. Я в справочное позвонил... Говорят, в коме.

— Ира знает?

— Нет. Веришь, тебе первой звоню.

— Хочешь, с тобой поеду? Всё узнаем.

— Рад, что ты сама предложила, а то как-то неудобно было тебя самому тревожить...

— Глупости не говори. Через час встречаемся у входа.

Врач развёл руками:

— Прогноз не утешительный. Даже когда она выдет из комы, извините, что так говорю, но радости в этом будет мало.

— Почему? — Удивился Андрей.

— Перелом позвончика в грудном, шейном и поясничном отделах...

— То есть, она даже не на коляске, она прикована к постели будет? Я правильно Вас поняла, Армен Давидович?

— А Аркадий? — Не дожидаясь ответа, спросил Андрей.

— Да, она будет прикована к постели. Полная парализация. — Сказал врач Тане и повернулся к Андрею. — С мужчиной тоже не всё просто: ушиб мозга, так же повреждён позвончик, продвигаться он сможет только на коляске и вот рука ещё... спасти руку не удалось... Да... Вот такая печальная картина.

— Знаешь, у меня смешанное чувство торжества и жалости... Такое бывает? — Спрашивал Андрей у Тани, когда они сидели в кафе за чашкой кофе.

— Конечно, бывает. Вы с Ириной столько натерпелись от неё...

— Я ладно, а вот Иришка... эти два уroda её столько лет ломали... Чуть жизнь ей не искалечили. Слава Богу, её психика выдержала всё это, да ещё вы с Колей встретились на её

пути... Тань, а, может, правда, иногда Господь отрывается от своих вселенских дел и, глядя на нашу грешную землю, вершит справедливость?

— Считаешь, что всё, что с ними произошло — справедливо?

— Уверен! Как думаешь, когда Ире лучше сказать об этом? Сейчас или после работы?

ЭПИЛОГ 1

Сидя в инвалидном кресле и глядя на окружающих его людей, Аркадий пребывал, если так можно выразиться, в полуобморачном состоянии. Высокие, атлетически сложенные мужчины стояли чуть в стороне рядом с хрупкой Ириной и рыжеволосой женщиной, а трое мужчин в элегантных костюмах сидели за столом напротив него с кипой разных бумаг. После того, как один из мужчин закончил свою речь, Аркадию ничего не оставалось, как отписать свою часть компании в пользу Ирины Кагуани в обмен на пожизненное содержание.

Дарья Александровна вышла из комы и, узнав о своём физическом состоянии, очень захотела снова в эту кому впасть. Когда же к ней в палату вошли Андрей и Ира, она разразилась проклятиями в их сторону и потребовала, что бы они больше никогда не появлялись.

— Я не нуждаюсь в вашем сочувствии и вашей ложной жалости! — Прокричала она.

— Не волнуйся. Никто тебя не жалеет, поверь. — Андрей подошёл к ней и заглянул в глаза, полные злобы. — Ведь жалость унижает человека. Кажется, так ты всегда говорила нам с Иринкой? Если честно, единственное желание, которое я испытывал всегда и испытываю сейчас — это плюнуть тебе в глаза.

— Андрюша! — Воскликнула Ира, боясь, что он так и сделает, но брат развернулся и направился к дверям. Ирина поспешила за ним.

Управление компанией Ира доверила брату, назначив его директором. Во-первых, она не хотела заниматься бизнесом, во-вторых, Андрей имел уже свою фирму и понимал в бизнесе намного больше её, ну, а, в-третьих, у них с Колей должен был родиться ребёнок, и она хотела полностью посвятить себя семье.

ЭПИЛОГ 2 (примерно через два года)

— Иринка, Коля, ну где вы так застряли!? — Таня обняла подругу. Поцеловала сначала её, потом Николая. — Давайте, проходите скорее. Только вас ждём.

— Подумаешь, всего-то час подождали и ворчат! Мы вот некоторых почти три месяца ждали и ничего! — Николай в ответ поцеловал в щёку Татьяну. — Ну, и где счастливый отец?

— Здесь, я, Коля. Тёзке твоему подгузник менял.

— Так, Ириш, давай Танюшку поддержи, а ты подарки доставай, — сказал Коля жене.

Ирина отдала дочку мужу и пошла к машине.

За столом на веранде собралось огромное количество гостей. Праздновали день рождения близняшек Барсовых — Коли и Иринки. Тут были и Колины родители, с которыми сдружилась Таня, и родители Олега, которые были частыми гостями в семье Барсовых, и Марина с Настенькой. Олег не отходил от Леночки: ей оставалось меньше месяца до родов. Маленькая Иринка закапризничала и Елена Николаевна взяла её на руки.

— Ну, что, маленькая? Что случилось?

Она погладила девочку по головке, поправила ей чёлку и провела рукой по затылку.

— Ой, Таня, а что тут у неё на затылочке? Шрам, что ли?.. Странный какой-то? — Она попыталась рассмотреть затылок у малышки, но Людмила Петровна подхватила внучку на руки и изобразила удивление:

— Какой шрам? Где? Таня, Иринка падала, что ли?

Тата переглянулась с Алексеем и мамой.

— Да. Просто мы не хотели Вас расстраивать... Всё обошлось и шрам, слава Богу, не глубокий... — Алексей снова посмотрел на жену и заговорчески ей подмигнул...

Оставить отзыв о книге - <https://knigoed.net/url/4nc>